

НА БЕРЕГАХ БИРЫ И БИДЖАНА

ЛЮДИ БИРОБИДЖАНСКОГО ПОКОЛЕНИЯ

Книга II

БИРОБИДЖАН
2019 год

ББК 63.3
ISBN 978-5-904121-38-9

Составитель Е.И. Сарашевская

Общественная редколлегия:

В.С. Гуревич, Е.И. Сарашевская, В.П. Фоменко

ЛЮДИ БИРОБИДЖАНСКОГО ПОКОЛЕНИЯ

II книга

Жителям Еврейской автономной области памятна серия книг «На берегах Биры и Биджана», которая выходила в 1970-е — 1980-е годы и была посвящена истории ЕАО и ее людям.

К 85-летию области мы решили возобновить эту серию и опубликовать в ней переведенные с идиша произведения о первых еврейских переселенцах Биро-Биджана.

Этот сборник включает в себя книгу Льва Лейбмана «Коммуна «Икор», которая повествует о первой и последней на Дальнем Востоке еврейской молодежной сельскохозяйственной коммуне, три главы из книги Леона Тальми «На целине», повесть Гиша Добина «На Амуре». Эти произведения были переведены на русский язык в 2016 — 2018 годах сотрудниками «Биробиджанер штерн» и впервые опубликованы на страницах газеты.

В сборник также вошли воспоминания первых еврейских переселенцев, записанные Гишем Добиним. Они были переведены ранее и публиковались в серии «Библиотека общины «Фрейд».

При оформлении использованы фотографии из фондов Российского этнографического музея и Областного краеведческого музея, г. Биробиджан.

Издание осуществлено с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного общественной организации «Наследие ЕАО» Фондом президентских грантов.

© ОО «Наследие ЕАО», 2019
© Издательский дом «Биробиджан», 2019
© Редакция газеты «Биробиджанер штерн», 2019
© ФГБУН ИКАРП ДВО РАН, 2019
© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2019

*И вот они упали у края земли —
там, где начинается неведомое и
страшное — тайга. Они не отступили
перед ее грозным и зловещим гудением,
не бросились назад, столкнувшись с ее
суровостью. Они выстояли в первой,
самой решительной схватке.*

*Виктор Финк.
Евреи в тайге*

ביראָבידזשאנער שטערן
בש
 Биробиджанер штерн

ЕВРЕЙСКАЯ
 АВТОНОМНАЯ
 ОБЛАСТЬ

ייִדישע
 אויטאָנאָמע
 געגנט

ОО «Наследие
 Еврейской автономной
 области»

А. Лейбман (Лев)

**КОММУНА
«ИКОР»**

***Пионеры-коммунары на фронте
строительства социалистического
Биробиджана***

(Перевод с идиша Елены Сарашевской)

Государственное издательство Белоруссии
Евсектор, Минск, 1932 год
Биробиджан, 2016 год

Предисловие

Максим Горький пишет о цикле «История фабрик и заводов» следующее: «Рабочий класс Союза Советов строит на огромной земле своей социалистическое общество. Достаточно ли осведомлены мы об успехах социалистического строительства? Хорошо ли мы знаем о том, что делается на фабриках и заводах, шахтах и рудниках нашей огромной страны? На эти вопросы можно ответить только так: мы крайне плохо знаем все то, что совершается в Союзе Советов трудом концентрированной энергии миллионов единиц рабочего класса».

Что же в таком случае сказать о Биробиджане? Знаем ли мы, что там происходит, какая грандиозная работа там свершается? Кроме случайных сообщений — часто сомнительного качества — мы не знаем ничего об успехах еврейского ишува на социалистическом фронте.

Цель данной книги — просто, «без претензий» описать эпопею сражений молодежной коммуны на полях Биробиджана (несколько фотографий, которые вы встретите в книге, служат в качестве иллюстраций к тексту).

Эта книга отличается от многих других, написанных в последние годы о Биробиджане. Во-первых, здесь говорится только об одном коллективе — коммуне «Икор». Во-вторых, этот материал не априорный и не прогнозный. Это итог трехлетней работы в Биробиджане. Здесь находит отражение не только радость работы, полученных результатов и побед, но также и масса трудностей и препятствий — все, что сопровождает любую колонизацию на новой, малообжитой земле. На втором моменте мы в этом историческом обозрении намеренно остановились более подробно: чтобы показать, что Биробид-

А. Лейбман (Лев)

жан требовал (и требует сейчас) преодоления трудностей, которые, однако, могут быть устранены благодаря высокому энтузиазму революционного пыла. Эта книга составлена на основе личных наблюдений, рассказов коммунаров, протоколов и писем и должна восприниматься как исчерпывающий материал (не считая финансовых документов коммуны, которые по разным причинам не удалось получить).

Принимая во внимание, что книгу эту пришлось писать в самой коммуне, на фронте покорения Биробиджана (когда нужно быть решительным, готовым к борьбе, способным ориентироваться), при недостатке самых минимальных материальных возможностей (писчей бумаги, рабочего места и т.д.), читатель, уверен, простит некоторую неизбежную стилистическую недоработку или текстуальную недосказанность.

Эта небольшая работа — попытка всесторонне описать коммуну, призыв к коммунарам на их боевых позициях. А для трудящихся Страны Советов и капиталистической заграницы эта книга — свидетельство того, как еврейские рабочие массы под руководством компартии и на пути к коммунизму превращают вчерашнюю дикую тайгу в социалистический рабочий район. Это задача данной книги.

Автор

Глава 1. ПРЕДЫСТОРИЯ

СТАНЕМ ПИОНЕРАМИ

Это было в апреле 1928 года. Нежная зелень весны расцветила еще заснеженную местами территорию Курасовщинской сельскохозяйственной школы, что недалеко от Минска. Начал порошить снежок, который наполнил курсантов-выпускников радостным волнением. Они были полны надежд. Обсуждали планы, на каком участке социалистического строительства принести пользу Стране Советов. Двадцатого марта как эхо на их душевные устремления отозвался клич: Биробиджан!

Лаборатории опустели, курсанты задерживались на переменах, собирались группами и перешептывались: «Товарищ Бейнфест приехал из Биробиджанской экспедиции. Он рассказывает, что Биробиджан пригоден для заселения трудящимися-евреями».

«Ребята, надо ехать, — решили 12 крепких, сильных, здоровых парней. — Мы должны помочь еврейскому переселению в новый край, который выбрали партия и советская власть».

И по всей школе, и даже в Минске и Москве было услышано обещание трудящейся молодежи, комсомольцев: «Станем пионерами!»

Трудную борьбу пришлось вести с педсоветом и Народным комиссариатом просвещения Белоруссии. «Учителя и большинство курсантов не верили, что нам хватит смелости и решимости поехать в этот далекий край, — рассказывает один из пионеров «Икора» тов. Вихнин, ныне студент Новополтавского сельскохозяйственного

А. Лейбман (Лев)

института. — Нас пугали тайгой, дикими стихиями, тиграми, медведями, гнусом, стремительными реками, которые уничтожают все на своем пути и затапливают леса и поля. А мы очень серьезно говорили о том, что человеческие жертвы необходимы, нужны люди, которые проложат путь следующим поколениям. Мы глотали каждую газетную строку, делились впечатлениями».

И вот 18 апреля двенадцать курсантов и двое сельхозрабочих выехали с Курасовщины в Минск. Тем временем стало известно, что Биробиджан закреплен для еврейского переселения, и в здании Минского ОЗЕТа наши пионеры организовались в коммуну. Провели первое собрание, избрали правление, дали коммуне название — «Икор» в честь организации революционных еврейских рабочих Америки, которая поддерживает еврейское переселение в СССР.

Когда 14 коммунаров прошли отборочную комиссию и были признаны годными, парням стало ясно, что в Биробиджане им предстоит тяжелая, ответственная, серьезная работа. Стали собираться в путь. 19 апреля в Минске прошел прощальный вечер, в котором приняли участие рабочие и учащаяся молодежь. Они разделили с коммунарами этот момент и пожелали им успехов.

В ПУТЬ

Отъезд в Биробиджан (20 апреля) превратился в демонстрацию минских рабочих. Пролетарские студенты еврейского отделения Белорусского государственного университета не пошли в тот день на занятия и организованно двинулись на вокзал. Там ждали рабочие делегации и два оркестра. С приветственными речами выступили представители партии и КомЗЕТа. Слышался плач — отцы, матери, дети, жены, братья, сестры провожали своих родных в «страну мошкары, комаров и белых медведей, откуда, кто знает, вернутся ли они назад». Свис-

ток локомотива, и под звуки оркестра ребята (вместе с другими переселенцами) отправляются в путь — в далекий Биробиджан.

«Среди переселенцев, — рассказывает один из первых коммунаров тов. Шлейфер, — были разные «типажи». Ремесленники — сапожники, портные, парикмахеры. Люди без профессий и представители «неизвестных» профессий, веселые и грустные, с улыбкой на губах и со странным блеском в глазах. Ремесленники горели от нетерпения, даже в почтовом вагоне организовали «мастерские».

Чтобы охарактеризовать часть пассажиров, рассказывают ребята такой эпизод: один «ремесленник», бедняга, погорел на своем деле. Когда на него составляли протокол, спросили, как его зовут. Он ответил: «Мое имя «Лехо-дойди», фамилия — «Ликрас кало», имя отца — «Пней-шабос некабло». Все рассмеялись, и еврей вышел чистым... (**«Лехо-дойди ликрас кало пней-шабос некабло» — «Выйди, друг мой, навстречу невесте, вместе встретим Субботу» — строчка из известного субботнего гимна «Лехо-дойди» — прим. ред.**). Вот такие персонажи там встречались.

Большинство, однако, были простые труженики, промышленная беднота, рабочие. Во время долгого путешествия коммунары были примером для других. Уже первого мая в вагоне было проведено собрание. Продукты получали организованно. Организовывали веселые игры, беседы; сыпались анекдоты, байки, шутки. На станции Тюмень пересели в так называемые теплушки, фактически — товарные вагоны, приспособленные под пассажирские. На всех станциях стояли подолгу, и люди разных «профессий» имели возможность широко рекламировать свои «ремесла».

13 мая, после 22-дневного пути, коммунары прибыли на станцию Тихонькая.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Когда добрались до места, стояли теплые майские дни. На ровной площадке около станции парни установили палатки и начали изучать окрестности. Произошло «разочарование». Никаких смертоносных насекомых тут не было. Только мелкая мошка, которая немного досаждала по вечерам, напоминала о Биробиджане. Не встретили ребята никаких диких зверей. Яркое солнце, пронизывая прозрачный воздух, играло лучами в небесной синеве. Когда опустились сумерки, кто-то достал гармошку. Парни встали в круг и под переливистые звуки, разносившиеся по сопкам, пустились в «интенсивные» и «экстенсивные» танцы.

Через несколько дней пошел дождь.

Где укрыться? Палатки промокли насквозь, куда деться? «Мы недолго ждали, — рассказывает товарищ Балак, еще один из первых коммунаров, — и обратились в железнодорожный клуб. Но туда нас пускать не хотели. Тогда мы взломали дверь и пожаловали туда «непрощеными» гостями. Через четыре дня, когда дождь прекратился, снова поставили палатки, но уже на другом месте».

Не теряя времени, парни собрали деньги, которые оставались у них еще со стипендии, взяли в ОЗЕТе кредит 200 рублей и приобрели первые кухонные принадлежности. 15 мая провели общее собрание, на котором стоял вопрос об организации работы в коммуне. И сразу же икоровцы вместе с другими переселенцами принялись за ремонт дорог. Некоторые переселенцы не выдерживали такую тяжелую работу. Но коммунары, вместе с большей частью переселенцев и курсантами Гомельского педтехникума, оставались на своих постах до конца.

В это же время ОЗЕТ предложил лошадей для хозяйства. Целыми днями парни пропадали на ОЗЕТовской

коньбазе, подыскивая «помощников» для будущей работы. Но хороших лошадей было так много, что парни пребывали в растерянности — какая лучше, какую выбрать? Взяли двух лошадей, купили телеги и стали возить песок для насыпи. Другая группа копала канавы и расчищала дорогу Тихонькая — Бирофельд.

Через две недели коммуна перебралась на Бирское опытное поле — это в 60 километрах от Тихонькой. Получили еще трех лошадей, и тягловая сила состояла уже из пяти лошадей. На этот раз парни устроились в бараках и нашли временное занятие — пилили и подвозили бревна на опытное поле. Неплохо заработали.

Из своего состава коммунары выделили трех парней в качестве инструкторов на земельные участки, отведенные для переселенцев. Один из них поступил учиться на тракториста на специальные курсы в Бирофельде.

Парни заметили, что и у них, и у других переселенцев пропадает много пищевых отходов. Это им не понравилось, и они выдвинули требование: «Мы можем есть бесплатное сало. Двух свиней сюда!». И первые две свиньи появились в большом Биробиджанском районе именно у коммунаров-икоровцев. Таким образом, благодаря отходам, у ребят появилось сало и мясо. Но и на этом коммунары не остановились. Видят парни, что такая работа не годится, что таким путем не построить образцовую коммуну. Созвали собрание и решили выбрать собственный земельный участок. Остановились на так называемом Степном участке в районе Бирофельда, в трех километрах от Бирофельдского опытного поля. Место это приглянулось, во-первых, из-за хорошей почвы, во-вторых, рассчитывали, что оно станет центром переселения.

Двое парней к тому времени отсеклись, на их место вскоре прибыли новый коммунары и две девушки. Таким образом, в коллективе уже было 15 человек. Стали готовиться к строительству дома. Трудным оказалось это дело

— покорять биробиджанскую тайгу. Но бревно за бревном доставляли ребята из леса. С каждым часом, с каждым днем все больше. За досками поехали на 22-й километр, в «штаб гнуса», как прозвали это место переселенцы. Для этих целей взяли двух лошадей. Остальные три возили бревна «на заработок». Через некоторое время коммунары смогли нанять местных строителей. ОЗЕТ дал кредиты, и к июлю уже были готовы дом и конюшня. Обе постройки заняли площадь 12х20 квадратных аршинов.

Всего 15 икоровцев — и на все у них хватало рук. Этот корчевал, тот возил бревна, другие возили доски, косили, варили, посадили гектар картофеля, посеяли полтора гектара гречихи и подняли около трех гектаров целины.

ПОБЕДА ДАЛАСЬ ТРУДОМ

Одновременно продолжали косить сено у реки Ушумун, которая впадает в Биру. По хозяйственному плану на 1929 год коммуна получила задание заготовить в срок определенное количество сена. Июль выдался дождливым, заедали комары и мошка, было тяжело выполнить план по заготовке сена. Солнце припекало нещадно, с изнуренных коммунаров пот тек рекой. Грязные болотца служили источником воды. Почти все коммунары (и другие переселенцы) переболели дизентерией. Но никто из них не обращал на это внимание.

О героической преданности работе, которую демонстрировали переселенцы, свидетельствуют многие факты. Например, такой: в один из погожих солнечных дней нужно было закончить стоговать сено. Это было нелегкой задачей для коммунаров, потому что практически все они были измучены дизентерией, а некоторые были все еще больны. Тов. Рогинский (коммунар) стоял на стоге и от усталости упал в обморок. Полумертвого его

принесли домой. Но и это не могло остановить коммунаров — их ждала срочная работа. В это же время разразилась эпидемия сибирской язвы. Десятки лошадей пали у переселенцев, в течение месяца не осталось ни одной. Икоровцы уберегли своих лошадей (они называли их «папами») — вовремя поставили их в конюшню и не выпускали на поля, берегли как зеницу ока. В результате все лошади у коммунаров, несмотря на то что «Икор» находился в центре эпидемии, уцелели.

Интересно, что некоторые коллективы, как, например, «Победа», попытались использовать этот момент и сбежать из Биробиджана, но тут партийная ячейка приказывает: комсомольцы и партийные должны оставаться на местах.

Для молодых героических коммунаров, воодушевленных единственной целью — создавать и строить, начинаются трудности. В этом же году, уже в середине июля, начинаются затяжные проливные дожди; предстоят большие наводнения. Реки Амур и Бира выходят из берегов, сразу же начинает свирепствовать гнус. Коммуне приходится вести борьбу за существование против полчищ оводов, комаров, заедающей мошки и жгучего мокреца. Переселенцы задыхались от дымовых костров, которые помогали разгонять миллиарды насекомых. В помещениях часто невозможно было находиться, люди вынуждены были искать спокойное убежище. Приходилось не спать ночи напролет.

Товарищ Шлейфер рассказывает: «Я держал фасон, забирался в пустой соломенный мешок и завязывал его изнутри, чтобы комары туда не пробрались. При этом я едва мог дышать».

Гнус затмил все дороги. Дни стояли пасмурные и жаркие. В таких условиях хорошо живет комарам, а вот людям они житья не дают. В это время поехали двое коммунаров на 18-й километр от Бирофельда (примерно тридцать километров от Тихонькой). От дождя дорога

сильно раскисла. С горем пополам добрались до места, нагрузили доски на телеги и повернули назад. Вскоре опустилась ночь — поздно было в кромешной тьме ехать по тайге. Пришлось располагаться на ночевку. В тишине и прохладе темной бездны роились тучи комаров. Парни разложили костер, накормили лошадей и легли на сырую траву. Один из них, более основательный, укутался в шинель, потом в дождевик, обвязался веревкой, не забыл даже голенища сапог обвязать. Второй лег поближе к лошадям... Вдруг — душераздирающий крик. Парень сначала подумал, что дикий зверь набросился на его товарища и хочет его сожрать. Кинулся спасать. Но нет! Товарищ его лежал на траве и... рыдал. Оба кое-как продержались ночь, бегали туда-сюда. А когда утром подошли к лошадям, увидели, что их туловища сплошь покрыты запекшейся кровью.

Доводилось парням и диких зверей видеть. В районе Бирофельда был случай. Русский крестьянин добывал большого чернолапого медведя — поднимал его из берлоги под деревом. Парни испугались до смерти, отбежали подальше. А крестьянин одним крепким ударом дубинки по голове уложил зверя на месте.

1928-й был годом крупных наводнений, да таких, что даже местные старожилы не могли припомнить. В связи с тем, что Амур и его притоки вышли из берегов, наводнение охватило большую территорию, от Хабаровска до Благовещенска и Зеи, в том числе район Бирофельда, то есть место расположения коммуны. Целые деревни и поля, дороги и леса были смыты с лица земли мощной водной стихией. К счастью, коммуна, во-первых, находилась на возвышенности, во-вторых, это место с трех сторон было окружено сопками, в-третьих, земельный участок коммуны находился относительно далеко от реки Биры. Но некоторым коммунарам пришлось испытать на себе наводнение. Условия в тайге были крайне тяжелыми. Часть покосов из-за ливней была затоплена. До-

рога в Бирофельд была так размыта, что даже верхом на лошади невозможно было проехать. Переселенцы вынуждены были лежать в бараках и ждать «лучших дней». Это хуже всего влияло на настроение.

Тогда правление, по совету некоторых сотрудников ОЗЕТа, приняло такое решение: поскольку дожди не прекращаются, каждый коммунар может взять двухнедельный отпуск. Коммунары разделились на две группы: сначала одни съездили в Хабаровск, а потом другие побывали во Владивостоке. Вернулись отдохнувшие, с новыми силами. К тому времени трава стояла высокая, густая, и парни энергично принялись косить сено. План был выполнен.

СЕНОКОС НА ТУНГУСКЕ

Закончив с сенокосом, стали готовиться к открытию нового дома и постройки для содержания скота. Пригласили переселенцев из всех колхозов, а также КомЗЕТ и ОЗЕТ. Одного коммунара послали в Тихонькую — закупить продукты и все необходимое. Нелегко было сказать парню: «Поезжай». Шел плотный дождь, небо было затянуто огромными черными тучами. Сопки курились, а это признак того, что дождь зарядил на продолжительное время. Парень долго хмурил лоб, боролся с мыслями: ехать или нет? В конце концов он решился. Запряг Нину, шуструю вороную кобылу, быстро пересек глубокое вязкое болото и остановился переночевать на 22-м километре (от Тихонькой).

Воздух в тайге был неподвижен и полон маленьких двукрылых существ. Комары лютовали. Их укусы причиняли сильную боль. Днем Нину невозможно было узнать — так изменился от мошки и мокреца цвет ее шкуры. Около Тихонькой вода покрыла берега и текла со скоростью 30 километров в час. Мимо проплывали вырванные с корнем деревья, целые постройки и часто

даже домашние животные и скот. Паром унесло. Что делать? Нужно было решиться оставить лошадь на берегу, а самому переплыть реку на лодке. В это время подъехали фуры с несколькими работниками ОЗЕТа. Еще четыре дня напрасного ожидания, что Бира войдет в берега и освободит дорогу к Бирофельду. В конце концов, все тронулись в путь. Впереди ехала ОЗЕТовская фура с профессором Кунцем и Робинсоном. Не успели проехать двух километров, как эта фура ушла под воду. «Коммунар должен помочь». Сказано — сделано: парень долго не думает, скидывает одежду и бросается спасать.

А на телеге коммунара находились еще двое — парень с девушкой, которые попросили подвезти их в «Степной». Река кипела и бушевала, и когда коммунар-икоровец, после того как помог попавшим в беду, вернулся на другой берег, он увидел такую картину: телега оторвалась от оглобелей и плывет по течению. Эти двое сидят наполовину в воде, и женщина истошно вопит: «Помоги-и-и-те»... Оказалось, что они, видите ли, устали ждать и направили лошадь прямо в воду... Парень вместе с ОЗЕТовскими извозчиками бросился в воду, подхватил телегу вместе с двумя тонущими людьми. Но весь груз — сладости, напитки, вещи, деньги — все смыло в реку... Осталось только несколько бутылок водки, на которых лежала потерявшая сознание женщина. Коммунар стоял возле телеги и сокрушался, бедняга, об одежде, о деньгах. Домой он вернулся в одном исподнем...

И все-таки праздник прошел весело. С подарками и в приподнятом настроении. На торжественном вечере председатель коммуны выступил перед представителями переселенцев, колхозниками и гостями с отчетом о проделанной работе. Он уже мог показать, что коммунары накопили 15 сотен пудов сена.

И опять пришло время тяжелой работы, полной, однако, радости и энтузиазма. К концу сентября закончили сенокос, отвезли сено и бревна из Тихонькой в Биро-

фельд (за пуд сена брали 90 копеек). Две девушки выбыли, на работу приняли русскую девушку.

Как уже говорилось выше, из-за сибирской язвы у всех переселенцев кроме коммунаров погибли лошади. Поэтому после того как в Биробиджане установилась ясная осенняя погода, «Икору» пришлось собственными силами осуществлять все перевозки из Тихонькой в бирофельдскую кооперацию. За одну поездку на пяти своих лошадях им удавалось заработать до ста рублей. Потом коммуна по заданию конторы ОЗЕТа занялась заготовкой древесины.

Еще в конце августа 1928 года Биробиджанский районный колхозный союз отпустил коммуне 2500 рублей, и коммунары решили купить коров. Но тогда от этой затеи воздержались, потому что все еще свирепствовала сибирская язва. Теперь же задумались об увеличении стада. Покупать коров отправили в Сибирь двух парней. В Ачинске они купили десять буренок, одиннадцатую приобрели у местного русского жителя. В «Икоре» построили коровник с датскими кормушками и т.п. Когда доставили первую партию коров, все уже было готово. Коровник содержали в таком порядке, что старожилы, проезжая мимо, непременно останавливались и рассматривали его. «Вот чему нам надо поучиться у детей», — удивлялись крестьяне.

Молоко от первых коров парни сдавали в бирофельдскую кооперацию.

Вскоре появились в «Икоре» еще две лошади, их общее количество составило уже семь голов.

Наступила зима. Выдалась она малоснежной, и намеченные лесозаготовительные работы шли очень медленно. Тем не менее удалось заготовить и вывезти 250 бревен. Морозы стояли суровые, температура часто достигала минус 45 градусов. Приехавшие из Белоруссии коммунары были непривычны к такому холоду. Обморожение щек, носа, ушей, рук, ног было частым явлением.

А. Лейбман (Лев)

Но молодые здоровые парни привыкли и к обжигающему сухому морозу, и к мощным дальневосточным ветрам.

СТАДО КОРОВ КОММУНЫ «ИКОР»

18 марта 1929 года ОЗЕТ предложил коммуне перебраться на другое место — Дежневское опытное поле (в 9 километрах от станции Волочаевка и 40 километрах от Хабаровска). Во времена царизма на этом месте находился так называемый племенной рассадник, который в 1915 году превратился в ферму, где содержались лошади, коровы, свиньи. Животных выращивали для военных нужд, под генеральским сапогом работало несколько десятков батраков. Во время Гражданской войны в Волочаевке шли бои между красными партизанами и империалистами. Это место было центром русского переселения.

Без энтузиазма восприняли икоровцы это предложение. Хозяйство на «Степном» участке, в строительство которого было вложено столько сил, было дорого коммунарам. И все же они направили двух парней, чтобы те осмотрели новое место. Участок им понравился. Земля здесь была хорошая. Километрах в пяти отсюда текла река Тунгуска, богатая рыбой. В 25 километрах от этого места сверкал своими водами и отражал в них высокие берега Амур. На заброшенном опытном поле (где как напоминание о научных наблюдениях остался флюгер, который показывал направление ветра) увидели парни два дома, конюшню, коровник, свинарник, склад, птичник и баню.

НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

В конце апреля затеяли переезд на новое место. К этому времени коммуна подвела результаты работы в 1928 году. В хозяйстве имелось 11 коров, 7 лошадей, 2 телен-

ка и... один петух (его купили в селе Бабстово). Поступило сельскохозяйственное оборудование (бороны, плуги и т.д.). Сумма кредитов, на которые было построено хозяйство, достигала 40 тысяч рублей. Дефицит составил две тысячи рублей.

После 20 мая коммуна продала ОЗЕТу дом и хозяйственную постройку в «Степном». На вырученные деньги и новый кредит решили купить коров. Для этой цели послали в Сибирь двух парней. Они купили 22 коровы и оборудование для переработки молока. Увеличилось и поголовье лошадей — теперь их стало девять.

В это же время коммуна отправила одного коммунара в Белоруссию для вербовки людей — готовились к большой работе. Однако на новом месте коммуна столкнулась с новыми трудностями. Нужно было исследовать почву, изучить климат и даже людей. Коренное русское население с недоверием смотрело на худеньких еврейских пареньков, которые хотели в дикой тайге сделать то, что даже опытным местным крестьянам давалось с большим трудом. Некоторые смеялись, утверждая: «Продержитесь несколько дней и сбежите». Коммунары отвечали на это с улыбкой: «Увидите позже». И так и было.

Но в целом коммунаров приняли хорошо, дружелюбно.

Первая посевная кампания на территории дежневского опытного поля прошла, мягко говоря, не блестяще. Не изучив землю, посеяли на ней культуры, которые не следовало сеять. Пахали и косили в тех местах, которые потом пришлось бросить.

Площадь территории, которую занимал «Икор», составляла 2400 га. Прежде чем коммунары прибыли на это место, им было сказано, что 25 гектаров земли там уже вспахано. На деле же икоровцы обнаружили там лишь около 15 гектаров. Пришлось корчевать релку — 9 гектаров. Корчевали голыми руками. В то время в коммуне уже был маленький трактор «Клетрак», выделен-

ный ОЗЕТом. На опытном поле находилось несколько машин: сеялка, плуги, триер, сортировочная машина, молотилка, дисковые бороны и т.д. Все это использовали в работе. На 15 гектарах более сухой земли посеяли пшеницу, овес, посадили картофель (9 га), 4 га огородных культур (огурцы, помидоры, морковь, свеклу, редис). Не зная местных условий, коммунары поздно выехали на покос, и здесь, так же, как и в «Степном», сено затопило во время разлива реки Тунгуски. И все-таки удалось собрать 3000 пудов сена. Часть остальных посевов тоже пропала из-за незнания свойств почвы и климатических условий.

Но ребята не отчаивались. Настроение было приподнятое. Удалось заложить хорошее стадо коров, так что к концу 1929 года коммуна могла уже не только покрыть выявленный в «Степном» дефицит, но даже получить прибыль в 2500 рублей от сенокоса.

Поздней осенью приехали еще 5 курасовщинских товарищей. Через пару недель — еще несколько человек, среди них — девушки, которые в работе не отставали от парней. Численность коммунаров достигла 25 человек.

Чуть ранее получили икоровцы переселенческие кредиты в сумме 6000 рублей. Послали четырех парней в Сибирь, откуда те привезли 4 вагона коров молочной породы. Устанавливается связь с городом Хабаровском. «Парни доили коров, ухаживали за каждой буренкой, как мать за ребенком, — рассказывает тов. Вихнин. — Каждый коммунары чувствовал своим долгом ежедневно заходить в коровник, проверять, как выглядят буренки, какая из них дала сегодня больше молока, а какая — меньше и почему». Таким образом, парни выяснили, какой уход нужен той или иной корове и как получить больший надой.

Также коммунары завели молодых свиноматок породы йоркшир, которые позже принесли здоровый приплод — несколько десятков поросят. Молочные продук-

А. Лейбман (Лев)

ты парни сдавали в районный колхозный совет, который взамен присылал концентрированные продукты.

В это же время, осенью, коммунары попробовали заложить сад — на гектаре земли в течение пяти дней посадили 75 яблонь, 50 саженцев груши, 50 саженцев сливы, 15 саженцев вишни, кусты малины, смородины и т.д. Результаты были положительные.

ОВОЩЕВОДЫ КОММУНЫ «ИКОР»

Позже правление решило объединиться с русской артелью, чтобы вместе ловить кету в Тунгуске. Ребята, которые были совсем не знакомы с этим промыслом, с большой заинтересованностью хотели как можно быстрее ему обучиться. 12 икоровцев показали себя неплохими рыбаками. Улова хватило только для коммуны, потому что вскоре пришлось парней отозвать для сбора урожая.

Коммунары также работали в тайге, возили лес. Но так как зима была малоснежная, заработать удалось мало.

В это же время отметили икоровцы первую коммунарскую красную свадьбу, доказав всем, что приехали они сюда не на время, а навсегда, чтобы построить здесь большое хозяйство. Первой семье подарили сто рублей — на обустройство их комнаты.

Вот с таким «багажом» коммуна «Икор» вступила в 1930 год.

Глава 2.

КОММУНА СЕГОДНЯ

РАЗВЕРНУТЫМ ФРОНТОМ

В 1930 году в «Икоре» происходит перелом. Из небольшого коллектива, малознакомого с жизнью дальневосточной глубинки, коммуна становится примером для окружающих деревень. С коммунарами считаются, начинают с вниманием относиться к молодым еврейским труженикам, часть которых еще вчера принадлежала миру штетла.

Как это произошло?

Нелегко, тяжким трудом добились коммунары признания. Ни на минуту не забывали они о той ответственности, которая лежит на них как на пионерах еврейского заселения дальневосточной окраины советской страны.

Настоящий героизм, может быть, малозаметный в повседневной жизни, продемонстрировали коммунары в борьбе с природой. Часто отказывали себе в самом необходимом, голодали, но работу свою выполняли. Приходилось бороться со скептиками и доказывать фактами, что в Биробиджане может быть построена крепкая молодежная коммуна.

К АМУРУ ЗА СЕНОМ

Наступило лето. Первый вопрос: где взять сено для коров? В 1929 году, как уже говорилось, коммунары накосили 3000 пудов сена.

— Сено мы косили в течение двух недель в радиусе километра вокруг икоровской усадьбы, — рассказывает

товарищ Зубер, старый активист коммуны. — Работало пять парней, но сена было мало, потому что уже тогда у нас было большое стадо коров и табун лошадей. Пришлось докупить у крестьян еще 5000 пудов сена.

Но это был не выход из положения. В июне 1929 года семерых коммунаров и двух лошадей перебросили на другой берег Тунгуски. Двое парней на лодке обследовали берег, выбрали хорошее место для покоса площадью 50 гектаров. Первые дни сенокоса погода стояла хорошая, Тунгуска текла спокойно в своем лоне. Беды были только от комаров. Пока люди работали, было еще терпимо, но посидеть отдохнуть комары не давали. Некоторые коммунары из-за этого не спали ночи напролет. Позже начались дожди. Они загнали коммунаров в шалаши, которые ребята построили у Тунгуски. Вдруг — паника: «Ребята, река разливается!». Происходило это стремительно. Вода прибывала с каждым часом. Мгновение ока — и Тунгуска была уже у шалашей. Пришлось принимать срочные меры, чтобы перебросить на другой берег лошадей, инвентарь, эвакуировать самих коммунаров. Река превратилась в море. Все сено (3000 пудов) пропало. «Уже по осени, когда мы снова переправились по Тунгуске на это же место, мы его не узнали, — рассказывает товарищ Зубер. — Кое-где лежали маленькие кучки сена — все, что осталось от нашей работы».

В 1930 году коммунары, умудренные опытом, начали сенокос на Тунгуске гораздо раньше, чем в 1929-м. Успели накосить, заскирдовать и организованно вывезти в срок 3000 пудов сена.

Но бороться с капризами природы было нецелесообразно.

«Нужно искать другое место для сенокоса», — решили икоровцы. Это был июль 1930 года. Дни стояли жаркие, вечера тихие. Коммунары запрягли лошадей, нагрузили на телеги машины, взяли с собой продукты и отправились в село Самарку (21 верста от «Икора»), к Амуру.

Рядом с песчаным берегом парни поставили шалаши, разложили комарники. Заприметили островок, обследовали его. Островок был 12 км в длину и 2 км в ширину, хорошей травы здесь было вволю. Быстрыми темпами начали косить. Но сначала попытались тут «обустроиться». Из жердей и зеленого сена соорудили шалаш. Вставили треугольную дверь. Внутри выкопали в земле яму, обложили ее по краям сырой травой и сделали своего рода «плиту» для варки. Кипятили на ней чай, готовили суп, мясо и т.д. «Вставать приходилось в два-три часа ночи, — рассказывает товарищ Сельский, молодой коммунар. — Брали грабли, косы и принимались за работу. В 12 часов был обед. В солнцепек тоже «работали» — занимались полезными делами: кто читал, кто ловил рыбу. Другие учились с помощью длинных веревок плавать».

Отдельно стоит сказать про комаров. Они были повсюду — в чашках, мисках, ведрах, даже в ложках. Иной раз ребята пили чай вприкуску с комарами вместо сахара. Комары заедали днем и ночью. Коммунары могут порассказать вам немало «комариных историй». Коммунар Вендеров рассказывает, как однажды из-за комаров чуть не сгорело несколько парней. Как уже говорилось, спасались от гнуса с помощью комарников. А чтобы уничтожить залетевших туда комаров, обкуривали их дымом. И вот двое парней разложили дымовой костер, чтобы обкурить комарник, а сами ушли куда-то. Возвращаются — а комарник горит, все их вещи, которые были внутри, тоже сгорели.

В таких условиях работали парни. Накосили 17000 пудов сена. Когда 1 января 1931 года составили баланс за одиннадцать месяцев (с 1 февраля 1930 года до 1 января 1931-го), расходы составили 5736 рублей 67 копеек, доходы — 6350 рублей. Таким образом, заработали на сенокосе 613 рублей 33 копейки.

КОРОВУШКИ – ЛЮБИМИЦЫ

Основным направлением деятельности коммуны является скотоводство. В двух больших коровниках разместилось стадо «сибирячек» и симменталок. Окружающее население удивляется тому, как удалось коммунарам в существующих условиях организовать молочное хозяйство.

Нелегким было начало. Пастбище — болотистое, трава плохая, луга далеко — в 25 верстах, проблема с водой. И коммунары приступили к осушению болот, решению вопроса с доставкой воды для коров, начали заготовку сена.

Стадо росло. Если в 1928 году была одна-единственная корова, то в 1929-м уже 20 коров и два бугая. В 1930 году — 64 коровы, 2 бугая и 12 телят. В апреле 1931-го коров насчитывалось уже 83, а к концу этого года рассчитывает коммуна иметь 120 коров и три бугая. В стаде наряду с 30-пудовыми «великаншами» есть 14-пудовые «лилипутки». Продуктивность стада была в целом хорошая. В 1930 году каждая корова дала в среднем 2130 литров молока.

За коровами ухаживают скотники, к этой работе привлекли лучших коммунаров. Дважды в сутки коров кормят концентратами — макухой, отрубями, и трижды — сеном. Приходится также оказывать первую ветеринарную помощь заболевшим буренкам, ну и, конечно, чистить коровники.

Вот как характеризует своего товарища, скотника по имени Янкель, тов. Пресман (**опубликовано в № 3 газеты «Биробиджанер штерн»**):

«Кто такой Янкель?

С друзьями-коммунарами любит он побалагурить, такими шутками сыплет, что все со смеху покатываются. Ведут, к примеру, ребята серьезную беседу или распаляются в споре, — стоит появиться Янкелю, и разговор тут

же принимает шутливый характер.

Но кто видел Янкеля за работой в коровнике, тот его не узнает. Тут он — сама серьезность. С вами он слова лишнего не вымолвит. Здесь он общается только с коровами, и коровы понимают его с полуслова.

И он их понимает, как никто другой. Посмотрит на стельную корову и сразу может сказать, кто у нее родится — телочка или бычок. Почти безошибочно может определить, сколько корова даст сегодня молока. Янкель любит иногда прихвастнуть, что из любой коровы он может «сделать человека». «Вот, например, Слава — совсем еще молодая корова, буквально недавно первый раз отелилась, а уже дает 20 литров молока в день», — рассказывает Янкель.

— Мое, мое воспитание! — кричит он.

Плохую корову Янкель ненавидит всем сердцем. С такой Янкель разговаривает на особом языке. «Туберкулезница! — говорит он ей. — Спроси себя, почему я тебе сегодня дам на одну миску жмыха меньше». «А тебе, падла, — обращается он ко второй, — я вообще дам полмиски, потому как молока с тебя — ни капли».

Но вот уже пару дней Янкель ходит грустный, обеспокоенный. Шутка ли! Стал он кормить коров — все жуют старательно, да еще и мордами в соседние кормушки норовят залезть, а одна буренка посмотрела на него своими печальными глазами и от еды отвернулась. Не ест ничего! Заболела она! Не знает Янкель, что и подумать. Прежде был такой веселый, бодрый, а тут — сник совсем парень. Шутка ли! — у него корова заболела.

Ночью Янкелю не спится. Ворочается с боку на бок, места себе не находит. Своего ветеринара в коммуне нет. Более опытные ребята тоже не знают, что случилось с коровой. А пока привезут ветеринара, пройдет день, два, три... Янкель встает с кровати, одевается и идет в коровник. Долго осматривает бедолагу, прощупывает ей бока, живот, вымя и отходит опечаленный — так и не понял,

почему заболела корова.

Приносит ей соломы, подстилает. Ее соседку отводит в сторонку, чтоб не беспокоила хворую буренку. Подставляет ей миску отрубей — может, позже она захочет поесть. Затем возвращается и ложится спать. И как только Янкель засыпает, снится ему стук колес. Выбегает он навстречу и видит, как подъезжает бричка, а в ней — лысый ветеринар из района. Вот он надевает белый фартук, закатывает рукава, долго возится с коровой, а потом успокаивает Янкеля:

— Скоро поправится твоя дуреха.

И вот уже ветеринар уехал, и корова начинает уминать корм с таким аппетитом, какой бывает обычно у выздоравливающих. Янкель стоит возле нее и пританцовывает от радости...

Янкель просыпается и понимает, что это был всего лишь сон. Вздыхает и снова ложится спать с тяжелым чувством».

Вот на таких Янкелях и Лейбах держится коммуна «Икор»!

Пастбищный период икоровцы делят на три части:

1. С 15 мая по 15 июля. Основной корм — трава, в это время она молодая, сочная, обильная. Добавляют небольшое количество концентрированного корма.

2. С 15 июля по 1 сентября (период гнуса). Скот в это время оставляют в коровнике, кормят зеленой травой и концентрированным кормом.

3. С 1 сентября по 15 октября (осенний период). Скот кормят грубыми кормами, реже — травой. Сено коммунары готовят на амурских островах, концентраты получают по линии кооперации.

Когда бывает гость в «Икоре», коммунары, прежде всего, демонстрируют ему двух быков — чистокровных голландцев. Однако обоим быкам, беднягам, приходится «терпеть лишения»: в смысле кормежки и ухода они

А. Лейбман (Лев)

находятся в гораздо менее выгодных условиях, чем их подружки.

Затем гостю показывают коровники: теплые, светлые, с хорошей вентиляцией (четыре раза в сутки коровники чистят). Работа в коровниках строго нормирована и строго распределена между скотниками. За каждым скотником закреплено по 15 коров. Ответственность за каждый коровник (в норме рассчитанный на 40 голов) несет бригадир.

Ведутся книги учета, в которые записываются даты спаривания и отела. Также существует книга учета надоев, куда заносят показатели, сколько молока дает та или иная корова.

В зимний период от лучшей коровы получают пять литров молока за одно доение (15 литров в сутки). Молоко замораживают в ведрах и отправляют в Хабаровск по тысяче литров. В молочной лаборатории, которой руководит коммунар, есть сепаратор, с помощью которого получают сливки и обрат. В зимний период из сливок делают масло.

В летний период все молоко сепарируют. Сметану отправляют в Хабаровск, а из обраты делают творог. Сыр в коммуне пока не производят — нет необходимого оборудования. Творог производят таким способом: обрат заливают в деревянные бочонки. Если температура в лаборатории высокая, постепенно происходит заквашивание и получается творог. Но если в лаборатории прохладно, то в бочонки с обратом помещают бидончики с горячей водой.

В молочной лаборатории «Икора» имеется центрифуга для анализа плотности молока, есть литровки, поллитровки, измерители молока, пергаментная бумага — словом, все, что необходимо для лаборатории. Но оборудования все-таки не хватает, нет современных аппаратов для переработки молока.

В 1930 году в коммуне работало 5 доярок (плюс одна

А. Лейбман (Лев)

на подмену). Среди доярок есть девушки, которые до приезда в коммуну коров в глаза не видели. Товарищ Доба Герман — высокая розовощекая девушка с интеллигентным лицом — рассказывает: «Когда я впервые вошла в коровник, меня охватила дрожь, мне казалось, что коровы растопчут меня, забодают. Первое время я обслуживала трех коров, затем стала выполнять норму, обслуживать десять коров».

Всю молочную продукцию коммунары сдают в хабаровскую рабочую кооперацию. Часть продукции оставляют для собственного потребления. В 1931 году сдали 120 тысяч литров молока. Коммунары, однако, планируют повысить эти показатели до 180 тысяч литров.

Баланс 1930 года показал, что расходы на содержание скота составили 55738 рублей 40 копеек, доходы — 63759 рублей 10 копеек, чистая прибыль составила 8020 рублей 70 копеек. От хабаровской кооперации за молоко, сметану, масло и творог получили 12348 рублей 68 копеек.

СВИНОВОДСТВО

Занимаются в коммуне и разведением свиней. Некоторые коммунары — выпускники Курасовщинского училища — знакомы с этой работой. Большинство ребят, однако, раньше и понятия не имело, что такое свинья.

Рассказывает товарищ Яшка Рубин, переселенец из Саратова, сейчас — специалист по свиноводству: «Я приехал сюда 17 марта 1930 года. До этого крестьянским трудом не занимался. В коммуне первое, на что обратил внимание, — это свиньи и коровы. Сначала я был занят на разных хозяйственных работах. Затем мне поручили ухаживать за свиньями. Мне — за свиньями? Несмотря на то, что мой друг проинструктировал меня о новых обязанностях, я всю ночь не спал и думал только об одном: как подойти к свинье... На следующий день встал

А. Лейбман (Лев)

с утра пораньше, пошел в свинарник. Сразу же пролил половину поила — по той простой причине, что свинья стала ко мне приближаться, и я испугался, что она сейчас, не дай бог, откусит мне руку или ногу. Потом, когда нужно было почистить стойло, должен признаться, у меня душа в пятки ушла — ведь для этого нужно было туда войти! Первое время работал — через колено себя ломал: все мне казалось, что свинья меня хватанет, укусит, убьет. Ночью мне все время снились свиньи. В темноте моя фантазия рисовала свиней, говорила про свиней, думала о свиньях. Словом, — свиньи, свиньи, свиньи...»

Но и к этой работе парни привыкли. Как уже говорилось, в 1928 году у коммунаров было 2 свиньи, в 1930-м — уже 15 месячных поросят, две свиноматки и кабан. Позже одна свиноматка принесла 6 поросят, а вторая 11, но выжило только 6 поросят (по вине дежурного). В январе 1931 года, благодаря приплоду, в коммуне было уже 35 свиней.

НЕДОСТАТОЧНО ХОРОШИЙ УХОД ЗА ЛОШАДЬМИ

Как уже говорилось, коммунары называют своих лошадей «папами». К моменту переезда на опытное поле их было у коммуны девять штук. Вскоре одну продали. В январе 1930 года в Сибири приобрели двух кобыл, одну из них с жеребенком. В июле этого же года закупили в Валдгеймском колхозе 2 лошадей, осенью — еще четырех. Одну лошадь купили у русского крестьянина, живущего по соседству. Сейчас общее поголовье лошадей в «Икоре» составляет 18 голов, из них 6 кобыл, 1 жеребенок, остальные — жеребцы. Коммунары ждут еще 8 лошадей, которые крайне необходимы для разросшегося хозяйства. Несколько обещает Покровский молочно-огородный совхоз, который помогает молодой коммуне, чем только может.

Кормят лошадей сеном, отрубями, овсом, который смешивают с водой и резаной соломой (в коммуне есть соломорезка). Рацион лошадей состоит из 25 фунтов сена, 5-6 фунтов отрубей, такого же количества овса и соломы. Коммунары пытаются обеспечить надлежащий уход за лошадьми, но все-таки часто случается — то лошадь заболит, то вывихнет ногу. А еще есть факты избиения лошадей.

В 1930 году произошла такая история: скотник подошел к кобыле и хотел ее запрячь. Кобыла вскинулась, лягнула скотника в лицо, никого к себе не подпускала. Что же случилось? Когда кобылу осторожно осмотрели, обнаружили у нее на животе глубокие раны — след от удара железными граблями. «Это его работа!» — решили парни.

Когда коммунары узнали об этом случае, то не могли виновнику — Мойше — смотреть в глаза. В полном одиночестве он сидел у себя в комнате, опустив голову, и молчал.

— Виновен!

Вечером правление провело специальное заседание. Обсуждали дело Мойше. С речью выступил председатель, который сказал, что это преступление — настоящее вредительство.

— Расскажи, как это случилось?

Виновник кое-как произнес:

— Ну-у... Это случилось... Нечаянно...

Парни не могли больше сдерживаться:

— Что значит «нечаянно»?

Один вспомнил, что с Мойше уже была подобная история: когда он гнал стадо на пастбище, он так огрел корову по лбу, что та потом еще неделю хромала.

Пастух говорит, что когда накричал на Мойше за то, что он бьет животных, тот ответил:

— Тебе-то что? Это твое?

Тут уж не выдержал всегда серьезный и молчаливый

А. Лейбман (Лев)

секретарь ячейки. Все разом стихли. Он указал, что Мойше еще не изжил мещанское частно-собственническое настроение, что он не рос вместе с коммуной, и — кто знает — сможет ли он измениться?

Раздались крики: «Он вредитель, вредитель!».

Вынесли Мойше предупреждение. Когда заседание закончилось, каждый коммунар прошел мимо Мойше и посмотрел ему в глаза...

Тягловая сила в коммуне невелика. Часто (иногда по нескольку раз в день) приходится отвозить коммунаров, переселенцев, гостей со станции Волочаевка (9 км). Нередко приходится ездить на телеге в соседнюю украинскую коммуну (4 км), или за пиломатериалами на николаевский лесозавод (14 км), или вообще в Покровку (30 км). В Николаевке находится ветврач, который оказывает помощь больным лошадям, часто бывает в коммуне.

Как уже говорилось, сибирская язва нанесла большой урон поголовью лошадей на Дальнем Востоке. «Но у коммунаров летом 1928 года заболела всего одна лошадь, ей стали прикладывать холодную воду к горлу и животу, — рассказывает специалист по лошадям тов. Беркович, сейчас завхоз, — и она выздоровела».

ЗАКИНУЛИ НЕВОД В ТУНГУСКУ

В июле 1930 года правление коммуны решило организовать рыболовецкий пункт. Для этой цели приобрели сети, подготовили фляги, соль и все остальное, что необходимо для ловли рыбы. Пятого августа пятеро коммунаров выехали на место, к реке Тунгуске, в семи верстах от коммуны. Они очистили косу, построили шалаш, приготовили площадки для засолки рыбы, дрова на весь период рыбалки. 10 августа прибыли еще 6 человек, и рыболовецкая бригада состояла уже из одиннадцати человек. 11 августа выехали на рыбалку. Поначалу работа

шла с трудом, потому что большинству парней впервые в жизни довелось заниматься ловлей рыбы. Но уже через несколько дней молодые коммунары работали, как опытные рыбаки. А работать приходилось по 18 часов в сутки — ход рыбы был такой интенсивный, что пропустить его было просто нельзя. Ловили почти исключительно кету. Другую рыбу брали редко. Даже биробиджанские дожди не могли помешать работе — дел было невпроворот.

В 15 метрах от реки, в шалаше, находилась «кухня» — две жерди, вкопанные в землю, держали штангу, на которую вешали ведра. Под ними разводили огонь — так готовили еду. Тут же был стол, лавочки. Кроме того, коммунары построили склад. Это был большой шалаш, покрытый двумя слоями сена. Там хранили улов.

Вставать приходилось в 2-3 часа ночи, когда был наиболее активный ход рыбы. Несмотря на кромешную тьму, шли к реке с песнями. «Сеть была такая тяжелая, что пока парни ее тянули, часто падали на мокром песке, разбивали носы, — рассказывает товарищ Иголь, один из молодых рыбаков. — Пойманную кету бросали в лодку и двигались дальше. Над рекой разносилось пение — один затянет «Дуньку», и все подхватывают. Возвращались с полной лодкой рыбы, разводили костер, сушились, надевали сапоги и бежали ужинать».

НА РЫБАЛКЕ

Отдыхали пару часов. В это время слышался крик: «Заюливай!» — это рыбаки соседней украинской коммуны «Тихоокеанский Октябрь» забрасывали свою сеть. Чтобы не терять драгоценного времени, коммуны договорились работать по вахтам — пока одна бригада работает, вторая отдыхает, и наоборот. Благодаря такому распределению труда удавалось достичь максимального результата. Икоровцы в течение трех недель добыли 600

А. Лейбман (Лев)

пудов кеты и 35 пудов икры. Все предприятие обошлось в 2761 руб. 59 коп. С продажи выручили 3094 рубля 98 копеек. Таким образом, заработали 333 рубля 39 копеек.

Товарищ Шер из рыболовецкой бригады «Икора» рассказывает: «Работали очень напряженно. Не было времени даже умыться. Рыбы было много. От радости парни шутили — тянули друг друга в воду, хватали нашу собаку и тащили ее в реку... Вечером можно было заметить огоньки на реке — это шли из Хабаровска в Архангеловку и дальше пароходы, парусные суда, баржи. Мы, как армейцы, выстраивались на берегу и тепло их приветствовали».

Когда Тунгуска начала разливаться и вода дошла до шалаша, коммунары погрузили на лодки фляги с кетой и отправились домой. Последние два-три дня перевозили рыбу домой, а еще раньше развели на берегу большой костер и сожгли все, что было не нужно.

Таким образом, первая «рыболовецкая» попытка коммуны «Икор» увенчалась большим успехом. Часть улова и икры передали в биробиджанскую районную кооперацию в Тихонькой, а часть оставили для себя. В 1931 году коммуна рассчитывает использовать для рыбалки уже две сети.

ОГОРОДНИЧЕСТВО

В первый год существования коммуны икоровцы разбили на площади в один гектар огород, где посадили для собственного потребления капусту, огурцы, помидоры, свеклу и морковь. Коммунары еще не были тогда знакомы с дальневосточным климатом. Большинство из них приехали сюда из Белоруссии, поэтому огород засаживали так, как это делают в Белоруссии — на ровной поверхности, не выкопав предварительно канав. Но на Дальнем Востоке выпадает столько осадков, что верхние слои почвы переувлажняются, и дренажные канавы про-

сто необходимы.

В тот год лето выдалось сухое, требовался обильный полив. Тем не менее капуста принялась хорошо, огурцы проклюнулись и выпустили листочки.

«До конца июня дождей не было, мы думали, что будет засуха, — рассказывает тов. Горелик, старый коммунары, он состоял еще в белорусской коммуне. — Но вдруг небо затянулось тучами, и полил дождь, который продолжался целый день. Все наши огородные посадки сразу позеленели».

Однако дожди в Биробиджане затяжные. Через пару часов снова зарядил дождь. Огород буквально заливало, а дождь и не думал останавливаться. И так как заранее не были выкопаны канавы между рядками капусты, огурцов, помидоров, все пропало за исключением части огурцов, которые росли на более высоком месте.

Но такие «сюрпризы» природы не могли повлиять на настроение коммунаров. Они учли ошибки, которые совершили из-за незнания местных климатических условий. В 1930 году засеяли огород площадью в три гектара. Из них 2 га было предусмотрено под капусту, а один — под разные огородные культуры: огурцы, лук, чеснок, свеклу, помидоры, редис.

Икоровцы уже знали, что, если они хотят получить хороший урожай, сеять нужно ранней весной. Для этой цели заложили три парника, в которых посеяли помидоры и капусту. Помидоры дали стопроцентную всхожесть, а рассады капусты из-за плохих семян было слишком мало для намеченной под посадки площади. Несмотря на то, что был уже май месяц, коммунары получили новые семена и посеяли их в рассаднике. Помидоры распикировали и посадили в рассадник. Дни стояли теплые, приходилось часто (через день, а то и каждый день) поливать огород — или рано утром, до того как солнце начнет припекать, или вечером, после захода солнца.

Чтобы работа на огороде шла интенсивнее, организо-

вали специальную огородную бригаду с ответственным бригадиром.

Людей не хватало. Выполнить план посевной очень помогла ученическая бригада хабаровской девятилетней школы им. тов. Ленина — 28 школьников добровольно приехали, ударно работали вместе с коммунарами.

Первоочередная задача была — посадить капусту. 35 парней (7 коммунаров и 28 школьников) распределили работу. Одни вынимали рассаду из рассадника, другие высаживали ее в грунт. Когда начался дождь (а в такую погоду хорошо высаживать рассаду), парни обрадовались и в течение 4 дней посадили 30 тысяч кустов капусты и 10 тысяч кустов помидоров. К 1 июля все было готово.

До августа дождей было мало. «Все растения повяли, мы с нетерпением ждали дождей, — рассказывает тов. Горелик. — Воздух был горячий, а земля так накалена, что невозможно было ходить босиком. Только частый полив спас растения. Наконец начались дожди. Все ожило. Огурцы начали цвести, образовалась завязь. Пололи вручную и мотыгами».

В августе 1930 года начались частые дожди, почва переувлажнилась, погода стояла прохладная. Все это влияло на огурцы, которые посадили на глинистой почве, они перестали расти, то же происходило с другими культурами.

Но с помощью агрономов, присланных ОЗЕТОм, молодые огородники всему научились. Им стало понятно, что хорошего урожая не добиться на глинистой почве — огород нужно разбить на песчаном грунте, который хорошо пропускает воду и воздух. Часть помидоров, свеклы и вся морковь все-таки дали хороший урожай, так как эти культуры посадили на песчаной почве.

Таким образом, в 1930 году огород почти не принес прибыли. Интересно, что попытка выращивать арбузы удалась. Теперь, два года спустя, икоревцы хорошо по-

А. Лейбман (Лев)

нимают, как и какую почву они могут использовать. «Глинистая почва требует хорошей обработки, но в период дождей и хорошая обработка не помогает», — объясняют коммунары. Чтобы получать хороший урожай, они установили 100 парниковых рам.

ПОСЕВНАЯ КАМПАНИЯ

К посевной кампании коммуна всегда готовится серьезно. Опытные коммунары понимают, что от успешных результатов посевной зависит все хозяйство. В 1931 году по инициативе комсомольской ячейки в коммуне была организована «тройка» для подготовки к посевной. В начале апреля заложили четыре парника. Подготовили необходимые семена — огурцов, чеснока, лука, свеклы, редиса и т.д. Огород в этом году займет площадь в 12 гектаров. Были также подготовлены фруктовые деревья для сада (полгектара). Работа ведется под руководством агронома-садовода (окончил Тимирязевский техникум в Москве) и садовода-практика (китаец, который отлично знаком с почвенными и климатическими условиями Дальнего Востока). Кроме того, тройка осуществила ремонт сельскохозяйственных машин, тракторов. Тракторы ремонтируют неподалеку, в соседней коммуне, остальная техника ремонтируется в новой кузне, где работает два человека.

НА СТРОИТЕЛЬНОМ ФРОНТЕ

Строительная работа в коммуне началась фактически только в 1930 году. Ранее использовали икоровцы уже существующие помещения, которые остались на опытном поле. С прибытием новых людей и расширением хозяйства стройконтора Биробиджанского района взялась за строительство нового 12-квартирного дома (четыре комнаты на два человека, 4 комнаты на 4 человека,

4 комнаты на шесть человек). Из них две комнаты (на шесть человек) объединили в клуб. Работу выполнили 8 строителей. С самого начала возникли трудности — не хватало древесины, стекла, квалифицированных строителей. Были даже вредители, которые сознательно мешали работе, бывший десятник, колчаковец. Но постепенно все трудности были преодолены. Стекло получили от молочно-огородного совхоза в Покровке. Группа строителей показала себя ударниками и вызвала на соревнование оставшихся пятерых рабочих. Работали часто по 12–14 часов в сутки, без выходных, сами стеклили окна — пока дом не был готов. Кроме того, в этом году был проведен ремонт конюшни, коровника. В связи с наступающей зимой отремонтировали сани. Конкретнее о трудностях. «Коммуна была не готова к перевозке строительных материалов, — рассказывает тов. Подгорный, первостроитель «Икора», — а нам приходилось покупать по несколько бревен у местных крестьян. Крестьяне дорого просили за древесину, а у коммунаров, кроме масла, ничего не было. Умасливали крестьян, получали бревна... Чтобы сделать печи, привлекли случайных людей. Они нас ободрали как липку. Зимой не хватало спецодежды, не было рукавиц, валенок. И строители отказались работать. Однако к этому времени подоспели 10 еврейских строителей, только что окончивших курсы строителей в колхозе Валдгейм. В 45-градусный мороз они отправились в лес рубить деревья, готовить материалы. Провели воскресник, установили в клубе скамейки».

Позже новые строители принялись за строительство пекарни (помещение некоторое время из-за нехватки жилья занимали переселенцы) и сдали ее через месяц. К 7 ноября — годовщине революции — построили сцену, а также начали строительство телятника, который был потом переделан в свинарник. Затем начали строить ледник и кухню, заложили фундамент нового дома. Он должен

А. Лейбман (Лев)

был быть таким же, как первый 12-квартирный дом, но вмешались строители, внесли изменения в план. Они предложили правлению коммуны и биробиджанской строительной конторе в рамках той же сметы увеличить общежитие на 2 квартиры. Таким образом, строители уменьшили себестоимость 12-квартирного дома на 23 процента.

За последнее время коммуна провела 2 воскресника, во время которых вывозила на лошадях пиломатериалы с николаевского лесозавода (расположен в 14 км от коммуны). Учитывая транспортные проблемы, которые существуют сегодня на Дальнем Востоке, эта работа потребовала немало героизма. В качестве иллюстрации приведу пример.

Зима. Предрассветные сумерки. Пять часов утра. На твердых лежаках, среди беспорядочно разбросанной одежды, сладко храпят после трудного дня коммунары. Один только ночной сторож бодрствует, да его верный друг пес наострил уши и выслеживает кого-то, выделявая на сухом снегу акробатические трюки. Вдруг: «Бам, бам, бам».

Что случилось? Сторож напряженно вглядывается в темноту. Ружье в руках, палец на курке.

— Кто идет?

В ответ тишина.

Снова те же звуки. Надо будить ребят.

Вдалеке мерцает маленький цветной огонек. Все ближе и больше. Сторож уже знает, в чем дело. Он вспомнил, что вчера сообщили со станции: грузовой состав остановится недалеко от коммуны, икоровцы должны по первому сигналу подняться и прибыть на разгрузку леса.

Сторож изо всех сил колотит по билу, да так, что искры отлетают.

В комнатах переполох.

— Что такое? Горит! — кричит один и быстро хватается ведро с водой.

Новые коммунары, недавно прибывшие, лениво чешут спины. Не хочется вставать и выходить в такую морозную ночь.

Выбегает всегда спокойный глава правления — шапка набекрень. Следом за ним — второй, третий, четвертый.

Парни бегут, тяжело дышат, перегоняют друг друга. Самый старший вырывается вперед. Парни подшучивают:

— Начальник, а, товарищ начальник!..

Вскоре ребята уже стоят на платформах. Сопровождающий добродушно посмеивается:

— Ничего у вас не получится, парни.

— Увидишь, убедишься сам, — отвечают икоровцы.

Работа кипит. Парни бросают бревна, шутят, переговариваются. Вскоре четыре платформы тяжелых бревен разгружены. Сопровождающий груз больше не смеется, он серьезен, смотрит с удивлением на парней:

— Молодцы, ребята!

Дорога к коммуне заснежена, два десятка коммунаров шагают по этой заснеженной тропинке. Северный ветер треплет незавязанные ушанки, лица парней покраснелись от мороза. Вдруг один кричит: «Да здравствуют ударники! Ура!»

— Ура-а-а! — подхватывают остальные...

На следующий день поехали туда икоровцы и привезли в коммуну бревна для строительства нового дома.

Строители, штукатуры, жестянщики и т.д. представляют отдельный коллектив, который работает от стройконторы. Однако они настолько прониклись интересами коммуны, что в работе не чувствуется никаких различий — коммунары это или наемный рабочий. Несколько еврейских строителей даже записались в коммунары. В 1930 году прибыло 11 таких строителей (из них 4 из Амурзета, 5 из Валдгейма). Осенью осталось шестеро. Из них трое отбыли в Биробиджан на различные участки, в «Икоре» на сегодняшний день работают 13 строи-

телей (трое евреев, десять русских). Русские приехали в основном из Оренбурга, Сибири, есть среди них и дальневосточники. А откуда прибыли евреи?

Дадим слово одному из них, товарищу Когану из Саратова. Он рассказывает:

— По наряду ОЗЕТа меня послали на строительные курсы в Биробиджан. Теорию и практику мы проходили в колхозе «Валдгейм». Первое время работать было тяжело, не хватало еды. Жилья тоже не хватало. Но та еврейская молодежь, которая понимала цели и задачи, старательно взялась за работу. Тайга нам понравилась. Полноводная Бира и местные озера кишели рыбой. В свободное время мы ходили на рыбалку. По окончании курсов нас распределили: часть людей направили в Амурзет, часть (среди них был и я) остались в Валдгейме. Несмотря на недоверие техперсонала, нам все-таки поручили мастерить подводы, чтобы вывозить с полей зерно, затем мы строили шестиквартирный дом. Работа над этим домом доказала, что парни на курсах таки изучали строительное дело.

Затем нас послали в коммуну «Икор». Первое время были задержки с поставкой материалов. Не хватало техперсонала, рабочих рук, особенно квалифицированных специалистов. Чтобы восполнить недостаток стройматериалов, мы сами ходили в лес и рубили деревья. Таким образом, мы, несмотря на все трудности, продолжали работать. Сегодня ситуация изменилась. Стройматериалами мы обеспечены, строим новые здания. Это дает возможность принимать новых переселенцев и развивать наше хозяйство.

Это рассказывает парень, который лично прошел через все испытания и сегодня является одним из лучших строителей в коммуне.

Кроме строителей есть еще 6 русских пильщиков, которые режут бревна и делают трех-, четырех- и шестисантиметровые доски. Штукатуры — шестеро еврейских

парней — приехали из Минска. На строительные работы в «Игоре» биробиджанская стройконтора выделила с 1 февраля 1930 года по 1 января 1931 года 42 000 рублей.

По мнению строителей, мешают строительству Биробиджана такие обстоятельства, как несвоевременная заготовка и невысокое качество пиломатериалов, нехватка техперсонала, слабый инструктаж. Но все эти недостатки искореняются благодаря новой ситуации, которая складывается в коммуне. Уже в 1931 году приступили к строительству Соцгородка (по проекту профессора Кунца). Территория городка охватит и коммуну. Достигнуто принципиальное соглашение о том, что коммуна «Икор» сольется с соседней украинской коммуной «Тихоокеанский Октябрь». Обе коммуны составят основу будущего Соцгородка. Однако это грандиозное предприятие требует временной базы, для этой цели используются здания коммуны «Икор». На совместном совещании американской организации «ИКОР» (эта организация занимается строительством городка и обеспечивает его современными машинами), коммун «Икор» и «Тихоокеанский Октябрь» было решено пока не строить новых зданий, а закончить начатые строительные объекты. Таким образом, в нынешнем году коммуна закончила строительство 11-комнатного дома (под контролем американских рабочих и специалистов). Далее, однако, полным ходом начинается строительство в социалистическом городке, в мае 1931 года оно потребовало, по точным расчетам, 16 строителей, 6 штукатуров, 1 столяра, 1 жестянщика, 6 пильщиков — всего 30 рабочих. Центр нового строительства находится на так называемой Балагановской сопке (в двух километрах от коммуны). В течение 1931 года рассчитывают возвести большой дом, построить коровник и свинарник (каждый на двести голов скота). Таким образом, будет выполнено десять процентов строительного плана. Работу будет выполнять трест «Дальстройобъединение». Для этой цели около комму-

А. Лейбман (Лев)

ны строится кирпичный завод, в котором будет обжигаться местная глина, которая годится для изготовления кирпича.

В 1932 году намечено выполнить 40 процентов строительного плана, а в 1933-м — оставшиеся пятьдесят. Вся эта работа рассчитана на несколько тысяч человек. Кроме более 70 еврейских переселенцев из Аргентины и Германии (Гамбурга), на работу в социалистический городок («Икор») прибыло свыше ста человек из Литвы.

Характерно, что из капиталистических стран поступают заявления от еврейских рабочих, которые хотят приехать на строительство Биробиджана. Так, к 1 сентября 1931 года обратилось 289 человек из Палестины, 52 из Латвии, 15 из Германии, 94 из Франции, 162 из Бельгии и еще большое количество желающих из Аргентины, Литвы. Этот городок — как и Биробиджан, и СССР — привлекает социально и национально угнетенные еврейские рабочие массы в капиталистических странах. (По плану в 1932 году в Биробиджан должны прибыть из капиталистических стран 12 тысяч человек).

ТРАКТОРЫ НА ЦЕЛИНЕ

В коммуне есть 2 трактора — «Интернационал» и «Клетрак». Первый икоровцы получили в апреле 1930 года в качестве подарка от ОЗЕТа. Второй — в мае того же года. «Интернационал» коммунары используют для перевозок, так как он мало приспособлен для полевых работ в биробиджанских условиях.

«Работа тракторов организована плохо, — рассказывает товарищ Зубер, тракторист-икоровец. — Во-первых, потому, что нет трактористов, которые должны ухаживать за машинами. Во-вторых, потому, что не решен вопрос с ремонтом техники. Кузница, которая находится в «Икоре», не приспособлена для этой цели. Приходится в случае поломки доставлять трактор в соседнюю комму-

ну, где имеется ремонтная мастерская».

О том, сколько проблем было у коммунаров во время поломки трактора в прежние годы, рассказывает товарищ Шифрин — бывший тракторист, позже представитель районного переселенческого управления:

— По окончании 8-месячных курсов в Тихонькой я был сразу же направлен в «Икор» на срочную работу. В самый разгар посевной кампании сломался «Клетрак». Ремонтировать его на месте было невозможно — мастерских не было. Пришлось тащить трактор до станции Волочаевка и поездом — в Тихонькую (124 километра). Из Тихонькой трактор отправили в Бирофельд (59 километров).

Так было раньше. Сейчас коммунары решают вопрос с ремонтом тракторов. В прошлом году парни за восемь часов обрабатывали три четверти гектара целины. На «Клетраке» корчевали и пахали, а на «Интере» сеяли.

РАБОЧИЕ В ПОМОЩЬ КОММУНАРАМ

Надо отметить несколько десятков рабочих (строителей, штукатуров, жестянщиков и др.), которые не являются коммунарами, не вносят коммунарский пай (5 рублей в месяц), но работают в коммуне, живут здесь, питаются. Работают они под руководством старших (десятников) и подчиняются прорабу. Строительство домов ведет биробиджанская стройконтора. Коммуна не контролирует эту работу, но высказывает свое мнение и т.д.

В начале 1931 года эти рабочие избрали профуполномоченного, с его помощью провели несколько собраний о темпах строительства, отношениях между рабочими и коммуной. Строители отработали один воскресник в помощь строящемуся биробиджанскому Дому культуры, а второй — оплачиваемый день ударника — для коммуны.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ

Важнейшие вопросы, которые решает коллективное хозяйство, — это организация работы, руководство, планирование. Как коммунары решают эти вопросы?

ВЫКАТКА ЛЕСА НА ТУНГУСКЕ

Всей работой руководит правление, которое выбирается на общем отчетном собрании коммунаров (раз в год). Общие собрания проводятся также каждый месяц, даже чаще. Правление состоит из пяти человек. Глава правления — председатель, которому подчиняются остальные: заместитель, завхоз, заместитель по общим вопросам и кассир. Два-три раза в месяц проводятся производственные совещания (не считая собраний, которые проводятся с новыми переселенцами). Там выбирают бригадиров, которые подчиняются напрямую завхозу и руководят каждый своим сектором: старший скотник, транспортник, садовник, тракторист, заведующий кухней, прачечной и т.д. Сюда же входят бригады сенокосных бригад, рыболовецких, бригад, работающих на корчевке. В «Икоре» в 1931 году коммунары выполняли функции скотников, конюхов, доярок, молочниц, агронома, зоотехника, прачек, поваров, пекарей, телятниц, водовозов, лесорубов и т.д.

В коммуне выделяют три категории труда. Работники первой категории получают чистыми 25 рублей ежемесячно (плюс 30 рублей, которые снимаются за содержание, — итого 55 рублей). Однако работа организована так, что эта категория может заработать чистыми от 35 до 40 рублей. Сюда относятся доярки, прачки и т.п. Вторая категория получает чистыми 35 рублей (кроме денег за содержание). Фактическая зарплата составляет от 60 до 70 рублей в месяц. К этой категории относится тяжелый физический труд и работа на кухне. К третьей

А. Лейбман (Лев)

категории относятся квалифицированные работники, такие как трактористы, кузнецы, столяры и т.п., а также руководящий состав.

Как правило, за работу платят 20 копеек в час. Рабочий день десятичасовой. Время работы — с 7 утра до 12 дня и с 2 дня до 7 вечера. Летом приходится работать намного дольше. Зимой, наоборот, часто невозможно выйти на работу (при 45-градусном морозе или во время метели). Доярки, как уже говорилось, работают с 4 утра с перерывами. Каждый коммунары получает ежегодно двухнедельный отпуск. По мнению председателя тов. Бесселя, один из важнейших моментов в жизни коммуны — это дисциплина. Что касается работы, то нет сомнений в том, что коммунары — очень трудолюбивые ребята.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ РАБОТЫ

Работа по новым методам ударничества и соцсоревнования фактически началась в 1931 году. Правда, еще в 1930 году, во время сенокоса, парни заключили между собой соцдоговор, но о результатах его говорить серьезно не приходится. 21 января 1931 года — в годовщину смерти Ленина — доярки и прачки вызвали на соцсоревнование скотников и транспортников. Скотники предложение приняли, заключив договор с транспортниками (об этом сообщала стенгазета). Благодаря этому удалось повысить надои и улучшить уход за коровами. Скотники также вызвали на соревнование свинаярей.

Позже коммунары разделились на четыре больших бригады: скотников, огородников, транспортников, хозяйственников. Летом еще добавляются тракторная, корчевальная и рыболовецкая бригады. Перед каждой бригадой ставится определенная задача (контрольные цифры) на десять дней. Таким образом, работают коммунары с желанием и стремлением выполнить промфин-

А. Лейбман (Лев)

план. Помочь выполнению хозяйственных задач коммуны призваны две рабкоровских бригады: одна из газеты «Биробиджанер штерн», вторая из хабаровской крестьянской газеты «Ленинский путь». Эти бригады опубликовали уже целый ряд корреспонденций. Однако их работа оценивается все еще как слабая.

КУЛЬТРАБОТА – ВАЖНАЯ СФЕРА

Товарищ Левин, икоровский активист, рассказывает, что культработа началась фактически после того, как коммуна перебралась на дежневское опытное поле. Первое время эта работа выражалась только в организации красного уголка, который существовал при кухне. Свободные вечера парни проводили там за чтением газет, журналов, игрой в шахматы и шашки. Здесь же работала небольшая библиотека, которую коммунары составили из книг, полученных на память при отъезде в Биробиджан. В красном уголке всегда былолюдно и весело. Работал политкружок, кружок ликвидации безграмотности. Выпустили несколько номеров стенгазеты. По вечерам там часто собирались парни и под гармошку отплясывали «Сербиянку», «Подгорную» и «Польку».

— Гармонист Абрашка, — рассказывает тов. Левин, — закатывал рукава и с жаром растягивал меха гармошки. На революционные праздники коммунары совершали так называемые культурные вылазки (это на коммунистическом языке) в соседнюю деревню Дежневку, делали там доклады. Некоторые наши парни были там частыми гостями, принимали участие в вечеринках, танцевали с русскими девушками.

На второй год культработа усилилась. Избрали комиссию, которая вела работу по плану, организовали несколько кружков: два политических, литературный, зоотехнический и др. Практиковали громкие читки. Во время сенокоса член культкомиссии проводил политбе-

седы и литературные чтения. Летом шефы коммуны — хабаровская школа им. Ленина — установили в коммуне радио, но оно работало всего несколько недель. Редколлегия выпустила за 1930 год восемь номеров стенгазеты «Коммунар» на идише и русском языке. В это же время коммуна получила от хабаровского краевого отдела образования 765 руб. 25 коп. Из этой суммы 150 рублей потратили на покупку книг. Для клуба приобрели оборудование и инструменты (мандолины, гармошку и т.д.). Коммуна получила из Москвы еврейскую библиотеку, которую прислало центральное издательство ОЗЕТа. Теперь в библиотеке 800 книг. Этого мало, коммунары планируют купить еще.

Седьмого ноября, к годовщине Октябрьской революции, закончили строительство дома и клуба. Новый клуб внес оживление в культмассовую работу, начали регулярно работать библиотека, кружки, политшкола. Культкомиссия организовала при клубе ряд общественных организаций, таких как ячейку «МОПР», «Осоавиахим», «ОЗЕТ», кружок ликвидации безграмотности. Все они первое время работали хорошо. Часто проводились вечера, где звучали доклады на разные темы. Часто устраивали танцы под гармошку. Однако клуб работал всего три месяца — до конца января 1931 года. Из-за нехватки жилья правление решило, как уже говорилось ранее, отдать клуб под размещение рабочих, и коммуна осталась без очага культуры.

Это отчасти ослабило культработу, но мероприятия стали проводить в столовой. Коммунары провели несколько вечеров, осуществили «культурные вылазки» в Дежневку, организовали несколько интернациональных вечеров совместно с украинской коммуной. В марте был организован красный уголок, и культработа снова закипела. Время от времени проводится культурный обмен с коммуной «Тихоокеанский Октябрь». Проводятся различные кампании.

ЖЕНЩИНЫ НЕ ОТСТАЮТ

В составе коммуны с первого дня ее существования — небольшое количество женщин. Первыми коммунарами были мужчины. Время от времени в «Икор» приезжали переселенцы, но численность женщин в коммуне все равно оставалась невысокой. Еще на пути в Тихонькую к коммунарам примкнули две девушки, одна — простая работница, а вторая окончила педтехникум. Однако они пробыли в «Икоре» всего 4 месяца. Одну из них выдвинули секретарем Бирофельдского сельсовета, а другая уехала работать учительницей в русскую сельскую школу (еврейских школ тогда не было). Позже в коммуне появились 2 русские девушки, жительницы д. Бирушки. Они выполняли разную работу — доили коров, косили сено и т.д. Но и они были временными работницами и вскоре уехали. В коммуне совсем не осталось женщин, не говоря уже о коммунарках. Парни сами стирали, мыли полы, доили и т. д. При переезде на дежневское опытное поле в «Икоре» уже числилась одна девушка. Позже к ней присоединились наемные работницы — русские девушки из соседних деревень. Одна из них стала коммунаркой, вышла замуж за коммунара. А к концу 1929 года в коммуне уже было 6 девчат. В апреле 1931 года в «Икоре» было 14 коммунарок (вместе со строительными работницами — 25).

Женщины играют немалую роль в хозяйстве и общественной жизни коммуны. Почти ни одна из них ни разу не получала выговор или штраф и т. д. Есть среди них ударницы, активистки. Некоторые были премированы за хорошую работу.

ДЕТСКИЙ САД В СОЦГОРОДКЕ

Был период, когда парни «воевали» с девушками. Привыкшие к тяжелой физической работе, они часто

А. Лейбман (Лев)

обвиняли девчат в слабой интенсивности труда. Девушки же твердили, что парни плохо к ним относятся. Позже конфликт был исчерпан, и настроение повысилось.

Девушки в коммуне специализировались на определенных работах: доили коров, варили и подавали еду, стирали белье. Их также привлекали к работе в огороде и леднике. Однако часто приходится им выполнять мужскую работу. Из 14 коммунарок шестеро — комсомолки. Сформировался женский кружок, который выезжает на собрания в соседние деревни. Женщины участвуют в управлении, в культкомиссии, «Осоавиахиме», «МОП-Ре», «Красном Кресте» и т.д. Секретарь комсомольской ячейки — коммунарка, которая одновременно является членом Дальневосточного краевого комитета комсомольцев. За последние полтора года пятеро из 14 коммунарок вышли замуж за коммунаров. Летом 1931 года в «Икоре» открылись ясли. Одну из коммунарок послали в Хабаровск на курсы воспитателей. Культработница и агроном — тоже члены коммуны. У троих из них высшее образование, у шестерых — среднее.

ПОД РУКОВОДСТВОМ КОМСОМОЛЬСКОЙ ЯЧЕЙКИ

Еще в вагоне, на пути к Тихонькой, организовалась комсомольская ячейка, в которую вошли коммунары-икоровцы с Курасовщины. Прибыв в Тихонькую, они стали принимать участие в работе местной комсомольской ячейки. На Степном участке коммунары создали свою ячейку, в которую вошли несколько новых переселенцев. Почти все коммунары — 14 человек — были комсомольцами. Выбрали бюро. Когда перебрались на дежневское опытное поле, ячейка состояла только из икоровцев (десять человек). Ячейка занималась в основном хозяйственной работой, руководила организацией работы на разных участках. Объединились с комсомольской

А. Лейбман (Лев)

ячейкой Дежневки и «Тихоокеанского Октября».

До 18 мая 1930 года в коммуне было 15 комсомольцев и один кандидат в партию. В сентябре 1930 года прошли перевыборы бюро, но к этому времени число комсомольцев сократилось до 5 человек, среди них одна девушка. Причина — отъезд молодежи на учебу. После перевыборов была проведена большая разъяснительная работа среди беспартийных. Благодаря этому число комсомольцев увеличилось до 18 человек (6 девушек и 12 парней). Таким образом, сегодня в ячейке насчитывается 23 человека (16 парней и 7 девушек). Практически все пионеры «Икора» (за исключением одного человека) уехали на учебу в разные образовательные учреждения Дальнего Востока. В настоящее время часть из них, пройдя обучение, возвращается. Комсомольцы «Икора» принимали участие в Биробиджанской конференции комсомольцев, краевой комсомольской конференции.

Сегодняшние большие перемены в жизни коммуны происходят благодаря комсомольской ячейке. Был проведен воскресник, заработанные средства перечислены в фонд подлодки и монитора «Ленин» для Амурской речной флотилии. В воскреснике приняли участие и беспартийные коммунары. Удалось собрать 102 рубля 54 копейки. Кроме того, ячейка провела воскресник в пользу строящегося биробиджанского Дома культуры. Участие в нем приняло 28 человек, все комсомольцы. При ячейке работают агитаторы, культработники, культкомиссия, три кружка ликвидации безграмотности, 2 политкружка, а также организации «МОПР», «Осоавиахим», «ОЗЕТ», «Красный Крест».

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПРОЛЕТАРСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ!

Коммуна «Икор» поддерживает живую связь с миром — вплоть до самой Америки. Первые контакты с сосед-

ними деревнями икоровцы установили, когда перебрались на дежневское опытное поле, так как вокруг участка «Степной» никаких населенных пунктов не было — голая степь да тайга. Первые контакты с Дежневкой (располагается в 7 километрах от «Икора») и Волочаевкой (в 9 километрах) выразились в виде практической помощи при проведении посевной кампании. Весной 1929 года коммуна помогла бедноте Дежневки сельскохозяйственными машинами. Бедной крестьянке, вдове, дали на время двух лошадей, чтобы та засеяла свое поле. Дежневским крестьянам коммуна выделила сельхозоборудование — дисковую борону, сеялку, плуги и т.д., а волочаевцам на несколько дней дали триер — просушить зерно. И даже икоровский бык проявил солидарность, подружившись с дежневскими буренками.

Сельхозпомощь соседним деревням коммунары оказывали и в дальнейшем. Во время посевной кампании 1930 года икоровский трактор три дня пахал поле дежневского колхоза (своего у них не было), а во время уборки урожая пользовались дежневцы икоровской молотилкой. Волочаевский колхоз тоже пользовался сеялкой коммуны и другим сельскохозяйственным инвентарем.

ОТДЫХ НА РЕКЕ ТУНГУСКА

Связь «Икора» выражается также в культурном обслуживании. Во время революционных праздников и различных политических кампаний устраиваются культурные выезды в деревни, где икоровцы читают доклады, делятся с крестьянами своим опытом. За лето коммуна провела 5-6 культурных «вылазок» в область. В Дежневке икоровский драмкружок показал в 1930 году восемь представлений. Совместно с «Тихоокеанским Октябрем» провели несколько интернациональных вечеров.

Следует особо сказать о большой помощи, как мате-

риальной, так и товарищеской, которую коммуна получает со стороны соседних совхозов. Эти совхозы стараются всеми средствами поддержать молодых товарищей.

Непростым в плане условий работы был 1930 год. В связи с тем, что многие «старожилы» «Икора» уехали на учебу, у коммунаров отмечалось подавленное настроение. И в этот момент словом и делом помогли товарищи из Покровского молочно-огородного совхоза, ободрив икоровцев и призвав их к выдержке. Коммунары с благодарностью вспоминают товарища Березницкого (директора совхоза), который и сегодня поддерживает тесную связь с «Икором». Этот совхоз не раз выручал коммунаров гвоздями, рамами, дверями, стеклом, железом, жестью, огородным инвентарем, сапогами, продуктами и даже музыкальные инструменты на праздник одалживал.

Помощь коммуне оказывает молодой совхоз «Свиновод» (станция Волочаевка). Происходит обмен опытом, коммунары учатся у совхозников, как ухаживать за свиньями. В «Свиноводе» планируется специальный воскресник в помощь коммуне.

Кроме того, «Икор» поддерживает связь с различными организациями, шефами и подшефными. Шефы коммуны — местком Дальневосточного крайисполкома, хабаровская школа им. Ленина, Дальневосточный физкультурный техникум, Дальневосточное отделение здравоохранения и т.д. Подшефные — красноармейская автоторота, красная Амурская речная флотилия.

Весной 1930 года хабаровская школа им. Ленина послала в коммуну бригаду из 23 человек помочь провести посевную. Местком крайисполкома подарил икоровцам радиоприемник с громкоговорителем, а красноармейцы подшефной роты его установили. На годовщину Дальневосточной Краснознаменной Красной Армии, на Первое мая, на праздник Октября делегации коммунаров побывали у красноармейцев, а красноармейцы выступи-

А. Лейбман (Лев)

ли с докладами в коммуне. На праздновании 13-й годовщины Октябрьской революции в «Икоре» было много гостей: представители подшефной автороты, крайисполкома, бригада врачей (из Дальневосточного отделения здравоохранения), которая провела медосмотр коммунаров. На годовщину Дальневосточной Краснознаменной Армии коммунары преподнесли подшефной роте подарки. Кроме того, поддерживается связь с матросами Н-ского монитора Амурской флотилии, с которыми парни переписываются, делятся новостями.

В письме от 9 апреля 1931 года (в связи с трехлетием «Икора») матросы Амурской флотилии пишут: «Поздравляем вас с юбилеем. В вашей работе без сомнения есть большие успехи. Жаль, что мы не можем принять живого участия в вашем празднике. Мы заняты сейчас ремонтом кораблей и вынуждены ограничиться этим письмом. Ваша годовщина как раз совпала с окончанием капитального ремонта нашего корабля. Так же, как и мы, вы должны двигаться вперед, навстречу вашим завоеваниям, хоть это и нелегко. Ваш юбилей должен еще сильнее вдохновить вас на преодоление всех трудностей, с которыми вы сталкиваетесь на пути развития социалистического строительства в сельском хозяйстве. Ваша коммуна — будущий гигант Дальнего Востока, а вы, коммунары, — зародыши социализма...»

Флотильцы рассказывают о своей жизни: «Зимние учения закончились. Теперь мы готовимся к летнему периоду. Задачи, которые ставит перед нами командование, мы выполним с честью. Ремонт нашего монитора мы завершили на 15 дней раньше. На покушение Сато на товарища Аникеева в Японии, на провокации о применении принудительного труда и так далее мы ответим усилением военной подготовки и изучением военной техники, чтобы при первом призыве нашей партии и власти выступить на защиту мирного труда пролетарского Отечества... Напишите, готовы ли вы к посевной, ка-

А. Лейбман (Лев)

кие успехи достигнуты за последнее время в вашем хозяйстве, как обстоят дела с политзанятиями, военной подготовкой, как растет ваша коммуна...»

Мы рассказываем о контактах коммуны в пределах Дальнего Востока, но икоровцы поддерживают связь и с Белоруссией, Украиной, Америкой, назвав коммуны в честь американской рабочей организации.

Перечитаем письма коммунаров, которые уехали на учебу в различные техникумы СССР.

В связи с трехлетьем любимой коммуны прислали они специальные письма-поздравления. Вот, например, пишет тов. Шапиро (бывший председатель, ныне студент Биробиджанского еврейского техникума социалистического сельского хозяйства): «Дорогие товарищи! Улучив свободную от занятий минутку, решил написать вам несколько слов. Вот я и студент техникума... День, когда я вышел к доске писать диктант, не забуду никогда. Тяжело мне пришлось. Пару дней я вообще ходил, как сумасшедший: мне все казалось, что я приехал не учиться, а покупать коров для коммуны. В конце концов, я привык, принялся за работу и сейчас уже что-то понимаю... Я знаю, что если уж решил учиться, то должен быть готов ко всему. Как получите мое письмо, прошу сразу же ответить, напишите, что слышно в коммуне. Если бы вы только могли почувствовать, как сильно я по вам скучаю!»

Второй коммунары (Рогинский) пишет:

«Начну с того, что с тех самых пор, как я поступил в техникум, настроение у меня такое хорошее, какое редко бывало в Тихонькой или коммуне. А ведь я боялся ехать учиться, думал, что не хватит мне усидчивости и буду вынужден сбежать. Но, как оказалось, я сильно ошибался... Техникум наш новый. Пять часов мы учимся и три часа проводим в механических мастерских, где занятия проходят очень живо. Мы получаем стипендию 45 рублей в месяц. Тридцать рублей из этой суммы идет

А. Лейбман (Лев)

на питание. Кормят нас три раза в день...»

В Иркутском сельскохозяйственном техникуме куют знания и опыт наши икоровцы:

«Три года напряженного труда разбили в пух и прах все прогнозы скептиков, которые считали, что коммуна скоро распадется. Путь, проделанный коммуной, связан с историей Биробиджана. Все мы помним 1928 год — сибирская язва, дизентерия, наводнение. Помним первые месяцы нашего пребывания на дежневском опытном поле. Помним наши походы к кулаку Балаганскому за хлебом и картофелем, и как заламывал он за это три цены. Помним, как не было у нас ни кусочка хлеба, а нам нужно было корчевать. Помним затопленный покос на берегу Тунгуски... Но помним мы и первые радостные дни. Работа коммуны заставила скептиков прикусить языки. А скоро она станет примером того, как мы должны противостоять трудностям. Большие задачи стоят перед коммуной в третий, решающий, год пятилетки. Страна идет вперед гигантскими шагами, партия и советская власть уничтожают кулачество как класс на основе сплошной коллективизации. Классовая борьба в деревне усиливается. И в этой борьбе коммуна должна проводить все директивы партии и советской власти. Не менее важно для коммуны провести вторую большевистскую весну, что должно выразиться в подготовке к посевной. Кроме того, в этом году коммуна как животноводческое хозяйство должна решить пастбищный вопрос.

Все эти нелегкие задачи коммуна выполнит, как выполняла их до сегодняшнего дня. Почет строителям Биробиджана!»

Летом 1930 года коммуну посетила группа режиссеров советского кинообщества. Они обещали включить коммуны в фильм «Биробиджан», работа над которым идет в настоящее время. Вместе с ними в «Икоре» побывал американский журналист. Часто бывают в коммуне от-

А. Лейбман (Лев)

ветственные лица из биробиджанского ОЗЕТа, хабаровского КомЗЕТа. Московский ОЗЕТ выделил для коммуны фонд имени Аврома Рейзина. Но после того как Рейзин изменил делу революции, икоровцы написали письмо, в котором просили переименовать фонд в честь коммунистической газеты «Фрайхайд» («Свобода»). Московский ОЗЕТ приобрел на средства фонда библиотеку и послал ее коммунарам.

НОВАЯ ЖИЗНЬ, НОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Как уже говорилось ранее, все коммунары чувствуют себя членами одной семьи, все причастны к судьбам друг друга. Если, к примеру, парень долго не решается расписаться со своей подружкой, начинают ребята эту пару донимать, дразнят их женихом и невестой — и так до тех пор, пока оба в конце концов не женятся. Два года назад правление коммуны выдало премию в сто рублей коммунару, который первым решил жениться (на русской коммунарке). Сегодня такие средства поощрения уже не нужны, так как несколько пар за это время зарегистрировали брак в сельсовете. И уже есть в коммуне два маленьких «икорченка» — Роза и Владлен (в честь Розы Люксембург и Владимира Ленина).

Отдельно следует сказать о русских коммунарках (русских коммунаров в «Икоре» нет), которые уже долгое время находятся среди еврейских парней. Это в основном деревенские девчата, которые изрядно разбавили «местечковую рафинированность» переселенцев простыми манерами. Девушки чувствуют себя в коммуне так хорошо, что и не думают уходить отсюда.

Вот, к примеру, какая история произошла нынешним летом. Из соседней деревни в коммуну пришла русская девушка. В руке небольшой узелок, голубые глаза, детское личико, обрамленное копной стриженных льняных волос. Села на ступеньку крыльца общежития, опустила

А. Лейбман (Лев)

голову и робко сказала: «Я к вам пришла. Возьмите меня к себе, пожалуйста».

Парни решили принять ее в коммуну. Пригласили ее к столу. Она записалась. Уже через минуту девушка начала хлопотать в общежитии, перестилать наскоро застеленные кровати, убираться в комнатах. Делала она это так спокойно и привычно, как будто прожила в коммуне долгое время. Когда закончила с уборкой, вышла во двор, нашла прачечную и стала помогать девчатам стирать.

А к вечеру нагрянули ее родители и принялись уговаривать дочку вернуться домой. Та — в слезы: «Не-е-т, я домой не поуйду-у!» Надоела ей, мол, тесная закопченная изба и вечная ругань, хочется ей жить среди молодых, среди «своих»...

В общем, осталась она в коммуне. И такие случаи не единичны. Все чувствуют себя в коммуне своими, родными.

НА МЕБЕЛЬНОЙ ФАБРИКЕ «ИКОР»

А вот к подрывникам, пустословам и вредителям здесь отношение иное. Просачиваются иногда такие элементы в ряды коммунаров. Но их, благодаря коммунарскому чутью, удастся быстро демаскировать и исключить. Если коммунар совершил поступок, противоречащий интересам коллектива, он несет за это ответственность. Для этой цели существует товарищеский суд, который состоит из одного судьи и двух заседателей (всего заседателей 13 человек, они по очереди меняются). Суд пользуется большим авторитетом. В некоторых случаях судит правление. Общественное порицание имеет сильное влияние на коммунаров, их поступки.

Некоторые гости, в основном из крупных городов, высказывали претензии по поводу того, что коммунары неаккуратно одеты. Они забывают, что ежедневный труд в коммуне связан с уходом за скотом. Коммунарам при-

ходится ходить по грязи, по болотам, по горло в стоячей воде, под дождем, в изнуряющую жару или лютые морозы... Зато когда наступает праздник, юбилей, коммунары скидывают с себя рабочую одежду и худые сапоги. Приходит «цирюльник» (тоже коммунар, которого на это время освобождают от другой работы), он бреет наших икоровцев не хуже настоящего парикмахера. Парни надевают сапоги и одежду, которые уже успели побывать в починке у икоровских сапожника и портного. В женских комнатах в такие дни не протолкнуться — парни приходят сюда «сухарничать». Одни рассказывают, что это слово родилось в 1920—1922 годах, во время волочаевских сражений. Местное население, которое симпатизировало партизанам, каждый день снабжало их свежими сухарями. Это повторялось настолько регулярно, что когда деревенские девчата с очередной порцией сухарей задерживались, партизаны шутили: где же наши сухарницы? Оттуда это понятие распространилось на территории Дальнего Востока и стало означать посиделки с девушками, флирт. Другие, однако, утверждают, что слышали это слово задолго до 1920 года и что оно употребляется в речи дальневосточников и сибиряков.

Как уже говорилось ранее, в связи с нехваткой жилых помещений читальный зал и клуб в начале 1931 года были заняты новыми переселенцами. Поначалу им даже приходилось тесниться на узких кроватях вместе с ранее прибывшими коммунарами. Лишь в мае в общежитии стало просторнее — был построен новый дом. Были приняты меры по обновлению читального зала. В это же время был открыт медицинский кабинет, прием ведет коммунарка, которая окончила еврейский медицинский техникум в Гайсине (Украина).

Побеспокоилась коммуна и о детях, которых здесь уже немало. Во-первых, прибывают семьи с детьми. Во-вторых, семьи образуются внутри коммуны. В-третьих, малышня прибывает вместе с рабочими, которые заняты

А. Лейбман (Лев)

на различных работах в коммуне. В апреле 1931 года было 9 детей ясельного возраста, еще семеро посещали детскую площадку. Как уже говорилось ранее, икоровцы послали коммунарку на курсы воспитателей в Хабаровск. Она уже вернулась и приступила к организации яслей, которые примут детей как ясельного возраста, так и тех, что постарше. Ясли открываются 1 мая. Родители на собрании горячо приветствовали решение биробиджанского районного отдела образования открыть в коммуне ясли.

Условия жизни в коммуне еще далеки от идеальных. Но сегодня ситуация все-таки лучше, чем была прежде. Скоро закончится строительство нового дома, строится Соцгородок, и можно быть уверенными, что и на этом фронте, благодаря ударному труду, коммунары одержат победу.

Глава 3

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ЛИЦО «ИКОРА»

В завершение давайте попробуем проанализировать социально-экономическое положение коммуны. Посмотрим, какие изменения произошли в коммуне за период ее трехлетнего существования. Следует помнить, что своей нынешней численности (90 человек) коммуна достигла в результате различных процессов, не всегда однозначных.

В апреле 1928 года коммуна насчитывала 14 парней, к концу года их оставалось 12. В конце 1929 года в коммуне было 25 человек, в конце 1930-го — 49, а в марте 1931 года — 65. Казалось бы, численность все время увеличивалась, однако фактически ситуация складывалась по-другому. Так, в течение 1929 года в коммуну прибыло гораздо больше 13 человек, а в 1930-м — больше, чем 24. То есть происходил отток переселенцев.

С помощью анкетирования, проведенного среди коммунаров, удалось установить причины оттока. Во-первых, иногда людей исключали механически. «Икору» нужна продуктивная рабочая сила, а некоторые переселенцы не оправдывают доверия, их приходится исключать. Вторая причина — отъезд «домой», то есть в основном в Белоруссию и на Украину. Мотивируется это решение необходимостью помогать нетрудоспособным членам семьи, оставшимся на родине. Третья причина — переход на другую (например, партийную) работу. В-четвертых, часть коммунаров отправили на учебу. За последнее время студентами разных учебных учреждений Дальнего Востока стали 13 парней. Они учатся в Биробиджанском еврейском техникуме социалистичес-

кого сельского хозяйства, в Новополтавском еврейском сельскохозяйственном институте, в Хабаровске, Иркутске, Благовещенске и т.д. Пятая причина — служба в армии. «Икор» до последнего времени оставался молодежной коммуной, поэтому коммунары подлежали призыву в армию и на флот.

Что касается того, куда едут отсеявшиеся люди, бросается в глаза такой факт: если те, кого отпустили по семейным обстоятельствам, действительно уезжают на запад, то те, кто был исключен, в основном остаются на Дальнем Востоке. Их можно встретить потом на Сахалине, Камчатке, во Владивостоке. То есть, имея заранее свои определенные цели, они использовали коммуну в качестве транзитного пункта.

Отток коммунаров происходит в основном в осенние месяцы. Во-первых, это объясняется началом учебного года, когда студенты разъезжаются по своим учебным заведениям, а во-вторых — суровой зимой, когда градус «радости труда» заметно понижается.

Любопытен и такой факт: те, кто уезжает из коммуны, жили прежде в крупных городах, где культурно-бытовые условия, скажем так, гораздо лучше, чем в тайге. Среди тех, кто остается в коммуне, преобладают в основном выходцы из местечек и деревень. Им легче приспособиться к жизни в коммуне.

Попробуем сделать выводы о сегодняшнем составе коммуны. Это преимущественно молодые парни (лишь недавно в «Икор» стали вливаться семейные люди) в возрасте от 18 до 25 лет. В основном неженатые. Это объясняется тем, что сначала для переселения в Биробиджан вербовали главным образом мужчин. Национальный состав коммуны (не считая двух местных русских девушек, которые пожелали жить и работать в «Икоре») — евреи.

Интересен также перечень профессий, которыми владели коммунары ранее. Стоит перечислить некоторые из

них: слесарь-счетовод, чулочник-крестьянин, гвоздодел-рабочий конфектной фабрики, ткач-строитель, фармацевт и так далее. Какая невероятная «многопрофильность» у каждого коммунаара! Это очень ярко характеризует «экономическую стойкость» «профессионалов» и бросает определенную тень на биробиджанское переселение в целом.

Меж тем грамотных среди коммунаров — лишь 54 процента. Остальные либо малограмотные, либо вовсе неграмотные. Это в основном новоприбывшие парни — труженики из местечек, беднота. Среди них будет, конечно, проведена работа по ликвидации неграмотности, однако высокий процент малограмотных показывает, что уровень образования коммунаров далек от удовлетворительного.

Что касается русского языка, то все 100 процентов грамотных коммунаров могут на нем читать и писать. Из них только 52 процента читают и пишут на идише. Переселенцы из Белоруссии и западной части Украины считают идиш родным языком, в своем большинстве это местечковые, деревенские парни. Городских среди них меньше.

Почти все коммунары объясняют свой приезд в Биробиджан стремлением достичь определенных материальных, экономических целей, получить квалификацию, заняться физической работой и т.д. Если говорить о длительности пребывания в Биробиджане, то здесь доминируют такие цифры — один год, два года. Из тех 14 пионеров, которые приехали в коммуну в 1928 году, осталось двое. Остальные, как уже говорилось ранее, учатся. Количество семейных икоровцев невелико. За последний год расписались семь коммунаров и коммунарок.

Сами икоровцы, говоря о жизни в коммуне, жалуются главным образом на слабую культмассовую работу и плохие жилищные условия. Это сегодня составляет главную заботу соответствующих органов, в связи с чем

предъявляются особые требования к темпам строительства и развития хозяйственной сферы. Бытовые условия связаны с жилищным кризисом, точнее сказать, из-за недостатка жилых помещений страдают бытовые условия и культурно-просветительская работа.

Однако большинство коммунаров, согласно анкете, уже сегодня оценивают жизнь в «Икоре» как хорошую и даже очень хорошую. Некоторые ответили на этот вопрос так — «еще не успели узнать».

Что касается Биробиджана, то, как показывает анкетирование, большинство коммунаров удовлетворены его условиями. Одни говорят о природных богатствах этой земли, залежах минералов, запасах древесины, рыбных богатствах. Другие отмечают климатические условия этой территории, говорят о ее больших перспективах, о том, что здесь можно развить грандиозное строительство, о том, что это «страна будущего». Подчеркиваются в анкете и слабые темпы строительства. Некоторые коммунары сетуют на морозы и гнус, но с оговоркой на то, что эти трудности не критичны. Часть коммунаров считает, что необходимо лучше обеспечивать переселенцев.

Таким образом, мы наглядно видим, как в течение года-двух вчерашняя беднота, малограмотная молодежь (наследие капиталистического строя) со случайно приобретенными профессиональными навыками вливаются в социалистическое хозяйство, увеличивая активные общественные силы пролетариата. Многие из этих политически индифферентных молодых людей уже в течение первого года жизни в «Икоре» становятся комсомольцами.

Мы можем отметить, что из числа уже устроившихся переселенцев (не принимая в расчет тех, кто уезжает сразу после прибытия) отсеивается примерно 50 процентов. Тенденция к отъезду очень низка среди семейных. Количество женщин среди икоровцев до настоящего момента оставалось небольшим. Это в определен-

ной степени повлияло на отъезд из коммуны мужчин. Но в последнее время численность женщин стала увеличиваться.

Район местонахождения коммуны, по аттестации икоровцев, по своему экономическому положению, природным богатствам и другим условиям пригоден не только для земледелия, но и для развития других отраслей народного хозяйства. Доказательством тому может послужить Соцгородок, который строится на этой территории.

Как мы видим, три года жизни коммуны показали правильность решения советских органов по продуктивизации и оздоровлению еврейской бедноты, еврейской молодежи. Это видно из статистики и динамики «Икора».

Сегодня в «Икоре» живут и организованно работают 90 коммунаров. Хозяйство, которое в начале существования коммуны насчитывало единичные экземпляры скота, получило значительное развитие. Сегодня в нем насчитывается 115 коров, 250 свиней, 25 лошадей, имеются большие сельскохозяйственные машины, 2 трактора, два больших дома. Коммунары выкорчевали свыше 30 гектаров земли, 75 гектаров засеяно различными культурами: пшеница, картофель, овощи, гречиха и т.д. Коммуна регулярно обеспечивает Хабаровск молокопродуктами. «Икор» сдал в кооперацию сотни пудов кеты и икры. Молодые коммунары-ударники учатся в различных учебных заведениях. Уже скоро часть из них вернется со свежими знаниями и наработанной практикой. Коммунары ставят перед собой большие задачи: увеличить поголовье свиней на 400 свиноматок, выкорчевать и осушить большие болота. Коммуна включилась в социальное соревнование с тремя еврейскими районами и Крымом.

Для выполнения намеченного плана для социалистического Биробиджана необходима армия новых ударников-большевиков, парней из местечек Украины и Белоруссии, которые должны прибыть на строительство рай-

А. Лейбман (Лев)

она еврейского переселения.

Широкая пролетарская общественность СССР, революционные рабочие капиталистических стран должны помочь колонизации как материально, так и идейно. Начало положено. Еврейские рабочие из Америки строят вокруг «Икора» образцовый Соцгородок, но этого мало.

Еврейские пролетарии, труженики, рабочие всего мира! Теснее сомкните ряды вокруг Советского Союза, где под руководством ВКП(б) происходит грандиозное историческое социалистическое строительство, уничтожайте классовых врагов пролетарской диктатуры, разоблачайте политическую агентуру империализма. Усилим социалистическое строительство у берегов Тихого океана на Дальнем Востоке, укрепим социалистический Биробиджан. Тем самым будет внесен вклад в строительство Советского Союза, родины всех трудящихся!

Члены коммуны «Икор». 1982 г. (Из собрания РЭМ)

Стахановка Нина Шейнфельд.
Соцгородок Икор.
(Из собрания РЭМ)

Лел Абрамская, колхозница «Икора». (Из фондов Областного краеведческого музея ЕАО)

Маня Блехерман (Лейбова), коммуна «Икор», переселенка из Латвии.
(Из фондов Областного краеведческого музея ЕАО)

Иосиф Форер, председатель колхоза «Икор» в 1934-1937 гг. (Из фондов Областного краеведческого музея ЕАО)

Леон Тальми

НА ЦЕЛИНЕ

(Перевод с идиша Елены Сарашевской)

Леон Яковлевич Тальми (Лазар Тальмицкий) — журналист, переводчик. Родился 23 января 1893 года в местечке Ляховичи (бывшая Минская губерния России, а ныне Брестская область Беларуси). Хорошо говорил и писал на идише, русском, польском, немецком и английском языках. В 1912 году семья эмигрировала в Америку. Леон работал журналистом. Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года встретил с восторгом.

В 1929 году Леон Тальми принимал участие в экспедиции «ИКОР» на Дальний Восток. Для передвижения по железной дороге экспедиции был выделен вагон. Тальми сопровождал комиссию в качестве журналиста и переводчика. После экспедиции в газете коммунистов «Морген фрайхайд» публиковал свои очерки о работе комиссии. В 1931 году эти статьи были собраны в книгу

«Аф ройэр эрд» («На целине»), которую издали на двух языках: идиш и английском. Книга помогла найти на Западе много сторонников Биро-Биджанского проекта, добровольцев и благотворителей. Через два десятка лет этой книге дадут оценку «эксперты» с Лубянки. Их вердикт — шпионская работа.

Осенью 1932 года московская газета «Der Emes» (№273) оповестила читателей о прибытии в Москву из Нью-Йорка еврейского пролетарского журналиста, писателя и редактора журнала на идиш «Hamer/Молот» (орган Компартии США) Л. Тальми. В Москве он начал работать в Издательстве литературы на иностранных языках, где возглавил английскую редакцию.

Когда началась война, Тальми записался в ополченцы. Но его направили не на фронт, а переводчиком в Совинформбюро (СИБ).

3 июля 1949 года Леон Яковлевич был арестован по обвинению в шпионаже. Его дело было приобщено к делу Еврейского антифашистского комитета. Был казнен в расстрельном подвале Лефортово 12 августа 1952 года.

Источники: *litbook.ru, berkovich-zametki.com*

Публикуем здесь три главы из книги Л. Тальми «На целине», которые мы перевели на русский язык.

КОММУНА «ИКОР»

Мы заранее решили, что первым же делом побываем в коммуне «Икор», которая находится недалеко от железнодорожной линии у станции Волочаевка — первой остановки на пути из Хабаровска. Но когда утром 1 августа мы вышли из вагона, выяснилось, что товарищ, который должен был сообщить в коммуну о прибытии нашей экспедиции, из-за дождя задержался на вокзале.

Стали думать, как добраться до коммуны. Долго думать не пришлось — нам снова помог случай: на дороге показалась упряжка из двух лошадей, которая двигалась по направлению к станции. Паренек-возничий объяснил, что едет как раз из коммуны. Он был очень удивлен, увидев нас. Там, в коммуне, конечно, уже знали, что мы должны приехать, но думали, что о нашем визите их предупредят заранее. Да, он, конечно, готов отвезти нас туда, но на телегу могут сесть не более четырех, максимум пять человек. Что же делать?

Коротко посоветовавшись, мы решили, что поедут пятеро из нас — профессор Девидсон, профессор Кунц, товарищ Ватенберг, Ноах Лондон и я. Остальные — профессор Гаррис, профессор Солс и Биньямин Браун — должны были пока остаться и заняться исследованием территории вокруг станции. А мы, прибыв на место, вышлем за ними другую подводу.

Выехали около девяти утра. Было свежо, а небо сплошь затянуто. По этим признакам трудно было сказать, что предвещает погода: ясный солнечный день или ненастье и ливень. Но это уже мало что меняло, так как ночной дождь — кровный брат тех дождей, что лили здесь почти ежедневно в течение всей предыдущей недели, оставил после себя богатое «наследство»: дорога превра-

тилась в болото, по которому наши лошади телепались добрых два с половиной часа.

Путь лежал длиной девять с половиной километров. Из них три километра — по «главной» дороге Волочаевки: длинной улице с низенькими деревянными домами, стоящими поодаль друг от друга и отделенными один от другого грядами картофеля, капусты, бобов, подсолнухов, кукурузы и т. д.

Мы осматривали дома и огороды, насколько позволял обзор с телеги и покуда это было возможно. Выехав же за село, вынуждены были сосредоточить внимание на самой дороге, так как из-за густой растительности по обочинам — кустов и низких деревцев — ничего не было видно. Ноах Лондон, по профессии дорожный инженер, начал вслух перечислять достоинства и недостатки дороги (недостатков было значительно больше) и объяснять, как нужно было ее строить правильно.

Тем временем закончился спор между погодой и непогодой — начался дождь. Мы надели плащи и поехали дальше. И вот тогда-то мы впервые познакомились с биробиджанским гнусом. Из-под кустов сначала по одному, а затем целыми роями на нас устремились комары. Поприветствовав нас веселым жужжанием, они тут же пустили в ход свои колющие инструменты. Вскоре появились другие представители мелких крылатых насекомых — так называемая мошкара, которая роились вокруг нас тучами, и приходилось все время отмахиваться от нее.

Чтобы быть точным, необходимо отметить, что возможность познакомиться с гнусом в тот раз представилась только тем из нас, кто сидел на телеге слева, лицом к той обочине дороги, где кусты росли гуще. Те же, кто сидел лицом к железной дороге, даже не поняли, почему мы все время машем руками.

Меньше всего беспокоился о комарах парень-коммунар, который погонял лошадей. Поскольку мы разго-

варивали между собой на английском языке, он что-то тихонько напевал. Когда мы вдруг замолчали, он немного подождал, а потом завел разговор на идише с теми из нас, кто понимал этот язык. Пожаловался, что дождь, который льет здесь уже две недели, сильно помешал работе коммунаров.

Около одиннадцати часов показались дома коммуны, а еще через полчаса мы въехали во двор. Очевидно из-за дождя на улице не было ни души. Вскоре к нам вышли несколько парней, которые как-то неуверенно поздоровались с нами и пригласили войти в первый дом. Через некоторое время там собралось человек десять народу, и мы разговорились о коммуне.

Двенадцать коммунаров приехали в Биро-Биджан в прошлом году вместе с первыми переселенцами. Устроились сначала в Бирофельде, построили там дом, коровник и приобрели дюжину коров. Сюда, на новое место, они перебрались в этом году, в начале весны. Прежде здесь находилась Дежневская опытная и метеорологическая станция. Сейчас оборудование станции перевезли в Бирофельд, а постройки с землей (площадью более двух тысяч гектаров) передали коммуне. Всего здесь имеется восемь построек: два жилых дома, конюшня, коровник и при нем молочная лаборатория, кухня и столовая, гараж, зернохранилище, кузня, свинарник и баня.

Парни скоро привыкли к нашему присутствию, и скованность в общении исчезла. Настроение у коммунаров, в отличие от того, что нам рассказывали об «Икоре» в Хабаровске, было хорошее. Несмотря на неудачный опыт (когда часть посевов пшеницы и овса, а также заготовленное сено были уничтожены наводнением), ребята полны решимости и надежд.

Мы переждали дождь и отправились осматривать икоровские владения. В двух жилых домах насчитали больше двадцати комнат, в которых можно спокойно разместить 45 человек. Парни рассчитывают, что через год

число коммунаров подойдет к этой цифре. Обстановка в комнатах очень простая: грубо сколоченные деревянные кровати, по паре стульев на комнату, в каждой — столик, на котором лежат книги, «Штерн», «Ройтэ вэлт» и другие газеты и журналы. В некоторых комнатах есть умывальники. Стены побелены, но известка во многих местах осыпалась.

Из конюшни доносилось ржание лошадей — их в коммуне семь. Пользуясь моментом, мы попросили тов. Вихнина, председателя коммуны, послать пять лошадей за Гаррисом и остальными членами комиссии.

Затем мы разделились: Девидсон, я и сопровождавший нас коммунар двинулись в восточном от построек направлении — осматривать поля. Пшеница здесь выглядела гораздо лучше и здоровее, чем на полях по дороге в коммуну. Парень объяснил нам, почему: здесь и место повыше, и есть канава, в которую стекают талые и ливневые воды.

После мы отправились в коровник. Коммунары, которых мы там встретили, дали нам полную информацию. В икоровском стаде 33 коровы и бычок. Коровы дают 135 кварт молока в день. Из него вырабатывают здесь 20 кварт сметаны, которую поставляют в Хабаровск. «Худое» молоко идет на стол коммунарам. Из кислого молока делают сыр или поят им шестерых ухоженных поросят.

В гараже мы нашли «Клетрак», который явно немало потрудился за свою короткую жизнь. Сиденье было сильно потерто, по состоянию колес и цепей можно было судить, по скольким болотам прошел трактор и сколько вспахал земли. Рядом стояли два четырехрядных плуга «Джон Дир», сеялка, молотилка и другое сельхозоборудование. По оценке профессора Девидсона, коммуна в этом смысле неплохо обеспечена. Парень, который нас сопровождал, пожаловался, что трактор они получили слишком поздно, а дисковую борону к нему — еще поз-

же, и это помешало им вспахать больше земли.

В свинарнике свиней мы не нашли (их временно разместили в коровнике, отгородив для них угол), зато нашли оборудование, которое используется в пчеловодстве. Например, медогонку (в коммуне 17 ульев).

Затем мы вернулись на кухню и познакомились с девушкой, которая была занята приготовлением обеда. По правде говоря, в кухне этой не было ничего кроме печи — большой русской каменной печи. Она, печка то есть, стены и балки были облеплены мухами — простыми домашними мухами, которые собрались сюда, кажется, со всех окрестностей. Стен, собственно, не было видно — сплошная черная движущаяся масса. Девушка — босая, с искусанными ногами и пенсне на носу — имела интеллигентную внешность, что не сочеталось ни с этой русской печкой, ни с мухами на стенах. Она объяснила, что находится здесь несколько месяцев и что раньше, дома, работала «по письменной части». Здесь ей нравится.

Девушка сказала, что коммунары, конечно, ждали нас, но не знали, что мы приедем сегодня. Когда мы сообщили, что сегодня же собираемся уехать, она недовольно буркнула:

— Тоже мне гости...

Девидсон тем временем раздобыл лопату. Мы с ним вышли и выкопали ямки в земле в нескольких местах — он хотел понять характер почвы. Выяснилось, что верхний слой (на полфута) состоит из чернозема. Второй слой (полтора фута в глубину) — густая глина. Под ней — глина светлозеленого цвета, более сухая и рыхлая. По мнению Девидсона, из-за глинистой подпочвы здесь следует провести дренажные работы, чтобы сделать землю пригодной для сельского хозяйства. Коммунар сказал нам, что в релке, примерно в километре от коммунарской усадьбы, подпочва песчаная, и там все растет очень хорошо. Кунц и Лондон, которые прогулялись к релке, это позже подтвердили.

Около трех часов мы все собрались в столовой, где девушка с кухни потчевала нас обедом — ухой, белым сыром, молоком и черным хлебом.

После обеда мы подошли к воротам коммуны, где встретили группу парней. Они рассказали о взаимоотношениях с соседями. Ближайшее от коммуны село — Дежневка. Там находится сейчас коллектив украинских переселенцев. Они дружат с коммунарами, ребята часто ходят в гости друг к другу, отмечают вместе праздники. Один из парней, лет 18-ти, который недавно ездил на Тихонькую, с большим энтузиазмом рассказал, что видел там экскаваторы, которые прислала организация ИКОР. Он детально описал операции, которые выполняет эта машина, — как она копает землю, как поднимает полный ковш, как она сама движется и крутится на круглом вращающемся фундаменте.

— Замечательная машина! Интересная машина! — подытожил он.

Парни расспросили нас об ИКОРе, о работе экспедиции и о перспективах. Один из них пожаловался.

— Целый год работали мы в Бирофельде, изучали там почву, климат, а сейчас — мы здесь, а здесь мы ничего не знаем.

— Да, надо теперь заново учиться, — подключается второй, — и никто нам не может ничего подсказать. Все пробуем сами. Иногда получается, иногда — нет.

Тем временем подъехал паренек на подводе. Мы тепло попрощались с коммунарами и отправились на станцию. Вскоре увидели, как навстречу нам движется целая кавалькада. Это были Гаррис и другие члены комиссии — теперь был их черед побывать в коммуне.

Детский сад колхоза «Икор». (Из фондов Областного краеведческого музея ЕАО)

ИН. ИН КОРЕЙСКИЙ. УРМИ

Когда мы проснулись утром второго августа, наш вагон стоял на запасном пути на станции Ин. Нашему взору предстал вокзал — хоть и деревянный, но просторный, — широкий перрон, высокая каменная водонапорная башня, несколько домишек, полдюжины рельсов, товарные вагоны и свистящие локомотивы. Окна вокзала самодовольно глазели на большое кирпичное здание железнодорожных мастерских, будто говоря: и это тоже принадлежит мне.

Мы еще не закончили завтракать, когда к нам пожаловали гости — агрономы Фрухт и Ванеев, руководители специальной экспедиции, организованной биробиджанской группой при Дальневосточном переселенческом управлении. Это управление занималось в основном исследованием территории вдоль железной дороги на всем ее протяжении от Хабаровска до Облучья и на расстоянии 15 км к югу и северу от линии. Поскольку экспедиция только что завершила работу в районе станции Ин, товарищи Фрухт и Ванеев, по указанию ОЗЕТа, пришли, чтобы помочь работе нашей комиссии и обеспечить нас всем необходимым.

Мы поговорили и решили, что должны разделить на две группы. Одна отправится в южном направлении, чтобы посмотреть состояние дорог и исследовать землю на том участке, где со временем планируется построить совхоз. Вторая группа отправится на север, туда, где находятся корейские деревни.

Фрухт и Ванеев ушли в местное отделение «Дальлеса» договориться насчет лошадей и нескольких сбруй плюс к тем шести, что мы привезли с собой из Москвы. Они обещали уладить эти вопросы к полудню. А пока у нас

появилось время сделать записи и погулять по станции.

Мне было любопытно поближе рассмотреть поселок. День выдался ясный, солнечный. Дороги в Ине были сухие, да к тому же по обочинам лежали деревянные тротуары. Мне нужны были сигареты, и я направился в кооператив — большой магазин на главной улице поселка. Но в магазине было битком народу, а ждать не хотелось. На улице, у входа в кооператив, корейские и русские крестьяне продавали овощи и ягоду. Я купил пару фунтов крыжовника и зашагал назад к вагону.

Часы показывали около двенадцати. Мы все были готовы к путешествию, но Фрухт и Ванеев еще не вернулись. Тем временем наш вагон стал центром всеобщего внимания.

Вот идет пожилой мужчина с длинными седыми волосами и усами. Останавливается, здоровается и начинает издалека:

— А я иду из ресторана, смотрю — вагон необычный. Думаю — кто это к нам приехал?

И тут же представляется: окончил Петербургский университет, факультет экономических наук. Здесь, однако, по специальности трудоустроиться не смог, потому работает инструктором на образовательных курсах, организованных Уссурийской железной дорогой. Ему бы очень хотелось...

Чего бы ему хотелось — я так и не узнал: Ноах Лондон, заинтересовавшись собеседником, увлек его в сторону и завел с ним разговор.

Немного погодя нас удостаивает визитом другой персонаж — с белыми гладко зачесанными волосами и блестящим розовым лицом. Он неожиданно выныривает из-под вагона, и тут же из него начинает литься поток слов — смесь плохого русского и польского и искаженного немецкого.

Вы уж простите, говорит, штаны он закатал, так как часть дороги шел по воде. Сегодня замечательный день.

Он работает поваром в ресторане, но сегодня у него выходной, и он счастлив. «Йо-йо», восемнадцать лет живет на Дальнем Востоке. В 1917 году он был в Ленинграде. Петрограде, да-да. Вы знаете — Измайловские, Волынские, Преображенские полки? — ха-ха-ха — он был там поваром. И отец его был поваром. У графа Тышкевича в Вильно, да. Там-то он, отцов сын, и родился. Был он и в Варшаве, и во многих других городах, а сейчас здесь. Есть у него тут «фрейлейн», живет неподалеку. Он вытаскивает из кармана ее фотографию и локон волос, завернутый в бумажку, и показывает нам — «мусс арбайтн» — восемнадцать рублей в месяц, вот так! А сегодня у него выходной, и солнце светит, и ему хорошо, и весело ему. Ха-ха-ха, хо-хо-хо!..

Так он смеялся, напевал, пританцовывал и тарабарил, пока нам не привели лошадей.

Мы разделяемся на две группы: профессор Девидсон, Кунц, Ватенберг, Лондон и Ванеев едут на юг, а Гаррис, Солс, Браун, я, Фрухт и наш сопровождающий из Хабаровска — «Николас» Токарев — выдвигаемся по главной улице Ина и сворачиваем на север. Впереди едет наш проводник — молодой чиновник из «Дальлеса» в казацком одеянии.

Для меня эта поездка стала целым событием. Впервые в жизни я сидел в седле и был готов к самому худшему. «Самое худшее» случилось гораздо раньше, чем я ожидал.

Наш проводник, желая, очевидно, привлечь внимание инских девчат, выглядывавших из окон, решил продемонстрировать мастерство наездника. Как только мы выехали на главную улицу, он пустил свою лошадь в галоп, остальные последовали за ним. Я начал прикидывать, что лучше: рискнуть сломать себе шею или отстать от группы. Не успел я, однако, поразмыслить, как конь мой принял решение самостоятельно. И решение его было — догнать остальных. А мне оставалось лишь

уповать на судьбу.

К счастью, дорога была довольно ровной, а лошадь несла седока осторожно. За три четверти часа мы добрались до деревни «Ин корейский». Я был цел и невредим.

Мы подъехали к какому-то двору. Посреди него, у качелей, над которыми развевался поблекший красный флаг, спокойно сидел на соломенном мате старый кореец с длинной седой острой бородкой. Он курил длинную тонкую трубку и даже не взглянул в нашу сторону, когда мы въехали во двор, спешили и привязали лошадей к ограде.

Товарищ из «Дальлеса» громко поприветствовал старика, и тот, наконец, удостоил нас взглядом, вынул трубку изо рта и ответил глубоким поклоном головы. Затем он указал нам на дом.

Мы подошли к проему, служившему и дверью, и окном. Внутри на соломенных матах сидели, подвернув под себя ноги, несколько корейцев. У входа стоял низкий столик, за которым занимался математикой мальчуган, быстро записывая в тетрадь цифры.

Наш проводник из «Дальлеса» обратился к сидящим и начал объяснять им, что приехала экспедиция из Америки. Ученые, агрономы. Пусть кто-нибудь покажет гостям поля и огороды.

Корейцы слушали его, но в ответ лишь молча усмехались. Затем один из них сказал на плохом русском, что они, собственно, не нуждаются здесь в агрономах, которые будут учить, как обращаться с землей. Они и сами знают свое дело, да лучше русских, так что пусть им не морочат голову с агрономами.

Остальные корейцы рассмеялись, но товарищ из «Дальлеса» продолжал их уговаривать. Тем временем пришли два корейских парня, которые приветствовали его как старого знакомого. Они познакомились с нами, поздоровались с каждым из нас за руку и согласились прово-

дить на поля.

Путь наш лежал по маленькой улочке, которая заканчивалась у ручья. Там, наклонившись над деревянным корытом, стирала белье корейка с маленьким ребенком, привязанным к спине. Она украдкой бросила на нас взгляд и продолжила свою работу.

Поля и огороды здесь производят самое лучшее впечатление своей ухоженностью. Чувствуется, сколько труда в них вложено. Мы любуемся ровными рядами разных культур: огурцы, помидоры, бобы, горох, морковь, дыни, арбузы, свекла. Вот большое поле чумизы, а рядом зеленые стебли овса. Вот тянутся длинные ряды маиса, а вот раскинулись широкие листья табака.

Гаррис и Браун особенно внимательно разглядывают растения: отрывают стебли и листья, пробуют гороховые стручки. Гаррис замечает: то, что мы здесь видим, состояние растений, свидетельствует о хорошем климате. Он пытается исследовать почву в нескольких местах. Здесь преобладают релочные возвышенности с песчаной подпочвой, земля не требует осушения и может сразу обрабатываться.

Мы узнаем от наших корейских сопровождающих, что деревня существует всего пять лет. Здесь 49 дворов, и на каждый из них приходится от пяти до восьми гектаров земли, и все здесь получают свое воспитание и образование от земли.

Осмотрев поля, мы вернулись в деревню, и по приглашению наших проводников побывали в нескольких домах, или, как их называют, фанзах. Такая фанза представляет собой большую комнату, полы из затвердевшей глины выстелены соломенными матами. Собственно, полы в фанзе двух уровней. Между ними зигзагообразно, по всей площади фанзы, проходит дымоход, по нему из очага проходит горячий дым, который обогревает всю фанзу. Заканчивается дымоход на улице, где примыкает к выдолбленному дереву, которое служит трубой.

Прежде чем мы попрощались с деревней и ее дружелюбными жителями, нам показали корейскую «машинерию»: деревянный самодельный плуг с железным лемешем. Увидели мы и мельницу, состоящую из тяжелого круглого камня, который вращают на каменном фундаменте.

День был в самом разгаре, и мы решили отправиться дальше — к русской деревне Урми на берегу Амура, самой южной точке Биро-Биджана.

Там нас встретила раскисшая улица, по которой мы проехали до самого берега реки. У какого-то двора спешились и привязали лошадей к ограде, несмотря на сильные протесты двух больших псов, устроивших громкий переполох.

На лай из избы вышел мальчик лет пятнадцати, за ним девушка постарше. Из соседних домов тоже начали выглядывать дети и девушки — взрослые, очевидно, были заняты работой в поле. Мальчик успокоил собаку и, выслушав нашего сопровождающего из «Дальлеса», пообещал провести нас на поля.

Но прежде мы сели в лодку, привязанную к берегу, и поплыли на середину реки к островку, густо заросшему деревцами и кустарником. Там мы разделись и искупались в прохладной воде Урми.

Освежившись, мы отправились на поля. Мальчик показал нам дорогу и с готовностью отвечал на все наши вопросы. Одна из собак — по кличке Лорд, — большая, с длинными ушами и густой свисающей желтой шерстью, очевидно, убедила себя, что если ее хозяин с нами приветлив, то и ей следует вести себя дружелюбно. Пес с любопытством обнюхал каждого из гостей, а когда один из нас попытался погладить его по мохнатой голове, Лорд с готовностью дал нам понять, что он ничего не имеет против нас, а то, что он раньше лаял на нас, так это он просто лаял.

Деревенька Урми — крохотная, всего 19 дворов. Об-

щее впечатление хуже, чем от корейской деревни. Поля и огороды здесь обработаны не так тщательно, не так чисто. Дома — а деревня существует три или четыре года — выглядят ветхими и запущенными. Улицы раскисшие. Но и здесь цветут поля и наливаются соком растения. Мы нашли несколько ям, которые дали Геррису возможность изучить строение почвы.

На обратном пути мы встретили женщину, которая несла большую рыбину в корзине. Мы очень заинтересовались этим полуторафутковым сазаном, который еще утром плескался в Урми. Договорившись о цене, мы купили этого красавца за два рубля, и на завтра у нас был вкуснейший пир.

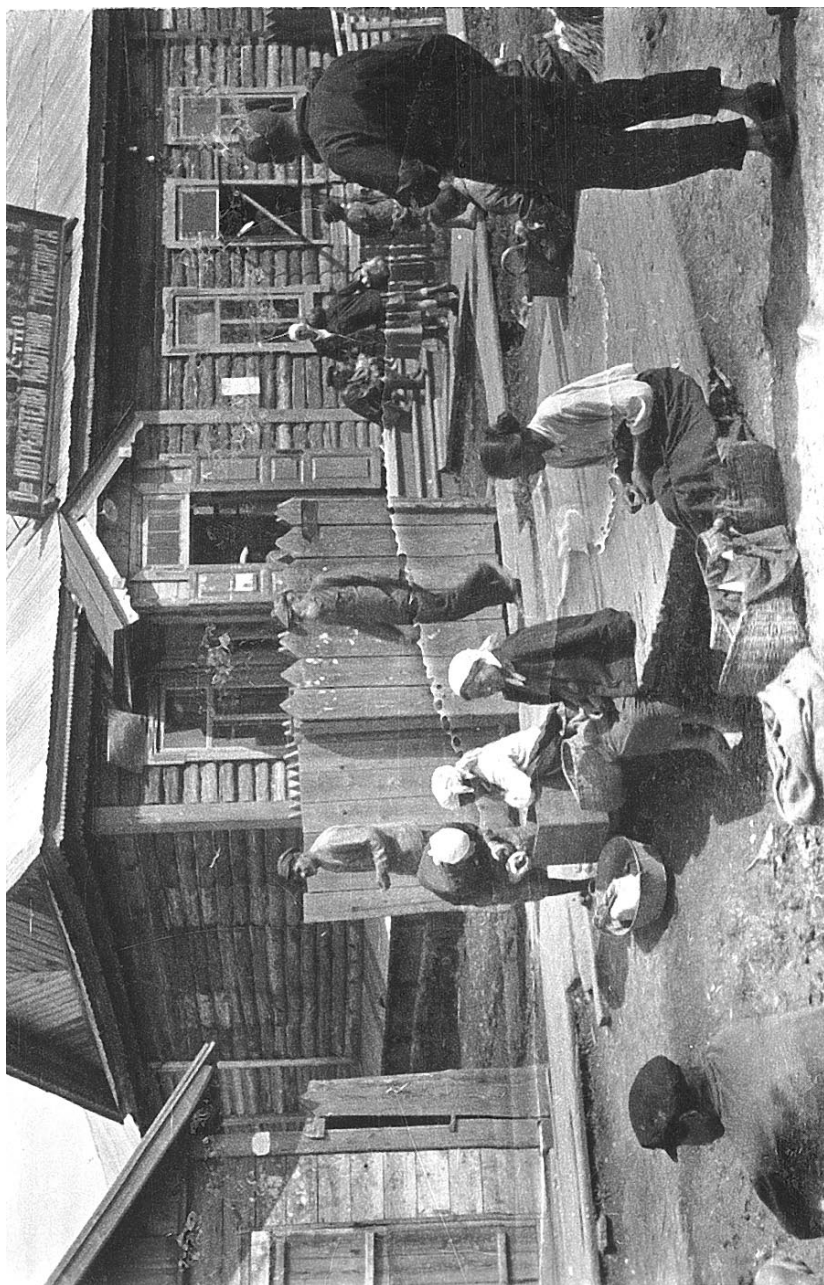
Напоив лошадей, мы выехали из деревни. Кореец, который подключился к нашей группе, предложил ненадолго заехать во вторую корейскую деревню, которая находилась в стороне от дороги. Мы последовали за ним. Кореец провел нас через поля и с особой радостью показал участки земли, которые обрабатываются местными пионерами. Вскоре они и сами пришли сюда — десяток черноволосых темнокожих ребяташек в блузах цвета хаки и с красными галстуками. Они шумно приветствовали нас и долго смотрели нам вслед, пока мы не скрылись из виду.

Когда мы пришли на станцию, было уже почти восемь часов. Мы прибыли почти одновременно со второй нашей группой. Выяснилось, что лошадь Девидсона споткнулась и профессор подвернул руку. На вокзале нам сообщили, что скоро пройдет поезд, к которому подцепят наш вагон, и мы поедем дальше на запад.

Был уже двенадцатый час ночи, когда поезд прибыл на станцию. Мы отправились в путь, а когда в следующий раз появилась возможность выйти на улицу, мы увидели пустой вокзал, на котором во тьме едва смогли прочесть — станция Тихонькая.

Паром через реку Бира.
Станция Тихонькая.
Фотограф Е. Вансеев 1930 г.
(Из собрания РЭМ)

На станции ИИ. (Из фондов Областного краеведческого музея ЕАО)

Ударник Опытной сельско-хозяйственной станции кореец Василий Ким и его жена Рая Гальперина из города Нежина (УССР). 1937 г. (Из фондов Областного краеведческого музея ЕАО)

ТИХОНЬКАЯ

Снаружи слышались шаги. Кто-то из местных ходил вокруг вагона и заглядывал в окна, желая, наверное, выяснить, что за гости пожаловали в Тихонькую. Но окна были плотно занавешены, и в вагоне было темно и тихо. Все еще спали. Устав после вчерашнего путешествия в корейскую деревню, я тоже повернулся на бок и провалился в сон.

Когда я проснулся во второй раз, занавески на окнах были все еще опущены, но сквозь них уже пробивался свет. Из купе Гарриса доносился плеск воды — значит, пора вставать. И действительно — часы показывали восемь утра.

Мы быстро позавтракали и отправились осматривать владения Мэдине Тихонькая — Государства Тихонькая — центра еврейской колонизации на Дальнем Востоке.

Утро было солнечное, и чистое небо над сопкой Тихонькой предсказывало ясную погоду. Ночью накрапывал дождик, но к утру от него не осталось и следа.

Около станции первыми бросались в глаза несколько зданий, которые выделялись цветом свежего сруба. Чуть в стороне от железной дороги стоял один из «ИКОРовских» экскаваторов и с важным видом смотрел на поселок. А неподалеку от нашего вагона толпились переселенцы, которые что-то оживленно обсуждали. Когда мы с еще одним участником экспедиции подошли к ним, нас тут же приняли в разговор.

Один из переселенцев, бывший одессит, интересовался, почему здесь не строят дороги. Вот сейчас, рассказывает наш новый знакомый, он идет из Раздольного. Часть пути ему пришлось брести по воде — он показывает на свои высокие сапоги, залепленные грязью.

Уж сколько раз раздольненцы требовали от ОЗЕТа построить дорогу в Тихонькую — один ответ: нет денег!

Так пусть ему здесь объяснят, что это за ответ, когда всем предельно ясно, что дорога Тихонькая — Раздольное просто необходима!

Другие переселенцы с ним не согласны. Дорога туда, дорога сюда. Не в дорогах суть, а в том, что работы не дают. А если уж есть работа, то очень тяжелая: зарабатывать, конечно, зарабатывают, но не по труду плата.

Тут же образуются две партии и разгорается жаркий спор. Я спрашиваю у раздольненца, сколько там живет семей. Восемнадцать — отвечает он. От других узнаю, что ехали они в Раздольное и обустраивались там за свой счет и что этот район почти не принимают во внимание для широкой колонизации.

Немного погодя мы направляемся к невысокому зданию, к которому прикреплена табличка на идише и русском, сообщающая, что здесь находится поселковое отделение биро-биджанской группы при переселенческом управлении. Люди выходят из здания, заходят в него, проходят мимо, иногда кто-то бросает на нас взгляд и спешит дальше. Мы отмечаем, что проходим нет до нас никакого дела. Тихонькая привыкла к разного рода гостям.

Позже мы выясняем, что название станции — Тихонькая — совсем не соответствует духу этого оживленного шумного места, которое встречает здесь еврейскую диаспору из разных уголков Советского Союза. Каждый здесь оставил позади себя десять тысяч километров пути — эти люди повидали мир, их мало чем удивишь. О тех, кто уже попробовал на вкус биробиджанскую жизнь, кто побывал «на участке», попытался работать, а потом понял, что это все не по его силам, — о них уже сказано. Они уже знают все, что только можно знать о Биро-Биджане. Такой уедет домой, назад в местечко, и ему будет что порассказать о далеком крае, в котором побы-

вал...

Но и тем, кто здесь остается, тоже есть что поведать. О том, какая это была глухомань еще год назад. Поезда проезжали мимо Тихонькой. Редко когда кто-то из пассажиров сходил на этой станции, редко когда кто-то отсюда уезжал, а если кто-то сюда приезжал, это становилось настоящим событием.

А сегодня все время кто-то приезжает и уезжает. На станции постоянная толкотня. Всякий раз, когда прибывает поезд, все пространство вокруг маленького домика, на котором гордо красуется вывеска «Вокзал», заполняет толпа. Собирается много встречающих, уезжающих и просто любопытствующих, и уже непонятно — кто, где и зачем.

Местным старожилам, которые привыкли к прежней тихой и размеренной жизни, нелегко свыкаться с новыми условиями, шумом тракторов, автомобилей, стуком молотков и топоров на стройке. Многие из них хотели бы уехать подальше отсюда, туда, где потише и поуютней. Рассказывают, что часть таких старожилов продает свои дома и хозяйства приезжим евреям, а сами уезжают дальше на восток, к морю, где пока еще тихо и спокойно. Вот так на Тихонькой вырос еврейский поселок, и есть уже еврейский ресторан и еврейская парикмахерская «Биро-Биджан» и другие «учреждения», не считая официальных органов.

Побывав в переселенческой конторе, мы отправляемся в ОЗЕТ, где должны уладить все вопросы относительно нашего дальнейшего передвижения. На главной улице здесь стоят ворота, которые преграждают путь к рельсам домашним животным, чтобы те не погибли под колесами проходящих поездов. Для людей здесь установлена вертушка.

Многие пожилые переселенцы здороваются с профессором Кунцем, с которым они знакомы еще по прежней жизни. Здесь его знают, любят и относятся к нему с

большим доверием. Вот проезжает мимо нас на подводе коренастый еврей, останавливается, радушно здоровается с Кунцем и рассказывает о себе: да, он отлично устроился. Купил дом и хозяйство на Тихонькой. Зимой работал со своей лошадкой и подводой и таки неплохо заработал, и сейчас тоже ни на что не жалуется.

Мы заворачиваем налево и подходим к конторе ОЗЕ-Та — старое помещение под новой крышей. Здесь полно народу, рабочих и служащих. Одни стучат на печатных машинках, другие что-то подсчитывают в гроссбухах, а третьи обсуждают строительный план, выдают кредиты, посылают на работу, выслушивают жалобы...

Мы договариваемся с главным уполномоченным ОЗЕ-Та тов. Робинсоном о нашем дальнейшем маршруте, обсуждаем детали нашей работы, а сегодняшний день решаем посвятить поездке в Кырму, или, как ее еще называют, Худзиновку, где только в этом году был основан новый еврейский поселок, который быстро растет.

Выезжаем около часу дня, одни — на телегах, другие верхом. Отъехав примерно с километр, встречаем второй «ИКОРовский» экскаватор, который занят возведением земляного полотна дороги. В том, что дороги здесь нуждаются в ремонте, мы убедились уже скоро, когда нам пришлось ехать по воде два-три фута глубиной. Здесь мы встретились с руководителем дорожно-строительных работ, неким Бе...новым. Высокий, крепкий мужчина с самодовольным и очень сытым лицом — из тех лиц, которые отталкивают с первого же взгляда. На нем была грязная белая рубашка с расстегнутым воротом, темно-серые брюки и желтые сапоги. Он с важным видом курил трубку и все время пытался очистить штаны, заляпанные грязью. По приглашению тов. Лондона он сел к нам в телегу и проехал с нами весь остаток пути.

Немного погодя мы встречаем на дороге трактор «Интернационал». Он глубоко увяз в грязи, и несколько парней пытались его оттуда выволить. Они испробова-

ли все способы: подкладывали под передние колеса доски, подсовывали под трактор бревно, а под бревно — подпорку, чтобы получился рычаг. Парни налегали на него со всей силой, но трактор не двигался с места. Со всех сторон сыпались советы и объяснения, почему трактор упрямится. Кто-то сказал, что трактор увяз в глине и его уже не вытащить, пока дорога не высохнет. Наши подошли поближе, чтобы понять, что делать. Профессор Девидсон посоветовал подсунуть бревно под оба задних колеса и попробовать толкнуть трактор назад. И хотя выполнить этот совет было непросто, к нему прислушались, и тракторист включил заднюю скорость. Трактор двинулся с места, слегка приподнялся и снова увяз. Операция по спасению трактора продолжилась.

Мы же продолжили свой путь. Бе...нов, который все это время оставался сидеть в телеге, не преминул крикнуть трактористу свой совет: оставить трактор в покое и не мучиться.

— Да провались он сквозь землю!

Как только мы двинулись с места, Браун вытащил свой киноаппарат и наставил на нас. Бе...нов тут же вынул трубку и, не раскурив ее, сунул в рот: пусть в Америке посмотрят, что Бе...нов не абы кто, а человек с трубкой.

Когда Браун закончил съемку, Бе...нов вынул пустую трубку изо рта, положил ее в карман и вновь принялся чистить брюки.

После этих эпизодов неприятное впечатление, которое сложилось у меня об этом человеке, лишь усилилось. Поэтому я был не сильно удивлен состоянием того участка дороги, строительством которого руководил этот «инженер». В то же время мы заметили, что другие участки дороги находятся в хорошем состоянии.

Ехали мы часа два. Отмахиваясь от комаров, которые чувствовались здесь все сильнее, мы осматривали окрестности, деревья, зеленые дали.

Наш извозчик завел со мной разговор:

— Из Америки, стало быть, приехали, посмотреть на наше житье-бытье?

— Да.

— Тьфу... А знают хоть в Америке, как тут нами крутят?

— Кто?

— Как кто? ОЗЕТ. Вот взять, к примеру, вас. Вы утром чай пили?

— Пил.

— Ну вот, а я — нет.

— Почему же вы не пили чай?

— Почему? А вот почему. Кипяток нам должны давать бесплатно? Должны. А не дают. Почему, думаете, не дают? Потому что открыли столовую, а там для переселенцев обед стоит 75 копеек, а стакан чаю — пять копеек. Кипяток не дают — я должен купить чай. Вот так нами крутят. Ну где это слыхано — 75 копеек за обед!

Балагула говорит медленно, не торопясь, хитровато улыбаясь. Рассказывает он такую историю:

Сами они уманские. Одиннадцать евреев. Все балагулы. Организовались они в артель и приехали сюда, в Биро-Биджан. Получили первые кредиты, купили лошадей и занялись своим ремеслом. Это хорошо. Работа есть, и рубль заработать можно. Что ж тогда? А вот что. Чего стоит лошадь без дороги и телеги? Ничего. А ее еще кормить надо. А дома осталась семья, которой тоже денежку надо послать. Вот и получается: если бы дали еще кредит, можно было бы и телегу купить, и заработать и на семью, и лошади на корм. Но кредит не дают. Понаобещали кредитов столько-то и столько-то, а не дают. И разве это дорога? Совесть есть? Чем это все кончится? Лошади корма не хватает. Одна из артельских лошадок паслась одна, да заблудилась и попала под поезд. Было у них одиннадцать лошадей, стало десять. Ущерб. А все потому, что ОЗЕТ им глаза замылил и не дает теперь кредиты. Он заканчивает тем, что мы можем

это рассказать в Америке, пусть они там тоже знают, как ОЗЕТ ведет себя с переселенцами.

Позже я поинтересовался и выяснил, что обед — суп с мясом и хлеб — стоит в столовой 35 копеек. 75 копеек — стоимость комплексного обеда с дополнительной порцией мяса. Что касается кредитов, то, как мне объяснили, они выдаются на определенные цели. Эта уманская артель получила все кредиты, вплоть до кредитов на строительство. ОЗЕТ готов и дальше кредитовать артель, но при условии, что они начнут строиться. Но артельцы строиться не хотят. Не решили еще, очевидно, остаются они здесь или нет. Обрабатывать землю у них тоже нет желания. Хозяйство заводить тоже не хотят, и семьи привозить — тоже. При таких обстоятельствах ОЗЕТ им больше не будет выдавать кредиты, потому что они ничем не гарантируются.

Этим же вечером у нас снова появилась возможность встретиться с недовольными. Когда мы вернулись в вагон, в дверь кто-то постучал. Что такое? «Делегация к американской комиссии». Когда «они» вошли, выяснилось, что «делегация» состоит из одного шуплого паренька с интеллигентным лицом. Он пришел пожаловаться.

Он уже был в Хабаровске и продал свое пальто. Сейчас он снова вынужден ехать в Хабаровск, чтобы продать свои часы. Так он собирает деньги на обратную дорогу домой, потому что жить здесь дорого. Первые три дня его кормили бесплатно, а теперь предлагают за все заплатить. Какие же у него жалобы? Что же он хочет? Он хочет уехать домой — не могли бы мы ему помочь. Его обманули. Сам он из Судиловки, какой-то нацмен из Шепетовки сказал, что в Биробиджане можно поступить на курсы слесарей, трактористов, можно получить квалификацию. Он взял литературу, и нацмен дал ему денег на дорогу. А теперь, когда он здесь, выясняется, что курсов слесарей нет, а есть только курсы трактористов. А на эти

курсы он не хочет, потому что у него слабое зрение, его потому и от армии освободили.

— А что, если курсы слесарей начнутся позже, а ты пока поступи на другие, хоть на строительные, или иди сразу работай.

— Работать я и дома мог бы, — отвечает. А сюда он приехал, только чтобы получить квалификацию, а если нет, то ждать он не хочет.

Мы не можем понять парня. Уж если он приехал в Биро-Биджан, то почему бы ему не поработать, пока не обустроится?

Оказывается, мы совсем его не поняли. У него никогда не было желания переезжать в Биробиджан. Он приехал, чтобы получить квалификацию и уехать туда, куда ему захочется.

И сколько мы ни пытались понять, как это возможно, что человек едет за десять тысяч верст аж из Судиловки, только чтобы получить квалификацию, он упорно твердил свое. Он никогда об этом и не помышлял, он даже не знал, что можно поселиться в Биро-Биджане.

У меня создается впечатление, что Тихонькая подобна ситу, через которое отсеивается переселенческий материал. Здесь остаются лишь те, кто верен своей мечте и готов за нее бороться.

Гирш Добин

НА АМУРЕ

(Перевод с идиша Валерия Фоменко)

ДОБИН Гирш Израилевич

(род. в 1905 г. в мест. Жлобин Рогачевского уезда Могилевской губ. — умер в 2001 г. в гор. Рош-ле-Цион, Израиль), прозаик.

В конце 1926 г. приехал в Харьков, был членом литературного кружка «Юнгер бойкланг» при газете «Юнге гвардие». С 1928 г. Добин стал печататься в еврейских периодических изданиях. В 1931 году выпустил в Харькове первую книгу рассказов «Арум мил» («Вокруг мельницы»). В 1932 г. переехал с семьей в Биробиджан, где работал в редакции газеты «Биробиджанер штерн» и в областном радиокомитете. С тех пор главной темой его творчества стала жизнь еврейских переселенцев. Этой теме посвящены произведения писателя в сборниках «Бам Амур» («На Амуре», 1935), «Цвишн бинштокн» («Среди ульев», 1941). С марта 1940 г. писатель работал в республиканской газете «Октябрь» в Минске. Когда город оккупировали немцы, Добин был заключен в гетто. В марте 1942-го ушел в партизанский отряд, в котором сражался до освобождения Белоруссии. Об этом его первая послевоенная книга рассказов «Ойф вайсрусишер эрд» («На белорусской земле»), вышедшая в Москве в 1947 г., куда Добин переехал вскоре после окончания войны. В 1969 г. издательство «Советский писатель» выпустило книгу Добина «Дер коех фун лебн» («Сила жизни»), куда вошли роман и рассказы, посвященные движению сопротивления в гетто и партизанскому движению в годы Великой Отечественной войны. С 1992 г. Гирш Добин проживал в Израиле.

НА АМУРЕ

1

Пароход дал резкий гудок и отошел от берега. Громкий звук гудка долетел до дальних гор и через секунду-две вернулся оттуда протяжным эхом. Здесь же, на берегу, осталась стоять кучка людей с мешками, узлами и баулами. Растерянные и даже испуганные люди эти опасно вглядывались в утренний туман, покрывший заросшую лесом возвышенность, потерявшуюся за деревьями дорогу и несколько едва различимых отсюда домиков поодаль. В утреннем тумане четко можно было разглядеть разве что набегающие на серые камни берега холодные волны. Груды этих камней сейчас можно легко принять за морду припавшего к воде какого-то гигантского фантастического чудовища. Лежит оно и, настороженное, чего-то ждет...

Первым из тех, кто только что высадился на берег, сдвинулся с места, был Йойна Либес, хмуроватый молчун, который, как кажется, зол в этот час на все и вся, с предельной ясностью осознав, что человек, не так давно расписывавший ему, Либесу, чуть ли не райские места на берегах Амура и роскошную жизнь в этих местах, попросту его надул.

— Цалька, Рохэ, Лейба! — громко окликнул Йойна детей, уже таки успевших незаметно оторваться от группы взрослых и только что исчезнувших из виду где-то вблизи домов у дороги. На требовательный окрик Либеса не отозвался никто, а вслушавшись, он отчетливо различил в тишине, как стучит зубами от холода пожилая женщина рядом. Свежестью — нет, даже холодом — дышит это раннее утро.

Через минуту-другую со стороны жилья до слуха сто-

явших донеслась звонкая переключка ребячьих голосов. «Вот же сорванцы! А то если что, поди-ка поищи их тут, — отлегло у Йойны от сердца. — Ну такое чужое все тут кругом!» Его, Либеса, еще в поезде, когда ехали сюда, не раз донимала одна и та же тревожная мысль: туда ли их везут? Если и правда, как пошутил кто-то, на самый край земли, то где он, этот край?.. Ведь не на километры, не на версты, а — подумать только! — на недели счет дороге шел...

Сейчас он окончательно успокоился только тогда, когда увидел детей, возвращающихся из «этого леса» в сопровождении нескольких взрослых, один из которых толкал перед собой ручную тележку. Впереди всех вышагивал высокий плечистый парень в армейской гимнастерке со следами споротых петлиц.

— Я председатель колхоза Иосиф Партман, — представился он вновь прибывшим. — Доброго вам утра, товарищи!

Нестройно ответив на приветствие, прибывшие товарищи тут же плотно обступили главного среди встречающих.

В это самое время верховой, пастух, по виду подросток, прогонял мимо десятка два коров, и в чистом утреннем воздухе почувствовался характерный запах коровьего стада — что-то вроде смеси запаха парного молока и свежего навоза. Ну и как тут было нашим путешественникам сразу не вспомнить о том, что им обещали там, на другом конце страны? Так что на колхозного председателя градом посыпались вопросы:

- А когда уже и нам дадут коров?
- И свинок?
- А кур тут у вас мы получим?

Партман отвечает на все эти вопросы уже заметно охрипшим голосом. Видите ли, в чем тут дело: за время своего председательства ему уже не раз и не два приходилось встречать очередную партию переселенцев и на-

чинать беседы с ними именно с ответов на точно такие же их вопросы к нему, попутно успокаивая или даже урезонивая не в меру требовательных «пришельцев». И сейчас он прямо-таки заученными и к тому же по нескольку раз повторяемыми фразами отвечает:

— Да все вам дадут. Все вы все в свое время получите. Но сначала, дорогие товарищи, вам нужно захотеть быть здесь людьми полезными. И захотеть, и доказать это. Здесь так и только так!

— А если у меня своего хозяйства не будет, то мне тут у вас и делать нечего. Чтоб у меня хотя бы стакана молока не было... Ну уж нет! — прокричала рыжая бабенка с подвязанной щекой.

Бузи, рослый и тоже рыжеволосый паренек, ловко укладывает на тележку мешки и узлы приехавших, чему-то улыбается про себя. Бузи уже четыре месяца здесь. Бузи смотрит на любительницу молока и, стараясь говорить как можно спокойнее, произносит (хотя как бы ему хотелось выговорить ей все, что он думает о таких «хозяйственных» людях, как эта перевязанная!):

— Ладно, молочко мы все любим, а вот за что тем коровкам в кормушку положить, не все хотят голову ломать да спину гнуть.

— Оно-то так. Но чтобы под открытым небом, то есть на поле и на лугу да еще и не по часам, а по солнцу работать, кушать обязательно хорошо надо, — слышится реплика из группы встреченных.

— Ша, еврей! — подал голос Йойна Либес. — Мы ж только-только с парохода. И кто на что здесь годится, еще неизвестно. Сегодня-то чем заниматься?

Между тем над каемкой дальних сопок взошло и омыло свое отражение в речной воде солнце нового дня. И хотя сельскую улицу оно еще не осветило, на ней четко видны следы босых ног, оставленные женщинами, которые только что прошли здесь на ближнее поле на прополку. От края села, где уже действует небольшая куз-

ница, разносятся звонкие удары молота, слышные, наверное, даже на другом берегу реки.

Бузи, выкликнув по списку две-три фамилии прибывших, разводит их по колхозным хатам. Тем часом остальные оживленно обсуждают... Впрочем, тон разговоров задают женщины, так что темы бесед и определить будет не так-то просто. Вот кто-то передает случившимся на улице местным привет с Украины, кто-то рассказывает о Белоруссии. Увидев из окна приезжих, к ним, в спешке забыв заправить в брюки рубаху и одной рукой придерживая штаны, подбегает высокий мужчина. Люди смеются, а он, очевидно, не понимая причины этого их смеха, громко обращается к стоящим:

— Не смейтесь, евреи! Лучше пойдете со мной, кто хочет, и я покажу вам, как здесь устраиваются настоящие переселенцы.

С этими словами он хватается за рукав Йойну, но тот демонстративно отворачивается, словно не заметив столь настойчивого «приглашения». Он вообще не любит ни хвастунов, ни зазнаек. Может статься, оттого, что у самого у него как-то не находилось в жизни причин для хвастовства или зазнайства. Убедившись в том, что этот неулыбчивый мужик его приглашение отверг, «настоящий переселенец» хватается за руку стоящую к нему ближе всех ту крикливую рыжую особу и увлекает ее за собой. К паре этой присоединяются еще несколько любопытных. «Настоящий» на ходу громко объясняет спутникам:

— Я сегодня только под утро с мельницы домой приехал. Ну и прилег на часок отдохнуть. Слышу, переселенцы приехали, — с широкой улыбкой на скуластом бритом лице рассказывает колхозник. — А сам-то я только четыре месяца как здесь. Не лентяй. Огород уже себе разработал, две свинки у меня растут, курей нынче думаю завести, — тараторит он, обводя взглядом лица приглашенных: как я, мол, вам, а? И, не делая пауз, продол-

жает:

— Самому-то мне вот уже сорок, но — так уж получилось — один живу. А до того, как я сюда, значит, поехать решил, кустарем-одиночкой опять же у себя в Звенигородке числился. Ну а перед отправкой сюда я так и сказал своим друзьям-знакомым: «Вы не смотрите, что я все один да один. Я и в коллективе прекрасно работать могу». Конечно, здесь, в Биро-Биджане все-все иначе, чем на той Украине. Я там этих коров да лошадей далеко стороной обходил, а теперь я колхозник, советский крестьянин, значит...

Хозяин подворья ведет приглашенных в огород. По пути, наклонившись, срывает с мокрой от росы грядки несколько огурцов и, полюбовавшись ими, угощает гостей. Потом он подводит «экскурсантов» к сарайчику, где похрюкивают два поросенка, предлагает желающим, на крыльце извинившись перед ними за неубранную постель, осмотреть собственное жилье изнутри.

Партман все это время улыбаясь стоит в сторонке: как раз так и принято в его колхозе встречать каждую новую группу переселенцев...

Йойна Либес не стал заходить в избу гостеприимного колхозника. И даже в его огород не пошел. Что, он сам, что ль, не знает, что ему будут тут говорить да о чем рассказывать? Он и так видит, что земли здесь богатые: нигде и места не найдешь, где бы что-то не росло. Так что ему с семьей в селе тяжело не будет. Если, например, коровенку держать да пару поросят тоже прикупить... Жинка будет дома сидеть (ну не просто сидеть, конечно же!), а сам он способен работать так, что не всякому молодому за ним угнаться. Нишкоше, у него еще хватит сил переломить судьбу и выкарабкаться из нужды, с которой ему пришлось уживаться не год и не два, но так-таки и не выбиться из нее. Хотя постоянно приходилось то вкалывать, высунув язык, то выкручиваться так, что впору в три узла завязаться. А иначе-то для чего и

зачем ему было с его-то семьей срываться с места и ехать в немыслимую эту даль?..

От невеселых размышлений Либеса отвлек хрипловатый басок председателя Партмана, вместе с несколькими переселенцами покидавшего подворье того, «настоящего», хозяина огуречных грядок и поросят. Голос Партмана, спокойный и уверенный, обладал способностью заставлять окружающих прислушиваться, вникать в самую суть председательских слов, вселять в людей спокойствие и уверенность. И неспроста именно в эту минуту Йойна Либес, неожиданно для себя, казалось, вдруг напрочь отрешившись от дорожной усталости, ясно ощутил в себе легкость и неосознаваемый душевный подъем. «Все будет хорошо!» — четко отпечаталось в мыслях.

— Трудиться... Трудиться много и честно... И будет все как надо, — подумал, нет, даже не просто подумал, а в полголоса произнес Йойна.

...Утром его разбудили дети. Он еще раз осмотрелся в комнатах, прошелся по двору, выглянул в проулок, снова вернулся в дом, и все это время его не оставляло желание сказать детям нечто важное. Но это самое нечто ему ясно и четко сформулировать, передать словами все как-то не удавалось. И только немного погодя, уже по дороге в колхозную контору в надежде застать там Партмана, у него как бы само собой это важное сложилось и выговорилось:

— Дети, до сих пор мы привыкали и таки привыкли что-то терять. Удача постоянно поворачивалась к нам левым боком, а то и спиной. И что нам остается здесь, на новом месте? Работать и за работу что-то получать. Пусть и не так много. Но разве для человека может быть что-то дороже того, что он заслужил и приобрел ценой собственного труда? Вот об этом вам и помнить надо!..

2

Как только Йойна с детьми вышел от Партмана, в комнатку председателя вошел коротко стриженный парень — куртка, переброшенная через плечо, полосатая майка-тельняшка, руки в карманах. Ни слова не говоря, посетитель закинул на край председательского стола ногу в рваном ботинке...

— Гляди, начальник, в чем хожу. Не будет обувки — на работу меня не жди.

Партман, понятно, единственный свидетель необычной сценки, при этом даже бровью не повел. Окинув взглядом мускулистые руки посетителя, украшенные татуировкой, он решительным жестом приказал тому снять ногу со стола. Ну а поскольку разговор о работе, то председателю тут есть о чем сказать.

— О, а нам тут как раз такие, как ты, крепкие хлопцы, на сенокосе нужны.

— Что?! — привскочил с табурета парень. — И шо я на том вашем сенокосе забыл? Да ты знаешь, кто перед тобой?..

Партман здесь, так скажем, уже ко всему привык. Однажды, когда он был еще в Биробиджане, ему пришлось иметь дело с пареньком из только что прибывших переселенцев с Украины, который требовал, чтобы его направили здесь на работу в... трамвайный парк.

— Товарищ дорогой, — пытались втолковать человеку в переселенотделе. — Ну не можем мы тебя никак в этот самый парк распределить. Да ты только кругом-то оглядись...

Однако тот упрямо стоял на своем и, то краснея, то бледнея, переходил на крик:

— Знать ничего не хочу! В Елисаветграде*, в ОЗЕТе,

* Так этот город назывался до 1924 года, а потом был переименован в Зиновьевск в честь советского политического деятеля Г.Е.Зиновьева, уроженца Елисаветграда. Зиновьев позже оказался «врагом народа» и был расстрелян. По этой причине в декабре 1934 года «ошибку» с названием города пришлось исправлять, и до начала 1939 года он стал именоваться топонимом «Кирово», а после этого — уже Кировоградом.

мне твердо обещали: «Хочешь вагоновожатым быть? Вот и поезжай в Биробиджан». Так что давайте не морочьте мне тут голову и отписывайте меня в трамвайчики.

Вот и думай теперь, что делать с людьми, которые верят всяческим обещаниям...

Партман внимательно смотрит на парня в полосатой майке и думает: «Вот бы кто, будь он мне только здоровым, стал бы добрым подспорьем там, на сенокосе. Вот только как этого молодца заставить захотеть там поработать? Ну да ладно. Этот в тельняшке тоже ведь еще не знает, что за человек сейчас перед ним сидит. Он, Иосиф Партман, и не к таким малым подходы умеет найти».

На лугу, где идет заготовка сена, работает полтора десятка человек, если не считать мальчишку, среднего сына Йойны Либеса. В бригаде сенокосчиков трудится Завл Лифшиц, высокий смуглый еврей, молчаливый и всегда сосредоточенно серьезный. Может, потому и делает за день столько, сколько и пятерым не поспеть. И когда, случается, кто-нибудь из косарей — скорее, из зависти — пытается пошутить по поводу его замкнутости и обособленности, Лифшиц окинет шутника своими косыми глазами, плюнет себе под ноги и громко выругается. Впрочем, человек он по натуре отходчивый и зло ни на кого не держит. Здесь же мы видим знакомого нам «настоящего» переселенца и рыжего Бузи, на удивление шустрого парнишку, недавно вступившего в комсомол. В должности бригадира на артельном сенокосе состоит Рувим Пейсахович, тихий человек, который в недавнее время в местечке своем сапожничал и здесь, на сеноуборке, манерой и поведением своим никак не производит впечатления руководителя.

Когда на сенокосном стане появился уже знакомый нам парень в матросской тельняшке (предколхоза таки сумел заставить этого одессита захотеть поработать «на сене»), бригада обедала. Поздоровавшись, новенький молча подошел к Цалику Либесу, бесцеремонно взял у

него из руки ложку и, помешав ею в миске, зачерпнул из нее варево и попробовал его на вкус. Недовольно поморщившись, новичок с начальственным видом направился к поварихе:

— И почему у вас такой жидкий суп, скажите мне?

Повариха Хая, довольно пожилая полная женщина с бельмом на правом глазу, сразу ничего в ответ не произнесла: она и сама переживает то, что продуктов на кухне почти не остается и еще неизвестно, когда их привезут. Объявись на стане Партман, она бы уж точно нашла, что ему сказать... А тут еще этот соль на рану сыплет! Хая в прежнее время не один год у одного известного в их округе богатея кулинаркой служила и любое блюдо вам приготовит — пальчики оближешь, а тут — на тебе! — сейчас и на ту затируху у нее муки в обрез.

— «Почему у вас такой жидкий суп, скажите мне?» — забавно передразнила самодеятельного «инспектора» повариха. — А с какого такого квасу я перед тобой, голубь ты мой, отчитываться должна? — подбоченившись, произнесла она встречный вопрос, придав ему настолько угрожающую интонацию, что «голубь» невольно попятился и, плюнув под ноги, отошел к обеденному столу, решив, наконец, «доложиться» бригадиру.

Бригадир Пейсахович — сутуловатый, с исхудавшим, давно небритым лицом и с длинными, не по росту руками мужичок. И если бы не эти сильные с мозолистыми ладонями руки и трудолюбие их обладателя, по виду этого человека за него и печеной луковицы никто бы не дал. Кажется, гаркни на такого погромче — помрет. Вот и сейчас, заслышав властный голос незнакомца, Пейсахович решил, что на стан сенозаготовителей опять заявился с проверкой уполномоченный из района, и потихоньку, незаметно для всех куда-то исчез. Рувим этот, надо сказать, вообще человек со странностями. Сейчас он ни днем ни ночью с полевого стана ни ногой, живет здесь как у себя дома (потому-то, видно, бывшего са-

пожника Партман и старшим на сенокосе назначил), хотя в селе у Пейсаховича — жена с ребенком...

Вместо бригадира одессита «принял» Бузи:

— Слушай, товарищ, — твердо, стараясь говорить спокойно, обратился к парню в тельняшке Бузи. — Хватит уже! Хватит тут строить из себя неизвестно кого.

Парень принял это замечание как дерзкий вызов: кто это, мол, посмел говорить с ним в таком тоне? И, с пренебрежением оглядев далеко не внушительную фигуру Бузи, выразительно повел плечами: не хочет ли, дескать, этот заморыш помериться с ним силами? Да он таких одной левой «делает»!..

Бузи, оценив ситуацию и глядя бесцеремонному типу прямо в глаза, снисходительно улыбнулся. Так, как будто видит сейчас перед собой расшалившегося ребенка. Бузи знает, что прием такой всегда действует безотказно и способен охладить любого скандалиста.

...День близится к концу, но работа на лугу кипит. Завл на длинной веревке подвозит к заметно растущему стогу копны (лошадь Лифшиц водит на поводу). Остальные — кто с вилами, кто с граблями — трудятся возле самого стога. Наиболее крепкие мужчины, вооруженные длинными деревянными вилами-трехрожками, одну за одной поддевают ими добрые охапки сена и забрасывают его на верх зарода (этим словом сибиряки называют стог) — «мечут», как здесь говорят. Наверху с граблями в руках сено принимают и старательно утаптывают его Бузи и одессит. А высоко-высоко над их головами, в зените чуть придымленного легкими перистыми облаками неба, парит коршун. Птица как будто вовсе не двигает крыльями и, кажется, остановившись на одном месте, с любопытством наблюдает за тем, что делают люди там внизу, на земле. Здесь они мечут сено, а поодаль, за поросшей дубняком релкой, медленно ползает по краю черной полосы — распахивает целину — трактор. Справа, тоже по краю, но уже густо-зеленой луговины движется па-

роконная сенокосилка, на железном сиденье которой с вожжами в одной руке и с кнутом в другой вниз-вверх покачивается Йойна Либес. Треск сенокосилки сливается с гулом тракторного мотора и, то приближаясь, то отдаляясь, разносится по предвечерней равнине.

Хотя багровеющее солнце уже готово коснуться волнистой ленты дальних сопок, душная полдневная жара так и не хочет спадать. В то же время все окружающее постепенно меняет краски, и от этого очертания предметов становятся как будто иными. Медленно удлиняясь и обещая прохладу, поползли по земле тени. И люди, кажется, только в этот час с предельной ясностью ощущают тяжесть уходящего дня. Ведь заготовка сена — это непрерывное физическое напряжение, соленый пот, заливающий глаза, постоянная жажда и не знающая пощады жара... Но разве не это палящее солнце — главный-то помощник сенозаготовителей? Так что наступлению каждого знойного дня им сейчас только радоваться. Радоваться так же, как и окончанию этого дня. Ведь отдых от тяжелого труда для человека иных наград дороже. Жаль, не всякому это понимать дано. Вот полюбуйтесь: одессит, только спустившийся с верхушки стога и с силой отшвырнув от себя грабли, с налитым гневной краснотой лицом набрасывается на бригадира:

— Слушай, ты! Если ты думаешь, что я тут буду батрачить на этом вашем сенокосе, то видал я его вместе с тобой знаешь где?! Проехать десять тыщ километров, чтобы здесь вот это иметь? — сделал одессит выразительный жест. — Да пошли вы все...

У Рувима от одессита уже голова кругом идет. Хотя его, бригадира, в скандальных перепалках с этим татуированным всегда поддерживает Бузи, да и все остальные как будто тоже на стороне Пейсаховича. Но поди-ка угомони буяна... Но на сей раз, видать, уже допекло мужика, и он подался в поселок к Партману.

— Что он от меня хочет? Чего он ко мне все время

цепляется? — чуть не со слезами выкрикивал Рувим, встретив предколхоза на крыльце конторы. — Снимите уже меня с этого бригадирства, товарищ Партман, я вас прошу. Ведь сколько он может мне морочить голову? Сил моих уже с ним никаких нет, — как заведенный причитал Пейсахович.

Партман со спокойной улыбкой останавливает его:

— Кто, что — я не пойму. О ком речь?

— Да про одессита я...

— А, про этого... — сбавил тон председатель. — Могу понять, — невольно потянувшись рукой к затылку, проговорил он и, помолчав, спросил: — Ну так и что ты от меня-то хочешь?

— Снимайте меня — вот что.

— Да ты погоди-погоди с этим. Снимайте его, понимаешь, — нахмурился Партман. — Меня тоже, выходит, надо снимать? Или ты думаешь, мне тут с вами такими легко?..

Но, так или иначе, происходящее заставляет председателя задуматься. Он думает, и лицо его заметно мрачнеет. Ясно, что конфликт в бригаде кормозаготовителей ничего хорошего не сулит, и ему, председателю, надо что-то решать. Ох уж этот одессит! Молодой, сложением — богатырь. Будь у него желание работать — горы свернет. А если не захочет, так ведь, глядя на него, и остальные в бригаде особо напрягаться не будут. Вон Цалик этот, паренек из новеньких, одесситу тому прямо в рот смотрит. Пейсахович, конечно, тот еще руководитель, и он, Партман, хоть сегодня готов его сменить. Только кого на его место поставишь? Лифшица? Слов нет: Залман, все знают, работяга, каких еще поискать надо, но уж больно прост. Да и молчун такой, что слова из него не вытянешь. Ну и, как уже замечено, под себя не прочь подгрести. Пожалуй, потому-то и «пашет» другим на зависть. Поразмыслив, Партман приходит к выводу, что подходящих кандидатов на место их бригадира среди

сенокосчиков нет, и неожиданно для себя решает, что возглавит коллектив кормозаготовителей лично сам. В конце концов, сенокос — дело временное.

3

Ранним утром высокие травы гнутся под тяжестью росы, и только что взошедшее солнце стелет по равнине длинные тени деревьев и кустов. И если бы не просыпающиеся в этот час птицы, то может показаться, что весь мир объят сторожкой тишиной. Словно все вокруг свидетельствует: рядом — граница...

Точно в такое же утро начался на колхозном лугу первый рабочий день Йойны Либеса. Бригадир-полевод, местный старожил, русский, человек, по всему, добродушный, с открытым лицом, подвел Либеса к сенокосилке, не торопясь («Гляди, паря, да запоминай хорошенько, что за чем»), впряг в нее двух лошадей, проехался с опущенным брусом косарки по краю поляны и, передав Йойне вожжи, ускакал на своем кауром по делам, которых у него в горячую летнюю пору и перечесать будет непросто.

Оставшись возле машины, Йойна еще раз — и тоже не спеша — внимательно все осмотрел и сделал вывод, что предложенная ему полеводом работа будет ему вполне по силам. И когда Либес, взгромоздившись на дырчатое металлическое сиденье косилки, с опущенным и застрекотавшим брусом, въехал в траву, тут же покорно выставшуюся по земле, он ощутил в себе удовлетворение, можно сказать даже гордость человека, которому доверили вот этих двух сильных лошадей и машину, способную заменить собой целую бригаду косарей. Однако ж никому, даже брату родному, Йойна никогда не расскажет и не признается, какую робость — нет, даже настоящий страх — ощутил он в глубине души перед предстоявшим для него в тот день испытанием — испытанием делом, совершенно ему незнакомым. В общем, несколь-

ко седых волос в его густой шевелюре в то утро таки прибавилось...

Косилка плавно движется по луговине. Травы здесь высотой едва ли не в человеческий рост плотной стеной стоят. Временами начинает казаться, что весь мир — это только трава да синее небо над ней. Правда, Йойне Либесу сейчас не до пейзажных красот. Он то и дело поторапливает лошадей: ему почему-то все кажется, что слишком медленно движется его машина. Может это оттого, что непомерно велик, просто необъятен в сравнении с упряжкой Либеса зеленый — от горизонта до горизонта — океан трав...

Идут часы. Солнце перевалило уже за полдень, но все так же монотонно стрекочет косилка, с каждым кругом делая все шире светлую полосу кошенины. Уже и притомившиеся лошади сами по себе стали останавливаться чуть ли не через каждую сотню метров. Рубаха на Йойне — хоть выжимай, уставшее тело все ощутимее наливается вязкой тяжестью. И тут — хотя, понятно, что не очень-то и охотно — Либесу приходится признать: ну нет у него привычки к такому прямо-таки изматывающему однообразию в работе да еще и под немилосердно-жгучим июньским солнцем. И, оглядевшись вокруг (не подслушивает ли его здесь кто-нибудь), Йойна со вздохом сообщает об этом... лошадям. Вот так сложился у него первый день работы на колхозном сенокосе. Однако до сих пор помнится ему и другое — радость, которую он испытал в конце того трудного дня, когда он окинул глазами солидную площадь чисто «выстриженного» им луга.

...Сейчас уже весь этот луг до самой низины выкошен, сено, убранное с него, сложено в стога. А дальше, в низине — за непроходимыми зарослями тальника, камышей и осоки — виднеется озерцо, облюбованное выводком диких уток, а если подойти к воде ближе, то из травы обязательно выпорхнет расцвеченный всеми цве-

тами радуги фазан.

Йойна уже знает, что поить разгоряченную работой лошадь ни в коем случае нельзя — надо подождать, пока она остынет. И сейчас, в середине дня, освободив своих работяг от упряжки, он отдыхает на отлогом спуске к озерцу и сам. Отдыхает вместе с молодым пегим жеребчиком в тени дерева, держа лошадь в поводу. Над лугом звенит тягучий хор кузнечиков, в ближних кустах на разные голоса перекликаются птицы, басовито гудят пауты. Лошадь, отпугивая назойливых насекомых, встряхивает головой, переступает всеми четырьмя ногами, машет хвостом и, отфыркнувшись, тянется мордой к человеку. Йойна, нащупав в кармане сухарь, протягивает его на раскрытой ладони пегому. Тот с удовольствием прихватывает подачку влажными губами и, хрустнув сухарем, издает негромкое ржание. Очевидно, в знак благодарности. Йойна гладит жеребца по шее, похлопывает его по влажной от пота спине. Либесу подчас кажется, — да нет, он это прямо-таки чувствует, — что лошадки его — не просто тягловая сила, а вполне себе разумные существа и как будто даже понимают, что вот здесь, на лугу, они делают с ним одно и, несомненно, важное дело. Ну да ведь не только для него, они еще и для самих себя стараются...

Размышления Йойны прервал полуденный «набат»: издалека, со стороны стана кормозаготовителей доносятся звонкие удары по обрезку подвешенного рельса — сигнал на обед. До табора отсюда неблизко, и Либес, сняв с пегого хомут со шлеей, решает ехать к стану верхом. Решать и решить — одно, а вот осуществить такое намерение ему до сих удавалось непросто. Для него всего лишь сесть на неоседланную лошадь и то сложно. А лошади эти — надо ж так! — ведь определенно чувствуют настрой человека: чуть только ты в обращении с ними почувствовал неуверенность, они начинают тебе голову морочить — норов свой показывать. Вроде как играют с

тобой: ты к лошади — а она уже задом к тебе повернулась, тебе ее взнуздать надо — она от уздечки уворачивается... Но вот Йойна сидит на своем пегом верхом. Конь идет крупным шагом (рысью верхом без седла не ездят), все как надо, хотя и... Ну да стоит ли об этом говорить?.. Но вот неожиданность: когда Либес таки вполне благополучно прибыл на стан, его Пегаш чего-то вдруг испугался и с храпом резко шарахнулся в сторону. Да так, что чуть было не сбросил всадника прямо в костер посреди двора. К счастью, все обошлось без печальных последствий: незадачливый всадник успел соскочить на землю, устоять на ногах, сумев даже повод в руке удержать. И хоть заметно побледнел, но на лице — улыбка: пустяк, мол, бывает, ничего страшного. Привязав коня, Либес садится за обеденный стол рядом с Цалькой и слышит от него:

— Верхом на лошадях ездить — для мужика дело хорошее. Но ты же сам видишь, чем все обернуться-то может. Так что смотри поосторожней уж будь.

Йойна окидывает сына удивленным взглядом: ты погляди на него, какой серьезный. Растет, взрослеет хлопеч.

4

Дожди как будто прекратились, и вчера вечером с наступлением темноты на небо выпало столько звезд, сколько их, наверное, только здесь, в Биро-Биджане, и увидишь.

Но вот ведь как оно в этих краях: утром проснулись люди — и надо же! — дождь шумит. Добро бы гроза откуда-то из-за сопки сорвалась, а то ведь ни молний тебе, ни грома. Мокрые лошади у стенки навеса сгрудились, люди под навесом на нарах лежат. Все ждут, когда уже лить перестанет. Повариха Хая на чем свет погоду честит: это прямо каким-то волшебником тут надо быть, чтобы костер под казаном развести — ведь сухой щепоч-

ки не найдешь...

А летнее солнце с людьми словно поиграть надумало: час-другой — и, смотришь, заблестели под его яркими лучами луга и перелески. Сразу становится жарко и душно. Кажется, даже от дальних сопок исходит парное тепло... Ну а ближе к полудню можно снова приступить к работе. И таки приступали. Однако, как оказывалось — ненадолго: к вечеру, глядь, уже снова закапало-заморосило. Вот так, между двумя дождями — только что прошедшим и приближающимся — колхозники, торопясь, и готовили сено. Считай, целую декаду так. Но ж разве могли они в таких условиях успеть сгрести и не застогреть, а хотя бы в копны сложить то, что было уже скошено? Бригадир-полевод в эти дни с утра до вечера носился по делам на своей Каурке туда-сюда, нещадно погоняя лошадь так, будто она виновата в капризах погоды. Но что тут поделаешь? Так и пошла насмарку работа Йойны Либеса за последние пожалуй что два, если не три дня. Эх, если б ему наперед про то знать! Он-то как считал? Чем больше травы скосишь, тем оно и лучше. Что в этом плохого? Но, видно, справедливо гласит пословица: «Хорошо — это когда всем хорошо. Да только так никогда не бывает». Выходит, зря наш машинист-косильщик и лошадей, и себя все время подгонял-торопил. А он, между прочим, с Партманом соревновался (председатель дня четыре лично сам сенокосной бригадой руководил). И обернулась ударная работа косильщиков только делу во вред: погниет на прокосах трава... Задумался Йойна, сообразил: заготовка сена в колхозе — это, получается, совсем не то, что работа где-нибудь в старом местечке, где всяк за себя и для себя старался. Тут другое, тут бригада, где человек и о других думать должен. Правда, ему, Либесу, всегда было интересно, как идут дела у тех, кому он возможность работы обеспечивает. Бывает, остановится, понаблюдает издали за тем, как люди сгребают готовое сено, в копны его складыва-

ют, и улыбнется довольно: все идет хорошо, все как надо...

Только «все как надо», по ходкому присловью местных казаков, «долго не живет». Все началось с того, что Завл Лифшиц, тот самый работяга и молчун, над которым народ в бригаде подшучивать любит, однажды за обедом так разозлился да расхотелся, что хотел было свою миску поварихе Хае на голову надеть. Та, видите ли, его — как он решил, ну конечно же, умышленно — похлебкой обделила. Хая в ответ на поведение «этого косоглазого» такими словечками его обложила, что... В общем, сами понимаете. Скандалистов попытался было урезонить Бузи, но в нежданно вспыхнувшую ссору тут же вмешался одессит, который, перейдя на русский, начал орать как резаный:

— Вот он, Биро-Биджан этот ваш! Здесь людей голодом морят! Нет, мы не дадим над людьми издеваться, не позволим! Так и знайте...

В ответ с дальнего края стола прозвучал басовитый окрик:

— Мэшугэнэр! С чего ты-то тут разошелся? Тебя-то кто трогает? Все ж едят, а он тут шум поднимает.

— А мы будем шуметь! — вскочив из-за стола, визгливо затараторила рыжая бабенка с подвязанной щекой. — Хотим кушать как люди! Чтоб я за такую еду пуп надрывала... Ведь помои помоями, — выплеснула она при этих словах из чашки прямо на стол остатки супа, в гневе сорвала с лица платок, всегда скрывавший почти половину ее лица, и все увидели донельзя густо покрытую безобразными прыщами левую щеку этой особы.

Йойна, человек по натуре скромный, наблюдал за происходящим молча. Он одного только опасался: не дай-то Б-г, в громкую словесную перепалку ввяжется его Цалька. И когда он увидел, что сын сидит за столом как и сидел, успокоился. И правда: чего это им, Либесам, встречать в чьи-то споры да раздоры? Сам он, Йойна, здесь, чтобы работать, то есть траву косить. Вот ко-

силь он и будет, а все остальное — не его дело. И встав из-за стола, Либес направляется к изгороди, где его терпеливо ждет привязанный за повод уздечки пегий жеребчик.

...Непогода, кажется, отступила, над равниной снова засияло яркое июльское солнце — знай себе готовь сено! Занятый делом с раннего утра до закатного часа Йойна как-то уже и забыл о том «обеденном» конфликте на луговом стане. Да и возле стога, где вместе со всеми работает его Цалик, дело как будто спорится. Все заняты, все дружно трудятся.

Было далеко за полдень, когда Либес за стрекотом своей косилки различил непривычный звук. Это «американка» колхозного председателя Партмана, который и его, Либеса, решил попроведать, а перед этим Йойна заметил председательский «фордик» возле растущего стога, где Партман, энергично жестикулируя, о чем-то говорил обступившим его сенокосчикам. Говорил, судя по всему, довольно громко. Ну а о чем там шла речь, отсюда разве расслышишь?

К Либесу же Йосиф Партман подъехал, чтобы узнать и о его намерениях относительно работы. Там, у стога, люди ему объявили: не будет, мол, нормальной кормежки — вот эти последние копны в стог уложим и все, баста, никакой тебе работы... Либес, услышав сейчас об этом от Партмана, только плечами пожал: я-то, дескать, тут причем? Я про все то, как говорят, ни сном, ни духом... Сам же видишь, товарищ председатель, работаю. А иначе для чего и зачем я здесь? И словно решив окончательно убедить Партмана в собственной правоте, тронул косилку с места, поторопив лошадей щелчком кнута. Об одном только с тревогой думал в эти минуты Йойна: в той бригаде же его Цалька. Как он-то там себя ведет?..

Не успел Либес сделать со своей косилкой очередной круг, как перед ним, будто из травы вынырнув, выросла фигура всадника — полевого бригадира. Злой нынче

бригадир, ругается бригадир, обеими руками Либесу машет — знак стоять подает. Либес вожжи на себя тянет: в чем дело? что случилось?

— Все, слышь, паря! Сёдни уж лошадок не томи. Распрягай их. Тут пушай и попасутся.

— А что случилось?

— Дак чё случилось? Пошабашили ваши. Мясо им, кричат, подавай.

Йойна бросает взгляд в сторону незавершенного стога, где только что работали люди. Там за исключением двух-трех человек — никого, а из кучек сена и просто из земли вкривь и вкось торчат черни брошенных грабель и вил. Будто и не было на этом самом месте всего того, с чего так по-боевому начинался здесь блистающий ярким солнцем июльский день...

Выпрягая лошадей, Йойна не переставал думать о Цальке. Там, возле стога, — он это сам сейчас увидел, — его точно нет...

5

Изрядно уставший и злой Йойна домой не просто спешил, а чуть ли не бежал. Но уже перед домом, прежде чем открыть калитку, остановился: «Нет-нет! — подумал. — Крик тут делу не помощник. Надо бы как-то спокойно...».

В комнате с плотно занавешенными окнами, разметавшись на постели, мирно посапывая, спал Цалька. Мельком заглянув в полутемную комнату, Йойна с притворным удивлением окликнул жену:

— Кто это спит? Рохэ? — и с поддельным же испугом продолжил: — Господи, что это с ней? Или заболела, бедняжка?

— Какая тебе Рохэ и кто там у тебя заболел?! — отозвалась жена. — Рахилечка, пусть она мне будет здорова, еще с вечера уехала на эту... Как ее? На заимку. Там и заночевала. А вчера рубаху привозила домой постирать.

Тракториста одного рубаху. Хороший парень, говорит. С головой человек, Рохл рассказывала. Он на квартиру к нам просится. Может, уже пустим?

Йойна отмахнулся: ему сейчас не до того, чтобы майсы про трактористов слушать, за дочку у них тоже все было не раз говорено-переговорено, а вот Цалька... Не ожидал, ну никак не ожидал он от парня такого. Тем более, что... В общем, в семье Либесов как-то так сложилось, что глава семейства всегда проявлял больше заботы о младшем сыне Цалике. Нет, другим детям Йойны — и старшему Лейбе, погодку Цальки, и дочке Рохл — на невнимание отца было бы грех жаловаться, но вот поди ж ты: Цалик у отца смалочку в любимчиках ходил. И хотя семье Либесов до самого отъезда сюда, на Амур, выбиться из нужды все так и не удавалось, Цалик рос здоровеньким, рос на удивление быстро и сейчас ему — статному, крепко сбитому, краснощекому пареньку — никак не дашь его четырнадцати. Хотя у Йойны навряд ли изгладится в памяти то трудное время, в которое им с супругой пришлось детей растить. Рохл так часто болела и в свои десять выглядела таким недокормышем не старше семи-восьми лет. Лейба, рано отданный в ученики к местечковому ковалю, с раннего утра и до сумерек пропадал в кузне и, кажется, сполна перенял манеры своего нелюдимого и вечно хмурого мастера-наставника. Так что отцу его подручного как-то не доводилось слышать добрых слов от старшего, не по возрасту серьезного сына.

Ну да ладно. Все это уже в прошлом. Но вот до такого-то как оно могло дойти? Над этим вопросом сейчас ломал голову Йойна Либес, вконец расстроенный необъяснимым и, по его мнению прямо-таки позорным поступком любимого сына, его Цалика-Цальки. Вот он. Спит себе... И что тут делать? И как тут ему, старому еврею, всю свою жизнь трудившемуся до соленого пота, даже понять такое можно? Йойна ищет и не находит слов,

чтобы выразить совсем непростые чувства, переполняющие его в эти минуты. Но нет-нет, надо взять себя в руки...

— Благодать-то какая! — вдруг произносит Йойна громко, молитвенно воздев перед собою открытые ладони. — Все, что нам надо было, таки уже сделано. И сено наше в стогах, и хлеб в амбарах себе лежит.

Очнувшись ото сна, Цалька открывает глаза и недоуменно смотрит на отца. Тот уже совсем в другом тоне, но также нараспев продолжает:

— А я-то все думаю, что же у нас за праздник нынче такой.

— Вот кто хочет, тот пусть и работает, — окончательно придя в себя, недовольно бурчит Цалька.

— А кто у нас работать уже не хочет, хотел бы я знать? Лейба хочет, Рохл хочет, отец твой тоже... А вот ваша милость когда же за работу взяться пожелает? Вы уж будьте любезны сообщить нам об этом. Может, тогда и мы к вам присоединимся, а?

Сделав шаг от кровати, Йойна срывает с окна закрывавшую его мешковину, и в красноватом сиянии предзакатного солнца взору открывается поле пшеницы, которая обещает нынче колхозу добрый урожай.

— Мне что? Мне надо тебе что-то рассказывать? Или ты сам не знаешь, какой из голодного работник?.. Уеду я отсюда... Кроме твоего этого Биро-Биджана на земле и получше места есть...

До этого Йойна, хотя и не без усилий, еще держал себя в руках, но стоило ему услышать от сына это «уеду», как он буквально вскипел. С задрожавшей бородой, жестикулируя крепко сжатыми кулаками, Либес громко и горячо, словно выступая с трибуны, заговорил:

— На кого ты работаешь, Цаля? На кого работаешь ты, спрашиваю я здесь тебя? Мы все тут работаем на себя и только на себя, отвечаю тебе. Все и каждый из нас. И трудимся мы для того, чтобы хорошо питаться и

хорошо жить. Мало делает для нас Партман? Может, и так. Но ведь он, ты только посмотри, бьется, как та рыба на песке. А ты? А ты — и в такой день! — лежишь...

Цалик отрешенно смотрит в потолок и молчит.

— Вставай, Цалик, и отправляйся на стан! — уже не просит, а требует Йойна. — И не смотри на этих... На этих плохих товарищей, хочу я сказать. Давай подымайся, сын!

Но Цалик и не думает вставать.

— Вставай, прошу тебя еще раз! — повторяет Йойна и в голосе его отчетливо звучит угрожающая нотка.

— Не встану и никуда не пойду!

— Ну если ты уже так... — теряет наконец остатки терпения Йойна. — А вот так ты не хочешь? — с глухим рычанием сорвав с себя ремень, заносит он его над постелью. Ловко перехватив ремень, Цалик вырывает его из руки отца, отбрасывает в угол и тут же, не успев уклониться, получает пару увесистых оплеух. Парень, однако ж, просто так сдаваться не желает. Завязывается настоящая потасовка, прекратившаяся только с появлением на сцене услышавшей крики и грохот падающих табуреток хозяйки дома.

6

Охриплостью голоса Иосиф Партман страдает с того дня, когда в одной из схваток с белокитайцами под городом Фугдином был ранен в шею. К счастью, ранен легко. Но теперь, когда ему приходится много разговаривать (а это время с весны до осени, когда на селе, как говорят, горячая пора), голос у Партмана садится наовсе. А после того, что недавно случилось на колхозном сенокосе (ну прямо как нарочно), председателю впору шепотом да знаками с людьми объясняться. Правда, когда он объезжает колхозные поля, говорить ему нужды нет. Хотя сказать Иосифу тут есть что. Вон ведь какие вызрели хлеба — сердце радуется! Только вот сердце-то раду-

ется, а с лица председателя не сходит печать озабоченности. Оттого он и едет сейчас краем пшеничного поля по дороге, которая ведет от села напрямик к пограничной заставе. Едет в надежде одолжить у военных рыбы. Те ему, Партману, конечно, не откажут и выручат. «Выручить-то они выручат, — думает он. — Но надолго ль той рыбы хватит? Хорошо, если на неделю, а потом что?»

...Возвращаясь от пограничников, Партман поторапливает лошадь. По песчаному проселку таратайка катится легко, бесшумно и, откинувшись на плетеную из ивовых прутьев спинку повозки, можно даже немножко подремать. Правда, саврасый при этом тут же сбавляет ход, что заставляет седока очнуться и тут же вспомнить о делах неотложных. «Через пару дней, как договорено, надо будет кого-нибудь на заставу за рыбой обязательно отправить, — думает председатель. — Сейчас вон через тот заливчик проехать еще можно, а там денек, и... Амур-то прибывать начал. Оно хоть и мало-помалу, а, смотри, вон те вербы уже в воде купаются». И хорошо, опять же думает Партман, что на заставе он не стал никому про «забастовку» в колхозе рассказывать. «Хотя... Да нет... Как-нибудь уж сами со всем этим разберемся. Так или иначе, выход в любом случае найдем», — решительно заключает он...

Подъехав к дому, Партман передал лошадь с тележкой-двуколкой поджидавшему его конюху Шлойме (рослому мужчине, который тогда, на стане, одернул не в меру расходившегося одессита) и попросил его по-быстрому созвать к нему колхозников из тех, на кого он, председатель, всегда может положиться: Пейсаховича, Завла Лифшица, бригадира-полевода, Бузи, двух трактористов (один из которых смуглый, коротко стриженный паренек, похожий на цыгана, накануне отдавал дочке Йойны рубаху выстирать). В числе прочих Партман попросил конюха пригласить на разговор одессита и быть на совете самому посыльному. Когда чуть ли не через

час, как все уже были в сборе, к дому председателя неспешной походкой «подтянулся» и одессит. Все пришедшие разместились в передней на длинной скамье вдоль стены, только наш «черноморец» занял единственный в комнате стул и, небрежно закинув ногу за ногу, обвел присутствующих пренебрежительно-вопросительным взглядом: об чем-де тут ваше толковище будет, граждане?

— И сколько же нам надо было тебя ждать, уважаемый? — первым заговорил Партман. — Или еще целый час?

— Спал я... Чего тут? А как выспался, так сразу и пришел. И о чем, мне очень это интересно, еще желает узнать гражданин начальник? — с усмешкой глядя в упор на Партмана, отвечал на его вопрос одессит.

— А вот скажи-ка нам, парень, начистоту — ты видишь, тут все свои, — чем ты недоволен, какие у тебя к нам требования и чего ты хочешь?

— Я-то?... А покурить сейчас хочу. Дашь папироску? Хотя нет. У меня вроде и свои есть. Могу угостить, — разминая в пальцах папиросу, с издевкой заявляет председателю одессит.

Партман, не ожидавший такого продолжения разговора, вскакивает с места со сжатыми кулаками, кажется, готовый наброситься на наглеца, с хрипом выдавливает из себя что-то неразборчивое.

— Ты небось думаешь, мы тут шутки шутить с тобой будем? — пытается укоротить одессита Бузи. — Угомонись ты уже! Или ты надеешься, что здесь с тобой и дальше будут... «церемонничать»? — и, возвысив голос до крика, с угрозой чеканит: — Тебя последний раз спрашивают: «Чего ты от нас хочешь?»

Одессит, кажется, осознав, что положение складывается не в его пользу, вскакивает со стула, с кривой ухмылкой отвешивает собравшимся шутовской поклон и делает широкий шаг к выходу. Но именно в эти секунды

в дверях неожиданно вырастает Йойна Либес и, сам того не желая, преграждает одесситу дорогу. По расстроенному — нет, скорее, сердитому — выражению лица Йойны можно легко понять, что он еще не отошел от скандальной стычки с сыном, и когда его — пусть и непреднамеренно — буквально отбросил с порога «встречный» одессит, Либес, в свою очередь, шагнул к нему со словами: «Ты что, сопляк, поиграться со мной решил?!» — и, утвердившись на выходе, не дал одесситу беспрепятственно выскользнуть на крыльцо. Тот на какое-то мгновение даже растерялся от этого, но только на мгновение. И вот уже в падении больно ударившись головой о косяк, сбитый с ног Йойна лежит в дверях на спине. Все с криками вскакивают со своих мест, скамейка с грохотом опрокидывается, начинается суматоха. Люди, толкаясь в проходе, покидают «зал» так и не состоявшегося собрания. А одессит, сообразив, что дело принимает совсем уж нежелательный для него оборот, обещая всех тут порешить, с треском выламывает из изгороди жердину...

7

Весть о том, что одессита препроводили на заставу, быстро облетела колхоз. И как это всегда бывает в таких случаях, от людей приходится слышать разное: одни утверждают, что этот парень из Одессы такой, что хуже некуда, и заслуживает за свои выходки самого сурового наказания, другие высказывать свое мнение о скандальном случае с одесситом воздерживаются: дескать, не нам тут судить — нехай с ним господь бог разбирается. А под вечер у председательского дома опять собрались люди, на этот раз — уже все колхозники. На никем не объявленное собрание не явился только Либес. Кто-то сказал, что Йойна с разбитой головой теперь и с постели подняться не может, хотя на самом-то деле он в это время разыскивал одну из своих лошадей, оставленных им накануне неподалеку от сенокосного стана.

...Первым слово перед собравшимися берет Лифшиц. Говорит он хотя и громко, но, как всегда, сильно шепелявит и слова вылетают у него изо рта вместе с брызгами слюны:

— Товарищи, товарищи, ну что тут говорить и о чем я вам сейчас хочу сказать? Если человек работает и хорошо работает, ему таки надо кушать, и кушать тоже хорошо. Так что нам надо будет думать насчет заколоть или бычка, или чушку... Ну вот что мне делать, если я есть хочу? Я человек, который любит работу, а без еды я, вы сами понимаете, работник буду совсем никакой.

— Кто еще хочет что-то сказать? У кого еще будут какие предложения? — с натужным хрипом выдавливает из себя Партман. — Вы учтите и то, что в это время года народ в селах всегда неважно питается. Хоть где. И в нашем колхозе оно тоже так. У меня и у самого на столе... (Тут Партман закашлялся.)

— ...огурцы с хлебом, — кто-то закончил за него фразу.

— Ну да, а на следующий день — хлеб с огурцами, — продолжил председатель и, помолчав, добавил уже серьезно: — А что, разве не все переселенцы, можно сказать, так целый первый год жизни в Биро-Биджане питались?

Люди стоят молча, и каждый по-своему осмысливает прозвучавшее с «трибуны», то есть с крыльца председателяского дома. Кто-то задумчиво роет носком сапога песок под ногами, кто-то грызет семечки. Между тем уже смеркается, и сквозь зелень деревьев видно, как на противоположном берегу Амура высвечиваются редкие точки огоньков, а с восточной стороны горизонта, словно извещая о неизбежном уходе беспокойного дня, наплывают густеющие сумерки.

Здесь, на улице, в тени домов и деревьев, стемнело уже совсем, и в вечернем сумраке хорошо видны разве что только лица стоящих, которые сейчас кажутся скоплением бледных пятен. Судя по всему, настроение у

людей, что называется, не из лучших, и причины для этого у них имеются. Партман, однако, никому здесь сочувствовать не собирается. Он, в недавнем прошлом человек военный, твердо усвоил суровый принцип, которым должен руководствоваться командир: «Чем больше ты будешь жалеть подчиненных, тем опасней окажется для них враг». Его собственный комполка в обиходе истолковывал это правило проще и несколько иначе: «Сегодня ты пожалел подчиненных, подумай о том, кто завтра пожалеет тебя». Нет, сельхозартель, разумеется, не воинское подразделение, но труд он везде и всюду только труд, иначе — постоянное преодоление препятствий и сопротивление неблагоприятным обстоятельствам. «Не можешь — научим, не хочешь — заставим»... Хорошо помнит Партман и такую сержантскую заповедь. Но сейчас он хотел бы сказать своим колхозникам только одно: никто, кроме них самих, не сможет, не сумеет и не захочет построить на этой земле достойную человеческую жизнь.

Слово берет Бузи и, словно продолжая мысль председателя, говорит:

— Со стороны может показаться, что мы тут агитируем вас работать. Нет! Я одного только хочу, товарищи наши дорогие. Вот стоим мы сейчас тут все вместе: я, товарищ Партман, Шлойме, Рувим... Все — колхозники. Кем мы были раньше, я даже знать не хочу. А теперь мы — коллектив. И вот так же, как сейчас мы тут все вместе стоим, мы должны и в желаниях наших тоже вместе быть.

— Верно говорит парень, — отзывается мужской голос из темноты. — Кто мы были? Босая команда. И каждый сам по себе жил.

— Так! — подхватывает эти слова Бузи. — А теперь у нас дело одно, общее. Или кто-то хочет тут со мной поспорить?

Все молчат, и спорить никто не хочет. В сгустившейся темноте слышны лишь дыхание людей и едва различим-

мый ухом шорох летучих мышей, что безбоязненно носятся над самыми головами стоящих. Хотя если вслушаться в ночь, легкий ветерок с того берега Амура временами доносит до слуха лай собак и не то протяжное пение на чужом языке, не то чей-то жалобный плач.

— А теперь давайте уже расходиться, — нарушил долгое общее молчание Бузи. — Ну что мы с вами решили? Ведь если сено — ваше же сено! — сгниет, вам своих же коров кормить будет нечем. Так или не так? А мы, значит, вместо того, чтобы самих же себя от такой беды спасти, ничего другого, кроме как бунтовать, не придумали. Или кто-то тут забыл слова «Кто не работает, тому и кушать нечего»?

— Да никто бунтовать больше не будет!

— Работать будем, только как же...

— А шо, кто-то тут всерьез думал бастовать?

— Да только что наш Амурзет будет кушать?! — громче всех прозвучал вопрос из «аудитории».

«И таки да! Что наш Амурзет кушать будет?», «Или мы тут до самого вчера эту землю потом своим не поливали?», «Как хочешь, так и живи...», «Ой, да хватит уже шуметь!», — опять зашумело собрание.

Между тем на потемневшее до черноты небо высыпали все его звезды, от реки потянуло сырой прохладой. Партман дал знак Бузи: мол, довольно уже тут дебаты разводить — завтра вставать рано...

Наутро Партман спокойно, как ни в чем не бывало, отправил всех на сенокос. Правда, за исключением Бузи.

— Слушай сюда, — сказал он ему. — На заставе мне обещали пару телег рыбы. Только на подводе сейчас через залив уже точно не проедешь. Так что бери лодку и гони к пограничникам. Только смотри, чтоб там по тебе стрельбу не открыли.

Когда Бузи ушел к реке, Партман отправился на сенокос. Там, скинув с головы фуражку и стянув с себя гимнастерку, присоединился к работающим. Поигрывая

мускулатурой, Иосиф взял в руки вилы и, подхватив ими чуть ли не с полкопны, ловко забросил сено на самую верхушку стога. Стоявший рядом конюх Шлоймэ только языком прищелкнул:

— Вот это да! Глядя на такое, прямо запеть хочется. А давайте, черт бы все побрал, и споем! Раз-два...

И люди — дружно, в несколько голосов — действительно повели мелодию всем хорошо здесь знакомой разухабистой песенки о веселом парне — местечковом ковале Йосэлэ.

Полуденное июльское солнце нещадно палит округу, удушливым зноем дышит земля. Но кто скажет, что это не самое лучшее время для заготовки сена?

8

Несколько суток отсидевший взаперти и вдосталь надыхавшийся запахами чеснока и опиума от нескольких китайцев, задержанных при переходе ими границы, наш лихой одессит предстал перед начальником заставы.

Начальник, широкоплечий русоволосый мужчина лет тридцати пяти, сидел за столом и всем своим видом напоминал, скорее, не военного человека, а обычного служащего какой-нибудь конторы. Точнее сказать, напоминал одесситу, который как-то иначе представлял себе начальника пограничной заставы. Только ремень через плечо, поддерживающий тяжелую кобуру револьвера на боку, да гимнастерка с зелеными петлицами на вороте и знаками различия на них свидетельствовали о принадлежности их обладателя к числу людей военных. На лице начальника — выражение спокойной уверенности.

— Это ты, как я понимаю, был зачинщиком бунта в еврейском колхозе? — в упор глядя на одессита, задает ему вопрос начзаставы.

— Шо вы называете этим интересным словом «бунт»? — вымученно улыбается одессит, хотя при другом слове — «зачинщик» — ему становится не по себе: присмирев-

шему сейчас буяну и во сне не снилось, что его переезд в Биро-Биджан может свободно обернуться, например, арестом и тюрьмой. — Что, они там уже таки бунтуют?

Начальник окидывает задержанного изучающим взглядом: его мускулистые руки, волосатую, сплошь в татуировках грудь под порванной тельняшкой и думает: «Вот же, черт возьми! Парень здоров как бык. Ему бы теперь самое место в новом колхозе. Там как раз время жатвы подходит... Каждая пара рук на вес золота, а этот...»

— Ты отвечай на вопрос, когда тебе его задают. Понятно?

Одессит молчит. В голове у него бьются тревожные мысли: как-то не думалось ему, что все обернется для него вот так...

В дверях показывается боец с винтовкой за спиной:

— Разрешите обратиться? Тут начальника спрашивают.

Через минуту в комнате появляется Бузи.

Запросто, как со старым знакомым, поздоровавшись с начальником заставы, Бузи передает ему записку («Это вам от товарища Партмана»).

— Иди к заведующему складом. Он знает. Сколько надо, выдаст, — коротко распорядился начальник.

Одессит, переминаясь с ноги на ногу, так и стоит перед столом, кажется, уже окончательно осознав безнадежность собственного положения. Начальник заставы определенно дал ему это понять.

Из окна хорошо виден широкий плац и марширующая по нему группа красноармейцев, дальше, за верхушками низкого ивняка, взгляду открывается широкий, залитый утренним солнцем Амур. Одессит сжимает кулаки: здесь, на пограничной заставе, все, что было им пережито с начала нынешнего лета, — долгая дорога в Биро-Биджан, встреча с еврейским колхозом, жаркие дни на сенокосном лугу — все это вдруг стало для него прошлым. Прошлым на свободе.

Лошадь свою Йойна найти так и не смог. То ли в тот злополучный день колхозного «бунта» он в спешке забыл ее спутать, то ли пегий сам порвал путы, только все блуждания Либеса по окрестности оказались напрасными. А ведь он тогда не послушал полевого бригадира и не стал отпускать лошадей прямо там, где освободил их от упряжи. Нет, он привел лошадей на стан, задал им по доброй порции овса и только тогда отпустил... Но вот куда потом подевался Пегаш, поди знай. Рувим Пейсахович успокаивал Йойну: да отыщется, дескать, лошадка твоя, небось где-нибудь поблизости и пасется. Только разве увидишь ее в такой травнице? «И какой черт увел этого пегого от самого стана? — ругается про себя Либес, не прекращая поиски даже ночью. — Добро еще, ночи стоят светлые, — хоть горох собирай». Они с Рувимом бродили по равнине, разойдясь, время от времени даже теряли друг друга в высокой траве и вынуждены были перекликаться, как где-нибудь в густом лесу. В табор они возвращались до нитки мокрые от росы, будто только что из воды выбрались, и буквально с ног валились от усталости. А вот пегий, тот точно как в воду канул... Они уже и в соседнем, корейском, колхозе побывали, и на рисовых плантациях (тоже не ближний свет) людей про лошадь расспрашивали — нет, никто ничего и никого не встречал, не видел...

Как-то, уже на исходе дня, страшно уставший от напрасных блужданий по бездорожью Либес набрел на извилистый ручеек, вытекающий откуда-то из-под обомшелых камней. Ах, какой же вкусной кажется ключевая водица измотанному жарой путнику! Умывшись и утолив жажду, Йойна присаживается в тени раскидистого дуба, привалившись спиной к шероховатому стволу дерева. Нет, разве не высшей наградой для утомленного человека может быть что-то иное, нежели — пусть даже минуты — полного покоя и отдыха! Вот если бы еще и

отдых для него, Йойны Либеса, был сейчас заслуженным и оправданным достигнутой целью! Так нет же!

«Ну и как мне опять — уже в который раз! — возвращаться в колхоз без лошади? — все больше впадая в отчаяние, размышляет Йойна. — Как смотреть в глаза Партману? И не только ему, а и собственному сыну Цальке, который с того разу до сих пор смотрит на него, как на какого-нибудь чужого дядьку? Ну прямо хоть волком вой! И что, что тут можно придумать? А ведь тебе, хавер Либес, люди доверяли. Как человеку серьезному и хозяйственному доверяли... А он-то... Вэй из мир, готэню!..»

Работа на лугу была в самом разгаре, когда Партман увидел медленно подходившего к стогу со стороны стана Либеса. Переброшенная через плечо Йойны уздечка более чем красноречиво свидетельствовала об исходе его очередного «рейда» по окрестностям. С досадой отбросив от себя вилы с только что насаженной на них солидной порцией сена, Партман сердито прохрипел:

— Этого нам только и не хватало!

Не доходя до стога, Йойна устало опустился на кучку сена. На осунувшемся и даже постаревшем лице Либеса — печать растерянности. В памяти Партмана на какое-то мгновение возник совсем другой Либес — человек, который тогда не побоялся встать на пути того распоясавшегося хулигана из Одессы. Но сейчас Партману не до сочувствия незадачливому «коневоду»: надо же так — не успели избыть одну беду, и вот вам еще одна. Рувим говорил, что они с Либесом в поисках того жеребчика все уголки обшарили, да только, выходит, зря. Ну а виновный в потере лошади... Да на него сейчас прямо смотреть жалко. Но что делать, что делать?.. Одно и остается колхозному председателю — опять на заставу идти. Ведь граница — вот она. И разве не может случиться так, что колхозная лошадка оказалась — ну а вдруг! — где-нибудь на ближнем китайском острове? И Партман

верховым отправляется за содействием к начальнику заставы.

На сей раз начальник встретил председателя еврейского колхоза, мягко говоря, не очень любезно:

— И что ты опять от меня хочешь? Я должен с вами нянчиться что ли? Или у меня никакой другой работы здесь нет? — поднялся он из-за стола, наполовину застеленного картой, и, привычным движением расправив под ремнем гимнастерку, подошел к распахнутому окну, помолчал и, повернувшись к Партману, негромко, с расстановкой заговорил:

— Я не понимаю, что у вас там вообще делается. Доброго хозяина, что ли, нет? Недавно еду я, вижу колхозника из твоих. Трава у него на телеге. Лошадь стоит, а он зашел спереди, держит ее и дубасит, и дубасит ее вот такенным дрыном. Пришлось мне этого дурака проработать, уму-разуму его поучить. Короче, вижу, или ты, брат, со своими людьми слабовато работаешь, или народ в вашем колхозе уж такой тяжелый, — заключил начальник и тут же вызвал к себе дежурного.

Через несколько минут тот уже инструктировал двух бойцов, стоявших перед ним навытяжку. У обоих красноармейцев — шинельные скатки через плечо, трехлинейки за спиной. Поставленное перед ними задание им понятно, не выполнив его, на заставу они не возвратятся. Таков приказ. Вскоре оба бойца — в седле, с места трогают коней крупной рысью. За воротами заставы стук копыт уже не слышен.

От души поблагодарив начальника заставы, Партман идет к коновязи.

10

Когда Бузи гнал свою лодку к погранзаставе, ему прямо запеть хотелось: плыть по течению — дело в самый раз для лодырей. Сиди себе и только слегка веслами шевели — вода сама тебя несет. А вот выгребать на той

же лодке, заметно осевшей под грузом, да еще против течения — работа не для слабаков. К тому же и Партман не просто так ему, Бузи, сказал: смотри, мол, чтоб там по тебе еще и стрелять не начали... Только все это для него сейчас, конечно же, не самое главное, и, не без усилий налегая на весла, Бузи думает о серьезности и ответственности порученного ему дела: он ведь теперь не кто-нибудь, а комсомолец. Это во-первых. А во-вторых... Повариха Хая прямо расцелует его, получив вместе с рыбой возможность досыта накормить косарей. Золотые руки у женщины! Она, правда, тоже вместе со всеми бунтовала, но не из-за плохой кормежки, а оттого что ей нормальную еду стало не из чего готовить.

Загрузившись на заставе рыбой, Бузи отчалил от берега уже за полночь. Солнце палило вовсю, и хотя на воде жара ощущается не так сильно, пот с гребца лился ручьями. С полчаса поработав веслами, Бузи повернул к берегу: надо же хотя б немного отдышаться. В это время с противоположного берега, рассыпав рябь по воде и разбудив дремавшую листву деревьев на ближнем островке, подул ветерок. Правда, воздух от этого ни прохладнее, ни свежее не стал, хотя все вокруг в эти минуты начало быстро меняться. Откуда-то со стороны сопки на один краешек неба набегали клубочки облаков. Они на глазах увеличивались, опускаясь все ниже, темнели, а вслед за ними, сплошь застилая бледную голубизну неба, надвинулась тяжелая, в неровных белесых пятнах, туча. Солнце все чаще ныряло в облака, пока где-то там не погасло совсем, и от этого, кажется, всю землю и воду накрыла мрачная мгла... Нет, Бузи никак не ожидал такого и, уже направив лодку к берегу, не мог решить — то ли уже не останавливаться и, собрав последние силы, все же продолжать грести против течения, то ли причалить вон к тем мотающимся под порывами ветра кустам. Тут прямо перед глазами Бузи вспыхнула, прочертив ослепительный зигзаг, молния, и через какое-то мгнове-

ние парень буквально оглох от расколовшего небо и землю громового удара. Через секунду лодка оказалась в плотной пелене проливного дождя, и Бузи уже не мог разглядеть вокруг ничего кроме воды, кипящей под струями сумасшедшего ливня. Между тем, беспорядочно меняя направление, усиливался ветер, в какой-то момент Бузи понял, что течением его сносит на быстрину, и увидел, как через один борт перегруженной лодки начала захлестывать вода. «Ведь так лодка перевернется!..» — обожгла Бузи ужасная мысль.

Амур не щадит тех, кто не знает его сурового нрава, Амур проглотит, погубит того, кто посмеет обойтись с ним легкомысленно или небрежно. Изначально враждебный человеку черный дракон — полноправный хозяин этой реки...

Бузи в отчаянии. Он осознает собственное бессилие и беспомощность перед лицом дикой стихии. Он готов сейчас кричать, плакать, звать на помощь... Да только кто его, скажите, услышит? Нет, надо собраться с силами, надо взять себя в руки, иначе... «Без паники! Только без паники! Не перевернуть лодку!» — твердит он самому себе. Работать веслами сейчас бессмысленно — все решают ветер и вода. Бузи перестает грести. Лодку надо непременно освободить от лишнего груза, и тогда она перестанет черпать воду бортом. Лишний груз — это сам Бузи. Он поспешно разувается, стягивает с себя плотно облепившую тело рубаху и, держась за веревку, один конец которой закреплен за нос лодки, соскальзывает в воду. При частых вспышках молний можно рассмотреть наш берег. Надо грести туда, к нему. Одной рукой? Нет, можно же подпоясаться «своим» концом веревки и изо всех сил работать уже обеими руками. Берег стал уходить назад как будто медленней... Снова переменил направление ветер или ослабло течение? Держись, Бузи, держись!.. Только без паники!..

...Начальник заставы возвращался с контрольного

объезда западного участка границы, когда все вокруг потемнело, и еще до того, как по взлохмаченным ветром кустам и травам ударили тугие струи дождя, поблизости чиркнула землю молния и над рекой со страшным треском раскатился гром. Мельком глянув на часы, начальник перевел лошадь с шага на крупную рысь: лучше всего укрыться от грозы под крышей собственного дома. Но тут же, как будто спохватившись, всадник резко потянул повод на себя. Этот паренек из еврейского колхоза сейчас на своей лодке точно где-то поблизости. А в такую грозу оказаться на открытой воде даже местный рыбацк сочтет для себя опасным. Не сориентировался и, попав на стремнину, помимо воли станешь нарушителем границы. А там, за этой чертой — неизвестность. Развернув коня, начальник пускает его в галоп...

Сквозь серую стену дождя пограничник увидел полуголого человека, который пытался вытащить на берег лодку. «Ну молодчина, парень!» — мысленно похвалил Бузи начальник заставы.

11

Двух красноармейцев, отправленных с заданием разыскать колхозную лошадь, удар стихии застал уже после того, как они, вдоль и поперек объездив пойму в районе своей заставы, снова выехали к Амуру: бойцам оставалось осмотреть только один, уже последний, участок пограничной полосы, где берег буквально утопал в зарослях краснотала. Минута — и в грохоте и обвальном шуме грозового ливня утонуло все вокруг. Вот уже режут сумрак ослепительные высверки молний, и, кажется, от треска и раскатов грома вздрагивает сама земля. Всадники останавливают лошадей, спешиваются, надевают шинели. Выполнять задание они непременно продолжат, но грозу следует переждать. Оба хорошо знают: чем сильнее дождь, тем скорей он проходит. Да, это так и есть, и не более чем через полчаса вспышки молний

становятся реже, как будто все дальше откатываются удары грома, заметно улучшается обзор прилегающей местности. Но вот снова где-то неподалеку полыхнула молния, и в ее неверном свете одному из бойцов показалось — может быть, просто показалось? — что метрах в двухстах от них, там, где возвышенный берег заметно выдается к середине реки, мелькнул силуэт лошади. Немедленно туда! Но как проехать прямо, если на месте небольшого ручья, впадающего здесь в Амур, сейчас плещется широкий разлив? Его надо объехать. Как можно быстрее. Вскочив на лошадей, бойцы по полному бездорожью пускают их с места в галоп. По лицам всадников нещадно бьют ветки деревьев, хлещет холодный дождь. В неверном свете молний через путаницу кустов трудно рассмотреть, что там впереди и где сужается этот залив. То и дело приходится останавливаться, чтобы присмотреться, сориентироваться. Нехоженный левый берег Амура в такую непогоду да еще и в пору паводков — не лучшее место на этой земле...

Объехав наконец-то залив, пограничники сворачивают обратно к реке. Гроза как будто начала стихать, вокруг посветлело, можно поторопиться. Эх, если бы не этот ливень не ко времени! Когда лошади вынесли бойцов к реке, они поняли, что опоздали: в двух-трех десятках метров от берега пограничники видят над водой голову плывущей лошади и держащегося за ее гриву человека. Нарушитель! С криком «Стой! Стрелять буду!» один из пограничников, на ходу сорвав с плеча винтовку, ни секунды не раздумывая, направляет коня в воду: догнать гада! А стрелять? Нет, стрелять нельзя — можно свободно угодить по лошади. Вперед! Покинув седло, красноармеец уже плывет рядом со своим гнедым. Эх, надо было сбросить шинель... И снять сапоги... Не выпустить бы из руки винтовку... Срывает с себя шинель и разувается там, на берегу, товарищ преследователя: надо спешить другу на выручку... Теряя силы, тот уже зовет на

помощь. Успеть!.. Но как, как успеть?! Когда размашистыми саженками раздетый боец выплыл на середину протоки, было уже поздно: там, где над водой только что виднелись головы лошади и человека, кружил хлопьями пены водоворот...

12

Уже под вечер пограничник, не заезжая на заставу, привел в колхозную конюшню лошадь Либеса. Нарушитель все же опасался преследования и, как видно, будучи в отличие от лошадей хорошим пловцом, оставил пегого на середине протоки. Ну а лошадка, понятно, тут же повернула к «своему» берегу.

Хотя красноармеец, возвращая колхозу похищенную лошадь, и словом не обмолвился о гибели товарища, через полчаса в поселке уже знали о происшедшем. Мрачную весть принес в Амурзет только что вернувшийся с заставы Бузи. Партман, первым услышавший горькую новость, тут же оседлал коня и поскакал на заставу.

...Чтобы отдать последний долг ушедшему из жизни бойцу-пограничнику, на его похороны евреи пришли всем колхозом. Гроб, обитый красным кумачом, на середину плаца вынесли четыре человека, в числе которых были Иосиф Партман и Йойна Либес. Бузи организовал молодежную команду провожающих, раздобыв для каждого из десяти парней ружья. Одно ружье оказалось даже лишним и было вручено Либесу. А до этого ему же было предложено стоять у гроба в почетном карауле. Надо ли объяснять, какие чувства владели Йойной, когда он стоял в карауле? Ведь он, конечно же, — и с особой остротой — чувствовал в эти минуты собственную вину в гибели красноармейца. Не знал он и что делать с ружьем, которое дал ему Бузи, — первый раз в жизни держал он в руках подобную вещь. Лишь тогда, когда заиграл духовой оркестр и все двинулись к воротам заставы, Либес увидел, что все, у кого были ружья и винтовки, положи-

ли их на плечо. То же сделал и Йойна.

Покинув территорию заставы, похоронная процессия двигалась по дороге в полной тишине. Люди в колонне, как и идущие в ее голове пограничники, старались шагать в ногу, а винтовочные штыки и ружейные стволы, поблескивающие над головами людей, придавали картине особенный колорит: наверное, каждый именно сейчас вольно или невольно вспомнил и почувствовал, что рядом, совсем рядом, проходит здесь государственная граница. А по обеим сторонам дороги, покачиваясь под легким ветерком, клонились к земле тяжелые колосья пшеницы. Колхозная нива ждет, когда придут к ней люди, когда загудят на ней моторы машин.

На выезде из Амурзета процессию провожающих пограничника в последний путь ожидает грузовик. Гроб с телом покойного и сопровождающими его несколькими военными и колхозниками он доставит на усадьбу зерносовхоза, в центре которой находится братская могила. В ней покоятся бойцы, погибшие в двадцать девятом в схватках с белокитайцами. По пути грузовик встретят и будут его сопровождать корейские колхозники, жители села Благословенного. Потом в центре же совхозного поселка состоится траурный митинг, среди участников которого будут евреи и русские, немцы и корейцы, украинцы и китайцы.

13

Время жатвы на селе неспроста называют по-русски словом «страда». Уборка хлебов — это напряженный коллективный труд людей от восхода до заката. Так что очень кстати на помощь амурзетским колхозникам начальник пограничной заставы отрядил группу из десятка бойцов. Результативной работе на колхозных полях пока что благоприятствует и погода.

...После обеда Йойна присел отдохнуть, привалившись спиной к скирде. Его примеру последовал и поле-

вой бригадир. Вытянув из кармана расшитый кисет, он высыпал на бумажку добрую щепоть самосада, свернул сигарку и, пыхнув дымом, заговорил. Просто так заговорил, ни о чем. Как поступает человек, когда хочет разговор начать:

— Да, вот такие, брат, дела...

Помолчал, шурясь на солнце, и продолжил уже вопросом:

— А ты, значит, сюда к нам из самой Расеи приехал? А из каких же краев? Держава-то ить наша на полсвета как раз. А еще что я слыхал? Ваши вроде как из самого Ерусалима будут. Так али нет?

Йойна с ответом не спешит. Да и нет у него сейчас особой охоты говорить. Все как-то не выходит у него из головы картина недавних похорон, и не может он отрешиться от ощущения собственной причастности к происшедшему. А что можно сказать бригадиру? Он и без того знает, что люди, наши люди, издалека. Нет, не из Иерусалима, конечно же. Но где-то в неизвестных и самому Йойне Либесу краях, верно, живут и дальние его родственники. Есть у него родня и там, откуда он сам только недавно приехал. Может быть, кто-нибудь из этой родни тоже решит сюда на Амур перебраться. Надо бы им написать... Ну да посмотрим — увидим, что да как...

— А я вот все думаю, много ли народу, значит, из ваших-то, к нам сюда на Амур поехать насмелятся? — словно прочитав мысли Йойны, продолжает бригадир. — Дикие ж края тут у нас. Прежде-то мы как тут жили? Охота, рыбалка, контрабанда... Водка... Это уж завсегда. Да и народ у нас, прямо скажу, суровый. Так...

Полевод помолчал, задумавшись, опять пару раз затянулся табачным дымом и, повернув лицо к Йойне, продолжил разговор вопросом:

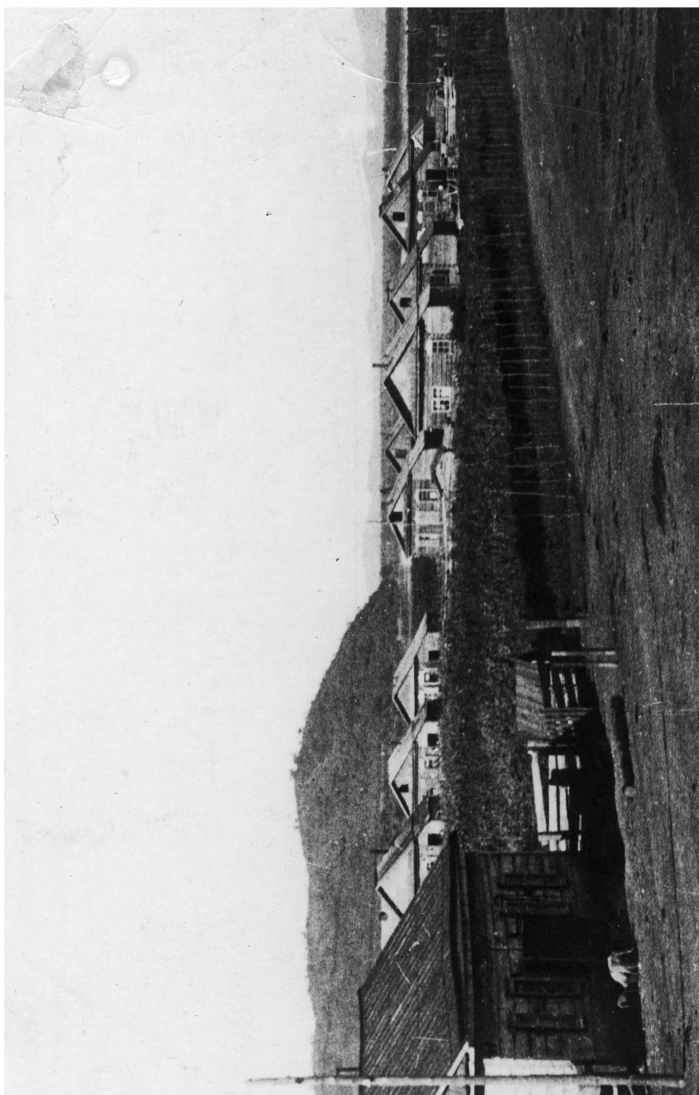
— Вот ты сам-то, скажи мне, почто сюда перебрался?

Из всех вопросов, что бригадир успел в эти минуты задать Либесу, последний оказался для него самым трудным. Он, Йойна, и сам не раз задавался этим вопросом.

Задавался и, признаться, не мог найти ясного ответа. То, что он, как и многие другие жители местечек, ехал в Биро-Биджан с надеждой на лучшую жизнь, это, верно же, любой-каждый поймет. Что касается лично его, Либеса, то он чаще всего представлял себя в своем «дальневосточном» будущем в образе крепкого хозяина, во владении которого дом с большим огородом, корова, пара свиней, птица тоже... Но, если с другой стороны посмотреть, неужто надо было ехать в такую даль, чтобы бросить места, где ты родился и рос, чтобы обзавестись коровой да свиней заиметь? Разумеется, дороже и милее того места на земле, где человек на свет появился, где он вырос и повзрослел, для него и быть не может, это так. Ну а вот если от рождения жил этот человек в холоде да в голоде, а повзрослев, так и не мог выбиться из лютой нужды, то какова она, цена той неласковой родине? Говоря иначе, Либес так и не сумел ответить себе со всей определенностью, зачем, почему и по какой причине он однажды решился поехать на Дальний этот Восток. «Нет, — подчас размышлял Йойна, — никак не может быть такого, чтобы только огурцы в огороде да поросята в сараюшке определяли намерения и поступки такого человека, как, например, я. Нет-нет, здесь что-то другое. Только что?»

Скажите, кому из нас не пришлось что-то отвергнуть, чем-то поступиться или чего-то пожелать, чтобы в конце концов получить то, что мы имеем сегодня?

...Над полями горит яркое летнее солнце. Вот поблизости, нарушив тишину, зарокотал и тронулся с места трактор со жнейкой, и вслед за нею широким полотнищем выстались по стерне — колос к колосу — стебли зрелой пшеницы. Страда на колхозных полях. Йойна и бригадир-полевод встают и расходятся каждый по своим делам. А дел у них впереди столько, что с избытком хватит на сегодня, на завтра и на целую жизнь...

Общий вид поселка Амурск.
Фотограф В. Гиршович. 1937 г.
(Из собрания РЭМ)

**ВОСПОМИНАНИЯ
ПЕРВЫХ
ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ,
записанные
Гиршем Добиным**

(Перевод с идиша Елены Беляевой)

ШКОЛЬНИК ЛЭЙБА РЭФОЭЛС

Родился в 1890 году в Пинске, Минской губернии. До 1928 года работал скорняком, чернорабочим, извозчиком. В 1928 году приехал из Днепропетровска в Биробиджан с коллективом «Найланд». Здесь работал на 22 км, рядом с Бирофельдом, строил Худзиновку (позже — Валдгейм). Стал пчеловодом. С 1934 года — инструктор по пчеловодству в области. Живет в Биробиджане.

В Днепропетровске в 1928 году мы переживали трудные времена. Работы не было. Хуже всего приходилось тем, у кого была огромная семья, как у моего тестя Миши Школьника. Каждый делал, что только мог, чтобы заработать на пропитание. Но жизнью это назвать было нельзя. Однажды Миша Школьник принес нам новость, что есть такой край — Биробиджан, куда принимают еврейских переселенцев. Рассказывают, что край этот уникальный, богатый, и говорят, там будут строить еврейское государство. Он стал меня уговаривать туда ехать. Я подумал: заработка все равно нет, работы нет. Хорошо... Почему бы нет? Работать можно зимой на лесозаготовке в Биробиджане и неплохо заработать. Обещали нам много, сказали, что и на обратный проезд хватит.

Я стал размышлять: хотя мы никогда не работали на земле, но сможем быстро научиться. Я успокаивал себя — хорошо, что можно ехать на лошадях. Миша был председателем артели извозчиков, я тоже умел обращаться с лошадьми. К тому же к нам решили присоединиться еще 7 человек. Из них 3 столяра — Цимблер, Стрельцин и Марголин, кузнец Осинский, портной Биластоцкий,

Хазан, который окончил курсы маляров, и Буняк — сапожник, вот такие люди. Стали мы совещаться. Все сказали: «Надо испытать счастье. Поедем первопроходцами!» И мы пошли в городской ОЗЕТ.

В ОЗЕТе мы увидели, что евреи загорелись, все хотят ехать в Биробиджан. Нас стали проверять, насколько мы этого действительно хотим, стали пугать, что в Биробиджане плохо. Там комары, тайга, дикие звери и другие трудности... Но это не помогло. Наоборот, их страхи еще больше огня добавляли. Мы — исключение из правил, говорили мы. Если они не хотят, чтобы мы ехали, значит, там что-то есть. Именно поэтому мы и поедем. Уже ничто не поможет. В конце концов нам выдали направления. Перед отъездом созвали собрание. Хорошо посоветовавшись между собой, куда и ради чего мы едем, мы организовались в коллектив будущих земледельцев под именем «Найланд». Председателем нашего коллектива выбрали Мишу Школьника. Приблизительно в октябре 1928 года мы выехали из дома.

Каждый из нас взял все свои инструменты. Я, скорняк, взял швейную машину и болванки для шапок. Буняк — инструменты сапожника. Ехали мы через Харьков, Пензу, Челябинск и Иркутск. По дороге к нам присоединились еще 2 парня — Мендл Дворкин с женой, которые ехали из Гомеля в Биробиджан, и еще один, сибирский еврей Янкелевич Борис, он перевозил лошадей на золотодобычу. Мы их тоже приняли в свой коллектив.

Приехали мы сразу в Хабаровск, как было договорено между ОЗЕТОм и организацией «Дальлес», на лесозаготовки. Вечером мы прибыли в Хабаровск. Переночевав на вокзале, вместе с вещами поехали в КомЗЕТ. Оттуда нас сразу послали на переселенческий пункт, который находился в паре километров от города. Согласно договору мы должны были ехать на Абарскую ветку в лес с условием, что каждый из нас кроме расходов на лоша-

дей будет получать 5-6 рублей в день. Еще в пути мы посчитали, что будем зарабатывать не так уж и плохо. Во-первых, у нас здоровые ребята, а во-вторых, нам обязательно нужно заработать пару рубликов, чтобы было чем заниматься весной в Биробиджане — осушить место для домов, вызвать наши семьи и начать жить.

Однако все оказалось наоборот. Как только мы переступили порог переселенческого пункта, услышали разные истории про Абарскую ветку, и именно от переселенцев, которые убежали оттуда. Заработка там никакого нет, условия проживания ужасные, все воруют друг у друга. Короче, только сумасшедший туда поедет. Мы посоветовались и решили — не ехать на лесозаготовки. Лучше ехать осушать землю, заготавливать лес и начинать строить дома. Но КомЗЕТ и слышать об этом не хотел. Мы настаивали, и нас послали прямо на лошадиную базу в Хабаровск покупать лошадей. Они были очень дорогими, 400—500 рублей за лошадь. Они нам не понравились. За такие деньги мы можем купить гораздо лучше. Получили деньги в ОЗЕТе (отделение Тихонькой), и Миша Школьник вместе с Цимблером уехали в Сибирь за лошадьми.

Уже было начало декабря, когда лошади прибыли из Сибири, а мы тем временем разделились на две группы. 5 человек уехали на 22 километр бирофельдской дороги строить склад. Среди этих пятерых был столяр. Остальные из нашего коллектива уехали в Худзиновку, сегодняшний Валдгейм. Там уже были обработанные земельные наделы и стоял дом, где жили Песин, Жак и Цейтин, которые заготавливали лес для себя и для ОЗЕТа.

По поводу Худзиновки тогда велась война. С одной стороны — коллектив «Эмес», Гефен из коллектива «Найколхоз», который выстроил здесь дом, но жил и работал в Тихонькой. Они требовали, чтобы им разрешили здесь строить. С другой стороны — Рашкес, кото-

рый не разрешал строительство.

Согласно плану заселения Биробиджана, Худзиновки еще не было. В плане стоял Бирофельдский массив. Однако Бирофельдский массив отпугивал переселенцев своей отдаленностью и труднопроходимой дорогой. Худзиновка же находилась недалеко от города, т.е. Тихонькой. К тому же место было осушено и очищено от леса. Оставалось начать строить дома, но это и не разрешалось переселенцам. «Если нам не дадут землю под строительство, тогда мы уедем из Биробиджана», — стали говорить переселенцы. Переселенцы остались, и так как председателя переселенческого пункта звали Худзинский, то и имя этому месту было выбрано — Худзиновка. Через некоторое время Миша с Цимблером привезли лошадей из Сибири. Они выехали из Тихонькой с лошадьми в Худзиновку. Вечером дорогу не было видно, последние следы запорошило снегом, вокруг один лес. Как заколдованные, они долго ходили с лошадьми вокруг Худзиновки, но она как будто исчезла. Бродили они, пока не выбились из них, и решили развести огонь. Вот так и остались с лошадьми посреди поля. Только рано утром увидели, что Худзиновка совсем близко: среди деревьев они разглядели несколько домиков.

Мы привели всех лошадей в Худзиновку. Нужно было подумать, как обустроиться... Здесь, в Худзиновке, уже вырубили немного леса, который заготавливали наши люди, те, кого отправили на 22 километр. Немного леса мы оставили для себя, а за оставшийся получили деньги от ОЗЕТа, чтобы было на что жить. В Тихонькой был своего рода банк кредитного товарищества, через который мы и получали от ОЗЕТа заработанные деньги. Вывозили лес, наняли еще 4 русских строителей, начали строить дома-мазанки. Мазанки делали на пнях. В начале лета нужно было копать погреба, поэтому мы стали корчевать пни.

А пока все жили в доме у Лейзера Песина — и мы, и

русские строители, и корейцы, которые у нас и у Песина строили дома. Соорудили двухэтажные нары. Было ужасно тесно. Здесь собралось 30 человек. Каждый день становилось все теснее. Строительство разрасталось. Приезжали новые рабочие. В январе 1929 года мы перебрались в дом Гефена, он стоял закрытый и ждал своего хозяина, который жил в Тихонькой и приезжал сюда только весной и занимался строительством.

В феврале, живя в доме Гефена, мы купили корову. Она отелилась, а морозы стояли сильные. Мы и для теленка должны были приготовить уголок в доме. Стало еще теснее. Но вскоре от Фронкина уехал русский крестьянин, мы выкупили его дом, загон и корову. Потом все перевезли к нам и поставили на том месте, где сейчас стоит гараж в Валдгейме. Весной, когда Гефен приехал, мы освободили его дом. У нас уже было место, куда мы могли перебраться.

Наше хозяйство состояло из дома Фронкина, двух коров, теленка, лошадей, пары собак, кошек, которых Миша подобрал по дороге, когда ехал из Сибири с лошадьми. Мы уже установили 8 остовов мазанок. Ждали только, когда станет теплее, чтобы их обмазать. Сейчас все уже почувствовали, как бы нам помогли наши жены. Они могли бы обмазывать домишки, смотреть за коровами, которые должны были еще прибыть из Сибири, куда Цимблер и Марголин поехали их покупать. Пока мы думали, как привезти сюда наши семьи, произошел случай, который помог нам. Осинский сбежал в Днепропетровск и рассказал, что мы умираем. От него наши жены услышали, что Биластоцкий харкает кровью, Буняк и я уже, наверное, на том свете, а повар варит рыбу с жабрами, не говоря уж о вшах и комарах — они просто нас сжирают. Жизнь наша не станет лучше. Пекарни у нас нет. Каждый день нам приходится ездить в Тихонькую (сейчас — «Красный Восток») за хлебом, который нам печет одна крестьянка. Она же нам стирает одежду.

Мы трудимся часами. Сначала на лесозаготовках, сейчас пришло время корчевки, а корчевка — занятие очень тяжелое... Хорошо, что мы до приезда Осинского написали нашим женам о своей жизни.

Понятно, что в письмах мы писали так, как хотели бы, чтобы было. Писали и правду, что мы живы-здоровы и ждем, что они приедут как можно быстрее. И чтобы они не слушали Осинского. Сначала мы вызывали семьи, которые в основном состояли из взрослых.

И 6 мая 1929 года мы уже встречали их на разъезде в Тихонькой. Когда моя жена меня увидела, она стала осматривать, в какой одежде я хожу. Одежда хотя бы была чистой. Мы все, довольные, успокаивали жен.

Когда из Сибири прибыли 8 коров, которые в пути еще и отелились и прибавили нам трех телят, наши женщины занялись хозяйством и прекратили ворчать. Наши дома мы построили. Нужно было заплатить рабочим, да и деньги на расходы нам были нужны. Приступили к корчевке, за каждый га ОЗЕТ платил нам. За лето мы выкорчевали 10 га земли, на части земли разбили огороды. Работа была трудная. Кроме того, что мы корчевали самым примитивным способом — обвязывая деревья веревками, мы быстро выбились из сил, борясь с комарами. Единственное спасение от них — подняться на чердак дома. На чердаках мы и жили, и лошадей, которые у нас тогда были, тоже старались спрятать от комаров.

Сейчас уже можно было и домой писать. У каждого был свой угол, для детворы самая интересная игра была взбегать и спускаться по лестнице. Сейчас, когда у нас были навесы, которые защищали нас от дождя и комаров, мы вызвали остальные семьи к себе.

Однако радость от того, что у нас уже было какое-то жилье, не все сразу почувствовали. Некоторые хотели сбежать отсюда. Даже несмотря на то, что через месяц, к дождям, мы закончили 6 домов, а два оставшихся нужно было только достроить. Это кроме того дома, кото-

рый мы купили.

Марголин думал про себя: ради чего он должен сидеть здесь, в глуши, и надрывать кишки на корчевке, если он — столяр, человек с профессией, который и в городе, т.е. в Тихонькой, может заработать на хорошую жизнь. Кроме того, ему не нравилось быть в коллективе. В мае он взял свою семью и поехал в Раздольное. После него уехал и сапожник Буняк — он, старик 55 лет, кого ОЗЕТ в Днепропетровске не хотел пускать сюда, испугался корчевки. Его тоже потянуло в город за легким заработком. У него жена была «командиром». За ними уехали два парня из Гомеля, которые к нам присоединились по дороге, — на курсы трактористов, и Янкелевич, сибиряк — на работу в город, грузчиком. После их ухода осталось нас 6 семей — 32 человека и большое хозяйство. Стало тяжелее, больше обязанностей. Новых кредитов мы не получали, так как сократилось число людей, а расходы выросли. На что жить, мы не знали. Все, что мы заработали на корчевке, нужно было отдать рабочим, которые нам построили дома. Стали возить на продажу молоко в Тихонькую. Довозили мы молоко до того места, где позже был Птичник, на повозках, а оттуда на лодках до Тихонькой. Бира разливалась после дождей и заливала дороги. Молоко мы продавали в знакомые дома по 15–20 копеек за литр.

Но мы не только переживали трудности — дожили и до счастливого дня. Мы построили на улице печи, и женщины принялись печь хлеб. Вообще, женщины и дети принесли со своим приездом много радости. Уже было кому приглядывать за огородом, доить коров, что-то постирать, зашить. С их приездом мы почувствовали себя на месте. И это заставляло думать о новых домах, о новой жизни, о том, что появлялось перед нашими глазами. Даже сено косить для коров мы стали с радостью. Дров для растопки было больше, чем нужно. Дома вот-вот достроим. Мы готовы были и зиму встречать.

До первого снега мы все корчевали. Женщины пекли хлеб и для себя, и на продажу — для курсантов-трактористов, которые здесь учились и жили в палатках, для парней, кто обрабатывал свой кусок земли, корчевал и строился. К тому времени ОЗЕТ Тихонькой стал ремонтировать дорогу от Худзиновки в Тихонькую. Худо-бедно, но мы видели, что что-то делается...

Образ жизни был коллективный. Мы все вместе ели и пили. Ел даже тот, кто не хотел работать, и часто больше того, кто старался. Были семьи с большим количеством работников, которые тяжело трудились. Были и такие, в которых было много едоков, а не труженников. Те и другие в результате получили одинаково. Получалось, что один трудится за другого. Вышла, как позже стали говорить, уравниловка. Например, нас двое, я и моя жена, тяжело трудились, а когда наступила зима, у нас не оказалось теплой одежды... Мы были, как оборванцы, ни гроша за душой. Ко всем несчастьям, я все же был скорняком, но даже копейки не было пойти и купить шапку. Чувствовал я, как и все, что дальше так продолжаться не может. Раньше всех поднялись парни, сыновья Миши Школьника, которые приехали сюда вместе с семьями. Они начали жаловаться: «Зачем нам трудиться на кого-то и ходить голодными и раздетыми, если мы можем сами корчевать или вывозить лес для ОЗЕТа и заработать лишний рубль?»

Так они ворчали, пока действительно не отделились от коллектива. Среди тех, кто пока оставался в коллективе, тоже не было мира. Конец был следующим: мы разделили имущество и распустили наш коллектив «Найланд».

Был уже сентябрь 1929 года. К тому времени в Худзиновке стояли дома нашего коллектива «Найланд», коллектива «Найколхоз», (4 дома), коллектива «Эмес» (3 дома), коллектива «Заря Востока», который прибыл сюда в 1929 году (5 домов). Кроме этого, еще 8 домов с

людьми, которые поселились без коллектива, примерно 30 семей — 80 душ.

К Октябрьскому празднику, когда мы уже перебрались в дома, Худзиновка приобрела вид села. Праздник мы отметили очень весело и радостно. Это был первый праздник, который мы отмечали в домах. Мы все собрались и выбрали совет села. Председателем избрали Мишу Школьника. Имя селу мы дали Валдгейм. Новоизбранному совету записали в наказ, что мы просим создать здесь, в Валдгейме, к весне 1930 года из всех разрозненных коллективов единый колхоз.

Услышав, что в Валдгейме собираются организовать колхоз, многие возмутились. Резко против колхоза выступали те люди, которые к тому времени имели пару коров и лошадей — Лейзер Песин, Жак Цейтин. Были и такие, как Гесин — человек с деньгами, который построил конюшню на десяток лошадей и большой дом. Планировал построить себе целую ферму. Само собой разумеется, что в колхоз идти он не хотел, но и кричать боялся, однако тихо делал свое дело.

Большинство же выступало за колхоз. Поэтому вопрос поставили очень жестко: хочешь вступать в коллектив — хорошо, а нет — глаз долой, вон из Валдгейма! Часть действительно ушла. Потом началась заседания и митинги. По вопросу организации колхоза часто к нам с речью приезжали из Тихонькой и Рашкес, и агроном Фейкин. В конце концов Фейкин нам написал план первой посевной в Валдгейме. А 19 февраля мы взяли коров и лошадей и отвели их в колхоз. Для коллективной конюшни мы отвели ту, которую построил наш «Най-ланд». построил. Мы подумывали разводить и птицу. Недавно мы в подарок из Москвы от ОЗЕТа получили инкубатор. Решили домашнюю птицу пока из домов не убирать, а создать в колхозе отдельную птицеферму. Вступая в колхоз, мы имели 50 га выкорчеванной земли, хотя и сильно разбросанной и разбитой на отдельные

клучки, — достояние коллективов, где каждый строил для себя свой мир, и еще 30 га обработанной земли. Кроме этого, у каждого колхозника был огород, примерно на 7-8 га земли всего.

Как только мы вступили в колхоз, 15 апреля 1930 года снова собрались и решили создать пасеку. В соседних селах закупили 205 пчелосемей, а меня назначили работать на ней, с условием, что я должен построить ульи и научиться этому ремеслу, чтобы потом самому вести это хозяйство.

К несчастью, запаковывал пчел в ульи украинец, который не был знаком с местными климатическими условиями. Поэтому как только мы открыли улей, в котором перезимовали пчелы, то вместо 205 семей вынули только 145. Такого пчеловода сразу выгнали. На его место пригласили другого, а меня отправили в Спасский пчелосовхоз на курсы. Оттуда я приехал уже подготовленный и стал сам вести пасеку.

Зимой 1930 года ОЗЕТ приступил к строительству больших домов. Построили сначала два 4-квартирных дома, закончили уже начатые 6 небольших домов, начали строить 6-квартирные дома, клуб, детский сад, школу, больницу и баню. Сделали коровник на 350 голов и загон для свиней, хотя свиней у нас почти не было. Зимой у нас в инкубаторе вывелось много цыплят, но пробыли они у нас недолго, так как специального помещения для них не строили и не знали, как за ними ухаживать. Коровники строили большие, так как думали тогда, и было так же решено в высших инстанциях, что Валдгейм должен заниматься только садоводством и скотоводством. Планировали построить в Валдгейме большую молочную ферму. О кормах мы тогда не думали. Рассчитывали на то, что уже было. Колхоз-то организовывали на проходном дворе переселенцев.

Переселенческая суэта началась летом 1931 года и продлилась почти до 1934 года. Все время принимали

переселенцев, привозили и увозили. Случалось, что ночью, когда все уже спят, присылали в Валдгейм неожиданно новую партию переселенцев. А спросить, нужны ли Валдгейму переселенцы и для какой работы можно их использовать — такое не практиковалось. Присылали их с женами и с детьми, и всем надо было дать еды. А было это в то время, когда земли в Валдгейме не было, ее только корчевали.

Отношение к новым переселенцам со стороны руководителей, которые должны были их разослать по местам, было плохим. Считалось нормальным привезти переселенцев в сильный дождь. Здесь, в Валдгейме, их сбрасывали с машин и оставляли. Если был кто-то, кто хорошо побродил по разным районам и не прижился, его приводили к нам. Хорошо еще, что Валдгейм находился рядом с переселенческим пунктом.

От такой практики пропало желание работать. У нас появилось некое предубеждение к этим переселенцам, которых к нам то и дело присылали.

Но ко всем бедам, навалившимся на наши головы, прибавилось еще одно несчастье — наводнение 1932 года.

Еще ранней весной начались сильные дожди, редко когда выдавался хороший день. Едва покажется солнце, и снова начинает лить, да так, что нам с огромным трудом удавалось засеять поля. А в низких местах вообще можно было утонуть. Луга покрылись водой. Траву к концу июля залила Бира. Вода разлилась с Икуры и других речушек, и однажды затопило Валдгейм, Тихонькую и даже Степной, где мы остановили посев, — всю землю.

Вода поднялась слишком высоко, затопляя огороды, пасеку. Из Валдгейма в Тихонькую мы ездили на лодках. Улья пришлось перенести. Когда пчелы прилетали и не находили их, они начинали летать вокруг и искать ульи. Они летали так долго, пока, выбившись из сил, не падали прямо в воду. Так пропали все рабочие пчелы. А

чтобы оставшиеся не погибли, мы искали сахар и кормили их.

Наступило тяжелое время. Поля были затоплены, все, что выросло, пропало. Нечем было кормить коров, лошадей. Точно так же, как и в Валдгейме, на Степном разъезде все засеянные поля скосили на сено. Но сена тоже было мало. Чтобы прокормить скот, пришлось его пригнать на поля, сотни коров, но оттуда вернули не коров, а мясо заколотых полуголодных животных.

С огородов, парников, оранжереи — со всего, что было засеяно, так ничего и не получили. Почти все посадки оказались под водой. И даже то, что не затопило, было испорчено. Из района приехал Столов из переселенческого сектора и успокоил нас, пообещал помощь. Приехал Баскин и увеличил нам заем из трудодней. Но нам оставалось жить на 200 граммов хлеба, который мы получали от кооперации.

Дальше — хуже. Мы остались без сена. Стали падать коровы. Той травы, которую вытащили из воды, не хватило на 200 коров. Стало так плохо, как никогда. К тому же стали разбегаться люди. Ночью, днем, когда только получалось. Ночью разбегались те, которые немного заработали, чтобы не делиться своим имуществом с колхозом. До зимы из Валдгейма сбежала почти половина людей. Остались именно те, кто трудился здесь с первого дня. Тяжело было расставаться с местом.

Весной 1933 года Валдгейм снова стал «обрастать мясом» в работе. Засеяли поля, огороды, ожила пасека. К тому же этот год был урожайным — с засеянного пуда картофеля удалось собрать 40 пудов. Осенью колхоз по решению райкома ВКП(б) закрыли, и он прекратил принимать переселенцев. Мы сразу почувствовали, что те, кто в колхозе, и есть настоящие хозяева. Все сразу принялись лучше работать.

После этого прибыл политотдел, и с его помощью Валдгейм зажил.

Гирш Добин

20 октября 1934 года меня отозвали из колхоза в распоряжение ОЗЕТа в качестве инструктора по пчеловодству, где я и работаю по сей день.

Рассказал Школьник Лэйба Рэфозлс

Записал Гирш Добин

27.09.1935

г. Биробиджан

БОРИК НОХИМ

В 1928 году у нас, мелких торговцев местечка Терновка, не было никакой работы: обращались в сельсовет с жалобами к председателю тов-щу Фридман, которая работала на швейной фабрике: дайте нам какую-нибудь работу! Помогите нам занять руки чем-нибудь!

Торговать мы уже не могли. Чтобы продать бочку седлки на ярмарках, требовали с нас столько налогов, что оставалось только подушки продать. Я ходил уже «пустой» долгое время, а расходы росли: дом, дети... Бродил я так, весь разбитый и подавленный, да и не только я — многие.

Однажды пришли мы в сельсовет перед Песахом 1928 года, и сказала нам тов-щ Фридман следующее: «Получила наряд на отправку людей в Биробиджан. Езжайте туда!»

И стала нам рассказывать и расписывать, что за край такой — Биробиджан. Там, сказала она, построят еврейскую страну, вы получите землю, заведете хозяйство, станете людьми... Вокруг стояли такие же, как и я. И обращалась она ко всем нам. Я не знал, что ей ответить. О том, что нам надо что-то делать, не было и речи, но ехать на край света, за 10 000 километров, — этого я не ожидал.

«Вы уже почти два года ходите без заработка. Торговать вам не дают, и до каких пор это может тянуться? Я должна вам сказать, что в селе для вас никаких перспектив нет. Один совет дам — езжайте в Биробиджан! Да и с собой везти ничего не надо. Вы здоровые люди, там вам все дадут, а работать вы хотите, вот и забудете про все несчастья».

Пришел я домой и, как полагается, рассказал все жене.

А сам думаю: «Фридман права. Чего мне ждать в местечке? На что жить? Я даже голосовать на выборах не всегда могу. То дадут право, то заберут». Жена стала плакать, а за ней и дети:

- Куда поедem, на край света? По горам, по долам? А комары — каждый комар весом в один фунт, звери, а не комары, за жизнь страшно.

- Корова, что ревешь? — стал я успокаивать. - Не хочешь, чтобы я ехал? Хорошо. Я не еду. Может быть, ты мне скажешь, чем я должен тут заниматься. Может быть, ты мне покажешь дорогу, куда мне идти? Где искать на кусок хлеба?

Расплакалась она еще больше. Я понимаю: она чувствует, что я прав... Тяжело. Да я и сам знаю, что тяжело. Но что же делать, жить-то надо. Лавка уже прибыли не приносит. Пошел я к Фридман записываться в Биробиджан.

Увидев, что я записался, стали записываться и другие, даже пара коммунистов среди них. Всего собралось 18 человек, также и мой напарник по продаже селедки, Лейзер Шолэм Швец. Организовали коллектив под именем КомЗЕТ, выбрали комсомольца Немировского председателем и купили штемпель. Перед отъездом на собрании мы стали обсуждать этих 18 человек. Оказалось, что часть отказывается ехать — испугались. Фридман долго ходила по мокрым улицам, искала всех. В конце концов удалось собрать всего 8 человек.

Провожало нас до Умани много людей. Музыка, подарки... Стар и млад вышли провожать. В Умани к нам присоединилась еще группа из Тални, Монострищи и самой Умани. Снова — музыка, подарки, свечи... И так доехали мы все до Харькова.

В Харькове нас встретили представители заводов, ОЗЕТа и других организаций. Целый день гуляли по Харькову, смотрели город. Наутро ОЗЕТ дал нам сопровождающего тов-ща Кадышевича, и мы поехали. По

дороге к нам присоединились еще несколько ходоков, которые ехали из разных мест в Биробиджан. Так, приехало нас в Биробиджан эшелоном 600 человек.

Приехали мы на станцию Тихонькая 28 мая днем. Встречало нас много людей. Среди них тов-щи Рашкес и Бейнфест. Был ясный день. Смоленская группа уже сидела в палатках позади переселенческого пункта, около лавки рядом с магазином горпо. Часть переселенцев перешла в палатки, а остальных оставили в вагонах и отвезли на разъезд, там и оставили. Единственный барак был уже переполнен, на улице сидеть не хотелось, хоть было уже тепло и ясно. К вечеру стал идти небольшой снег, правда, недолго, но мы похолодели от страха. Да, в Биробиджане такое может случиться — снег 28 мая.

Утром стали всех созывать на разъезд, где было свалено много строительных материалов, на собрание, на митинг, значит. Тов-щ Рашкес держал речь, Бейнфест тоже выступал. Где хотим, можно строить. Нам пообещали дать все, что нужно, лишь бы мы хорошо работали. Мы должны построить здесь новый мир.

После собрания мы получили на весь наш коллектив палатку, четыре лошади, плуги, баяны, ящики, ведро, различные продукты. Поставили палатку прямо напротив лавки магазина и стали готовить телеги, упряжь. Нам нужно было ехать искать подходящий надел.

3 июня мы вчетвером — я, Немировский, Шварцман и Фаргесер поехали в Опытное Поле, чтобы занять хорошее место. Дорога была трудная. Особенно участок от Тихонькой до сопок. Позже пошел дождь. Вечером мы вообще заблудились, подъезжая к Алексеевке — туман стоял над Бирушкой. На другом берегу увидели огни, палатки — видно, там тоже были переселенцы. Мы им долго кричали, но ответа не получили. Решили вернуться обратно к Опытному Полю.

Смертельно уставшие, приехали в Опытное Поле. Товарищ Финкельштейн вышел нам навстречу и стал

утешать. Он попросил принести нам еды, а после пригласил зайти к нему на совещание. Предложил нам Озерный надел и посоветовал ехать туда заселяться.

— Смоленские уже там. Место всем очень нравится. Лучшего не ищите.

Здесь мы встретились с портным Альбертоном и вместе с ним поехали на Озерный надел. Смоленские пригласили нас в палатку и стали расписывать то место, которое сейчас, под дождем, мы не могли рассмотреть в самых ярких красках. Дождь не прекращался. Было холодно. В палатке стало ужасно тесно. Здесь лежат упряжь, одежда, мешки. Сердце ноет — страшно. Тоэрноброд, Гершов снова стали нас подбадривать. Они уже чувствуют себя здесь местными:

— Не пугайтесь, товарищи. Пройдет дождь, засветит солнце, вы про все забудете. Посмотрите на место — удовольствие одно. Сено — сколько хотите. Лес — только топор возьми. Если рыбы не хватит — тут вам и озеро. Мы будем здесь разводить птицу, свиней, вот увидите. Себя, что ли, испугались?

На все смотрите с любопытством, смейтесь над дождем, ставьте свою палатку и начинайте работать.

Нам стало немного легче. Мы последовали их советам: стали под дождем ставить палатку. В луже, под дождем, сильно страдая от укусов комаров, которые не отстают даже под дождем, долго мы мучились, пока самые молодые крепкие партийцы не начали ругаться, едва не плача:

— Лучше бы Фридман себе голову разбила перед тем, как нас сюда посылать. Нашла место. Это каторга!

А дождь все не прекращал лить. Сидим в палатке уже день, другой... Только на третий день поехали мы в Тихонькую за остальными. Можно только представить себе, какой была дорога после дождя, как в Тихонькую, так и обратно в Опытное Поле, где мы обычно брали хлеб и другие продукты. Здесь все было хорошо. Нам все выда-

вали без денег. Финкельштейн собрал нас на короткое собрание и сказал:

— Мы даем вам, товарищи, все. Но мы хотим, чтобы вы показали, как можете работать. Сделайте загон из лозы для лошадей, пока паут не начался.

Тут выступил комсомолец Шварцман:

— Если что и делать, то сначала нужно построить жилье для себя и конюшню для лошадей, а не плетенку. Лес у нас есть. Ветки тоже. Кто-то может держать топор в руках, кто-то пилу. Сами будем строить. Разве мы больные?

Выступление Шварцмана нам еще больше понравилось. Мы поехали, стали рубить и вывозить лес.

Только день ото дня становилось все больше комаров, они на нас целым роем нападали. Мы от них никак не могли избавиться. Больше всего от них страдала молодежь. У нас от укусов распухли лица, руки, ноги. Мы не могли дальше строить.

Стали возить продукты из Тихонькой в Опытное Поле, чтобы как-то продержаться до тех пор, когда прекратятся дожди, комар станет не таким злым и мы снова сможем приступить к строительству. Тем временем Немировского убрали из председателей, а на его место выбрали меня.

Я оставил здесь 6 человек на заготовке леса для строительства, а мы с Фаргесером вдвоем продолжали ездить за продуктами в Тихонькую. Дорога туда-обратно длилась 5–6 суток, и то в лучшем случае. Обычно фуру нагружали не больше чем на 3–4 мешка муки. Часто так изматывались в пути, что пару мешков бросали на дороге, а сами едва живые добирались до дома, проклиная такую жизнь.

Как сейчас помню такой случай.

Я и Фаргесер везли из Тихонькой две повозки с мукой. В каждую повозку было впряжено 3 лошади. Где-то на 27 километре мы застряли в глубокой луже и не могли

вытащить повозку. К тому же еще туман, мошка — мы дышать не могли. Мошка густая, пот течет ручьями, как будто посреди Тамуза накрылись ватными одеялами. Стали кричать на лошадей, ругать их, бить, а они лежат в луже, прячутся от мошки. И не только лошади, мы сами вытянулись в ручье, чтобы немного освежиться. Вот в таком положении нас увидели тов-щ Рашкес, проф. Кунц и Локшин, проезжая в Опытное Поле. Они нам сказали оставить муку на дороге, даже заднюю часть телеги, и пообещали послать новых людей с повозками за мукой.

Как только тов-щ Рашкес, проф. Кунц и Локшин отъехали от нас, поднялся ветер и отогнал комаров. Мы могли уже вздохнуть свободно. Даже лошади, мы увидели, тоже повеселели. По дороге встретили мы компанию, которую Рашкес послал за мукой. В тот же день они с мукой нас обогнали, потому что мы едва тащились. Сил не осталось. Безразличие напало на нас. Было все равно уже, идти или не идти. Потом мы узнали, что тов-щ Рашкес выдал всей этой компании за то, что они оставили нас на дороге.

— Это значит, что вы двоих мертвецки уставших людей оставили одних. Лучше бы вы лошадей бросили, а их забрали. Вы не люди!

Вот так мы возили продукты из Тихонькой в Опытное Поле. Часто я оставался дома, присоединялся к тем шести. Мы им возили еду и смотрели, как идет строительство. Но хороших новостей не было. Они не могли хорошо работать из-за комара. Они лежали в палатках с опухшими, расцарапанными в кровь лицами и ничего не делали. В другой раз, когда я приехал посмотреть, что делается, нас встретил крик:

- Хватит! Больше уже не можем!
- Домой! Мы едем домой!
- Какая дикость! Здесь место зверям, а не людям.

Я огорчился и созвал небольшое собрание:

— Правильно. Все, едем домой. Когда плохо, всем плохо. Давайте соберем все, что нам дал ОЗЕТ, — палатку, повозки, инвентарь, и поедем в Опытное Поле, все отдадим тов-щу Финкельштейну, и тогда мы свободны. Поедем, куда захотим.

Я же никуда не собирался уезжать, думал — пока я, председатель, не брошу весь мешок забот, они не разбегутся.

Фаргесер, молодой парень, извозчик, мужественно шагая с распухшими от сырости и укусов комаров ногами, поддержал меня. Он тоже не хотел уезжать из Биробиджана. И мы их уговорили. В тот же день погрузили на повозки все, что у нас было, сняли палатку, и все уехали с того места, где думали строить жилье. А лес, который уже успели заготовить, оставили лежать на месте.

В дороге вдруг пала одна лошадь. Попытались ее поднять, но не помогло. Через минуту увидели, как она стала надуваться, распухать. Мы поняли, что это сибирская язва, бросили лошадь и поехали дальше.

Когда Финкельштейн увидел нас в Опытном Поле со всем хозяйством, рассердился:

— Едете? Куда едете? Не понравился вам Озерный надел, оставайтесь здесь. У нас тут полно работы. Инвентарь я у вас заберу, а вы начинайте возить лес для заготовки бревен. Возите продукты и зарабатывайте на жизнь.

Но вся наша компания не согласилась. Финкельштейн стал выступать дальше:

— Ладно, берите своих лошадей и сами зарабатывайте на жизнь. Что заработаете — ваше.

На сей раз всех удалось уговорить.

Я и Фаргесер снова поехали за продуктами в Тихонькую. Остальные остались на месте и работали с лошадьми.

Через пару недель мы вернулись из Тихонькой, стали

спрашивать, сколько они заработали, так как мы должны были выплатить долги ОЗЕТу, показать, сколько заработали. Каждый, оказалось, не захотел отдавать из своего кармана, поэтому мы поругались, и наш коллектив распался. Пятеро записавшихся позже действительно вернулись на Украину, а я стал работать в Опытном Поле сторожем.

Каждое лето я много зарабатывал — закапывал тех лошадей, которые умерли от сибирской язвы. Никто не хотел браться за такую работу. За то, что я хоронил одну лошадь, мне выплачивали 60 рублей. Вокруг Опытного Поля погибло при разработке наделов около 500 лошадей.

Я подкопил немного денег и отослал домой, жене и детям, чтобы они приехали ко мне. Но ехать сюда они не хотели. Даже моим письмам, которые я посылал в Терновку, не верили. А я писал, что этот край мне сильно понравился, земля здесь очень жирная. Эта жирность получается от того, что здесь много воды, и лесов, и трав, здесь можно построить счастливую жизнь. Я даже однажды получил от моей жены письмо, что в Терновке говорят, будто за одно хорошее письмо мне платят 10 рублей. Значит, я продаю ложь, так как те, кто отсюда убегает, наговаривают невесте что о Биробиджане.

Сколько бы писем я ни писал, меня все равно звали назад, домой. Но я все не ехал. Так длилось вплоть до 1932 года, когда на Украине разразился голод. Только тогда жена согласилась приехать, но чтобы я приехал ее забрать. ОЗЕТ мне помог, и я поехал за семьей. Приехал я в Биробиджан не только со своей семьей, но и еще с несколькими, кого уговорил ехать. С поезда я пошел прямо к тов-щу Рашкесу. Я не стеснялся и все ему рассказал:

— Тов-щ Рашкес, я без копейки... Только с дороги...

Он попросил секретаря выписать чек на 500 рублей и сразу мне его отдал.

— Идите, тов-щ Борик, получайте деньги, а если вам понадобится еще, приходите прямо ко мне. Мы вас не оставим без помощи.

Из каких таких счетов он дал мне эти 500 рублей, я его не спрашивал. И я поехал дальше. Моя дочь, учительница, осталась работать здесь, на станции Тихонькая. Сын поехал учиться в сельскохозяйственный техникум в Сталинфельд. А я вместе со своей женой поехал в Опытное Поле.

Сейчас, когда со мной уже была хозяйка, я стал подумывать о корове, Рашкес меня уже несколько раз уговаривал, перед тем как привезти семью, прийти к нему, взять деньги и купить корову, но я не хотел:

— Тов-щ Рашкес, если брать у власти денег, надо их потом возвращать. Когда же я смогу их выплатить, сам не знаю. Не хочу быть должником.

А вот сейчас я захотел корову и пошел к Рашкесу. Он меня сразу послал к Столову, а Столов дал мне бумажку — направление, чтобы я ехал в Валдгейм и выбрал себе корову. Посреди разговора, когда я стоял и разговаривал со Столовым, подходит тов-щ Белый, заместитель директора Опытной станции.

— Что такое, — кричит он, — тов-щ Борик у нас один из первых рабочих, разве он должен ехать куда-то и просить корову, когда у нас на ферме их сейчас около сотни. Я дам ему корову.

Когда я приехал домой, то пошел просить корову, которую мне обещал Белый. Посылает меня Митновицкий, новый директор, за повозкой, чтобы ехать за коровой.

— Зачем мне повозка? — спрашиваю я. — Я могу пойти пешком, до загона пара шагов.

— Не вам нужна повозка, а корове, она немного больна.

— Что это значит? Я мог в Валдгейме взять здоровую корову.

Гирш Добин

— Ничего не поделаешь, другой у меня нет, — говорит Митновицкий.

Я ушел и купил себе теленка у крестьянина за 1000 рублей. 200 рублей у меня было, 200 рублей дала мне моя дочь, и еще 200 одолжил Белый. 400 рублей крестьянин обещал подождать.

Прожил я в Опытном Поле до января 1935 года, а потом переехал в Биробиджан. Слегла моя дочь и стала звать к себе. Я купил здесь домик, где и живу до сих пор.

*Записал Гирш Добин
1935 год.
г. Биробиджан*

ЖИВЭЛИК ЭТЛ ШАЙЭС

49 лет. Родилась в маленьком местечке Пищань около Балт, Каменецк-Подольской губернии. С 1931 года живет в Биробиджане с мужем, который работает на фабрике им. Димитрова, и с детьми.

В 1930 году мой муж работал столяром, делал стулья в Умани. Материалов не было, он стал мало зарабатывать. К тому же у нас было четверо детей. Двое взрослых сыновей уже учились, один в индустриальном, а другой в агротехникуме, двое младших — в школе. Вместо того чтобы они нам помогали, мы должны были им помочь. Тяжело было жить, но отрывать детей от учебы нам не хотелось, как бы тяжело нам ни было. Но каждый день становилось все тяжелее и тяжелее — один кормилец на пять ртов. Мы стали думать о переезде в Биробиджан. В Биробиджане, говорили, можно больше заработать. О Биробиджане много говорили у нас в кустарном клубе. Часто там проводили партии переселенцев в Биробиджан, с музыкой и подарками. Да мы и сами читали книги о Биробиджане и знали, что там есть мебельная фабрика. Это придавало нам решимости туда ехать.

Правда, сколько мы слышали хорошего о Биробиджане, столько говорили и плохого. Приехал один столяр из Биробиджана и рассказывал, что там идет столько дождей, что можно утонуть, что там очень тяжело жить. Нет квартир. И если заработаешь деньги, негде их тратить. Он смеялся над нами, говорил, что мы сумасшедшие, если хотим туда ехать.

Как только мы решили твердо ехать, я сказала мужу: — Шике, нам нужно ехать. Иди в ОЗЕТ, пусть нас посылают.

Тяжелее всего было отрывать детей от учебы. Здесь

каждый ходил в свою школу, а там — кто знает? Говорят, там тоже есть техникум, но кто знает?.. К тому же — жилье: найдем ли хоть уголок, чтобы не остаться под дождем вместе с детьми?

На сердце тяжело, но люди едут. Утешало нас то, что хоть с нашими несчастьями не останемся одни. И мы стали собираться в дорогу. Много собирать нам не нужно было. Кое-что из мебели мы уже раньше продали на рынке, чтобы купить кусок хлеба. И квартира не наша. Мы упаковались и 18 мая 1931 года выехали из Умани.

Из дома мы вышли только с половиной буханки хлеба, больше ничего не было. На станции от ОЗЕТа нам дали 30 рублей, хлеб и 2 кило сахара. Нам пообещали, что по пути выдадут остальное, чтобы мы могли доехать до Биробиджана. В Киеве встретили нас очень хорошо, накормили, напоили, дали еще продуктов в дорогу. Проводили нас еще лучше. На сердце стало веселее, хотя мысли о том, где будут учиться дети, получим ли мы квартиру, не отпускали. Нас снова стали утешать. Что бы ни делал человек, сразу ему плохо? Так что ли? Он все выдержит.

Встречали мы в пути, в Новосибирске, в Красноярске, людей, которые возвращались из Биробиджана, и они начинали нас пугать:

— Куда вы едете с такими маленькими детьми? Они там утонут в болоте, под дождем. А болезни? Там малярия...

Этого уже много. А они дальше пугают, что там ничего не растет. И от того, что не едят овощей, болеют цингой. Там ничего нет. Нужно рассчитывать на то, что везешь. Иначе язык высунешь.

Понятно, что мы расплакались, и не только я, но даже мой старший сын:

— Что же будет с двумя маленькими детьми?

Он их очень сильно любил.

До Иркутска мы ехали сильно огорченные. Один Бог

знает, чего мы только ни передумали. На станциях нам давали есть и пить. Но пища в горле застревала. Мы даже не могли себе представить, как же будем жить в Биробиджане. А обратно уехать уже не было средств.

Только в Иркутске на станции, где мы сутки сидели, к нам подошла молоденькая женщина, которая ехала из Биробиджана, и спросила:

— Куда едете? И что вы сидите расстроенные на подножке?

Я ей и рассказала, что было на сердце.

— Зачем ехать назад? Ни о чем не думайте! Чем занимается ваш муж?

Я ей ответила.

— Стулья делает? — она аж подскочила. — Там же есть фабрика стульев, люди там хорошо живут, с коровами, свиньями, разводят огороды, птицу.

Услышав такое, я стала ее целовать. Передавайте привет Биробиджану! Собственный огород! У детей будут овощи! И цингой болеть они не будут! У меня посветлело в глазах.

Потрясенная, я побежала с детьми к агенту, тоже еврею, и рассказала ему все, что услышала от молодой женщины. Как он обрадовался! Оттуда мы поехали очень радостные, с сердцами, полными надежды, что в Биробиджане сможем наладить жизнь.

Прибыли мы в Тихонькую 4 июня рано утром. Был хмурый день. Начал сильно лить дождь. Стали смотреть вокруг — маленькая станция. Города еще нет. Несколько разбросанных домишек. Пришел наш агент и повел на пункт. Сидела здесь на пункте женщина, еврейка Нэйман (ее фамилию я помню до сих пор), с детьми, завернутыми в одеяло, и кричала, ругала мужа, который стоял подавленный напротив и не мог ей двух слов ответить.

— Зачем мы сюда приехали? Биробиджан! Я уже была в твоей Волочаевке, в твоём Бирофельде, в Валдгейме. Я не хочу здесь быть. Поехали назад в Бердичев — и все!

Как только получу багаж, продам все и поеду назад. Здесь можно и голову свою положить, а в Бердичеве есть все.

Увидев нас, она набросилась и на нас. А я, когда ехали сюда, сшила детям кому платье, кому штаны. Перешила из своего старого пальто, чтобы выглядели как люди.

— Ой, вы приехали в Биробиджан! Вырядились в зеленое пальто! Вы скоро продадите свое старое пальто и поедете обратно!

Я стала просить ее, как просят разбойника — не надо мне камни на сердце класть. Я уже довольна, что увидела Тихонькую.

— Да, она довольна, что увидела Тихонькую. Нашла что говорить.

Я сразу от нее отошла.

В тот же день поехали мы в ОЗЕТ, где работал тов-щ Марясин. Нас хотели послать в Бирофельд, но все наши надежды были на мебельную фабрику. А посылают нас куда-то в Бирофельд. Мы стали отказываться — туда не поедem. Если жилья там нет, то можем некоторое время посидеть здесь, на пункте, а Нафтоли с Рувеном, два сына, пусть едут на работу в Бирофельд.

На том и порешили. Муж пошел работать на мебельную фабрику. Это только говорится — фабрика. Тогда там стояло только одно маленькое здание, да на улице уже был механизированный цех. Работало всего 35 человек. Директором был Рабичев. Потом его сменил Кац. Прямо за фабрикой был лес, там мы собирали ягоды.

Муж начал неплохо зарабатывать. Двое маленьких детей пошли в школу. Было нормально. Единственное, чего нам не хватало — собственная квартира, жилье. Вечером на пункте собирались всякие люди, которые не хотели работать и спать не давали. Потом нас стали выгонять с пункта. Нас пустили в барак рядом с фабрикой. Над головой привязали ключи, на случай, если полет

дождь. Тов-щ Кац хлебнул с нами немало неприятностей. Жилья для нас у него не было, и смотреть, как мы мучаемся, он тоже не хотел.

Помню, летом 1931 года на фабрику прибыла партия литовских переселенцев, и наш директор тов-щ Кац стал им показывать фабрику, жилье, где живут рабочие. А мне так тяжело стало на сердце от того, что у нас нет жилья и я мучаюсь с детьми тут, в бараке. Подошла я к Кацу и говорю:

— Тов-щ Кац, почему вы им не покажете мою квартиру?

— Тов-щ Живэлик, — ответил он мне с улыбкой, а улыбка показала, что он тоже имеет с нас одни несчастья, — наступит время, и вместо теперешнего жилья вам дадут хорошую квартиру.

И тов-щ Кац сдержал слово.

На Октябрьский праздник я уже сидела в новой теплой и светлой квартире, где живу до сих пор. Мы устроили большой праздник. Профсоюз выдал нам на зиму картошку, свеклу, рыбу, жир и птицу. Также и горпо дало картошку, так что нам еще хватило и на посадку.

Зимой подошло еще одно счастье — профсоюз послал моего старшего сына Нафтоли учиться в Ленинград, в институт им тов-ща Молотова. Ему от профсоюза выдали денег на дорогу и на одежду. И по сегодняшний день посылают ему 100 рублей в месяц. В 1933 году управление послало ему костюм, теплое одеяло, 2 смены белья и 2 кило сахара. А в 1932 году второй сын поехал на работу на станцию Ин, на мелиоративную станцию. Когда станцию ликвидировали, он перешел на метеорологическую станцию, стал руководителем станции, где и работал по сей день, пока его не призвали в Красную Армию.

Тяжело мы пережили зиму 1933 года. После наводнения и сильных дождей летом 1932 года никакого урожая не было, коров не было, ничего не было. К тому же я

еще и заболела, была привязана к кровати. Я даже не думала, что останусь в живых. А потом сама пошла в ОЗЕТ, мой муж совсем не добытчик. И там тов-щ Мулер, которая там и раньше работала, стала за нас хлопотать, пока тов-щ Рашкес не постарался найти для меня место на курорте Грязиловск, около Владивостока. На курорте мне оказали большой почет и уважение — наверное, муж добился путевки. Они там представляли, что если меня, неработающую, послали на курорт, значит, заслужила. И меня действительно быстро поставили на ноги.

Раньше срока был построен мебельный цех, приехало много рабочих. Город начал расти, что и не узнать, что здесь раньше было. На моих глазах выросли фабрика «Деталь», здание обкома, большая школа, театр и еще много зданий.

А у меня в доме все хорошо. Что я могу еще добавить? Старик чувствует себя на фабрике очень хорошо. Он очень доволен работой — очень дорога ему фабрика. Он стал сочувствующим, ходит на политзанятия. Его от края премировали за работу в финансовом отделе мясного союза двумя сотнями и грамотой.

Моя Дорка ходит в шестой класс, учится на хорошо и очень хорошо. Говорит, что станет астрономом и будет учиться в Пулковке, недалеко от Ленинграда. Хочет поехать в Гринвич, потому что скоро и там тоже будет советская власть. А Мика, мальчик, хочет быть конструктором на Дальнем Востоке.

Я никогда не могла даже представить себе, что у меня будут такие дети. Отец был бедным маляром. Очень тяжело жили. Родители мужа тоже были бедняками. Его отец был упаковщиком на мебельной фабрике.

Поженились мы в 1910 году. Муж сразу ушел на войну, был в плену. До 1918 года я сама поднимала троих детей. Потом пришли банды и хотели его убить. Тяжелую жизнь прожили. Только сейчас, в Биробиджане,

Гирш Добин

почувствовали, что живем. Нас уважают на фабрике. Мы хорошо одеты. У меня есть корова, свинья, 20 кур, огород, мы вырастили таких больших детей. И что вы думаете, я не знаю, кто все это дал? Знаю — советская власть. Мы бы уже сейчас закончили жить, но пусть жизнь от нас не уходит. Только сейчас знаем мы, что живем.

*Рассказала Э. Живэлик
Записал Гирш Добин
22.11.1935*

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАССКАЗЧИК

В комсомол я вступил в 1924 году, в то время я уже работал в пекарне. В 1926 году жил в местечке. Наша ячейка находилась в клубе кустарей. При комсомоле организовали молодежную группу, а также вечернюю школу, ставили спектакли, вели собрания, спортивные мероприятия. Я был секретарем ячейки. Но в то время положение местечковой молодежи в больших городах было напряженным, это отражалось и в учебе, и в быту. Мы видели, как молодые парни уезжают, а через год-два возвращаются — их уже и не узнать. Они посмотрели мир! Они работают на заводе, учатся. Они гордятся. Начинают и нас уговаривать:

— Дураки, что сидите? Вы же видите, что бы из нас получилось, если бы мы не уехали. Тут нет индустрии, кроме одного-единственного сахарного завода, где все село трудится.

С этими же мыслями ходила вся ячейка. Везде, куда бы мы ни заходили, — в клубе, в кино только и слышали одно — уезжать. Понятно, силы у нас есть, кровь играет. Мы хотели что-то сделать, но так как здесь нечем было заняться, вот и «переворачивали» мир. То у местного врача вывеску перевесим поздно вечером, то скамейки перевернем.

Однажды мы поставили перед райкомом комсомола вопрос, чтобы нас куда-нибудь послали. Райком отказал. Это было массовым явлением. Все комсомольцы хотели уехать.

Как-то в наш клуб попал один деятель культуры, молодой активный парень 35 лет по фамилии Карасик, у которого была семья. Когда-то он окончил сельскохозяйственную школу и сейчас тоже искал способ, как

уехать из местечка.

— Послушайте, — собрал он нас однажды в клубе, — поехали в Крым. Туда сейчас едет много евреев на землю, мы что, хуже других? Туда вас комсомол отпустит.

— На землю? — закричала компания. — Нет, это не наша цель, мы хотим на производство, в большой город. Ехать из местечка в деревню? Нет, это тоже не выход!

И снова все остались при своем.

В марте приносит нам Карасик газету «Эмес» и журнал «Трибуна» со статьей ЦК ОЗЕТа о Биробиджане и со статьей проф. Брука и начинает уговаривать нас ехать в Биробиджан.

Биробиджан — 10 000 километров от центра, где-то на краю света. И вообще, ради чего туда ехать, если земледелие нас не притягивает? Но тем не менее мы стали расспрашивать об этом крае. Принялись искать в газетах, из которых стало ясно, что это за дикий край, где и людей-то нет, где царствуют дикие звери и комары и куда еврейские рабочие едут строить новую жизнь. И как только мы почувствовали, что можем там быть первыми и что это место потребует много сил таких людей, которые не боятся трудностей, то сразу стали еще сильнее интересоваться Биробиджаном. Но что мы там будем конкретно делать, мы пока не знали.

Я переговорил с парнями из ячейки. Они то хотят, то не хотят. Они и сами не знают, но уговорить их можно, если в следующий раз прийти с конкретными предложениями. Я сильно принялся за них. Но тут встал очень важный вопрос.

— Ну хорошо, поработаем в Биробиджане пару лет, сил на это не пожалеем. Засеем поля, застроим дома. Но все же мы молодые парни, в один прекрасный день нам нужно будет идти в Красную Армию, на кого мы оставим все, что успеем сделать?

Оказалось, нам нужно еще пару хороших, работающих семейных людей.

И я пошел с Ханкиным, Борке и Кауфманом к Карасику:

— Хорошо, Карасик, мы согласны ехать в Биробиджан, но нам нужно в нашу коммуну включить еще пару семей.

И рассказываю ему, зачем это нужно, и объясняю, что мы придумали.

— Возьми, так как ты больше всего связан с этой работой, чем мы, сделай список людей, которые хотят ехать. Поезжай в Глухов или даже в Харьков и разузнай побольше, что такое есть Биробиджан, чтобы не получилось из этого ничего плохого потом (тогда еще не было официального государственного постановления о Биробиджане). И как только ты принесешь нам конкретные известия, что мы можем туда ехать, мы уже будем говорить серьезно с райкомом комсомола, чтобы нас отпустили. Договорились?

— Договорились!

Через пару недель влетает ко мне в пекарню Карасик и зовет меня потихоньку выйти на улицу:

— Ну, парень, — говорит он и улыбается, — дело пошло. Я был в Глухове, в райкоме партии, у председателя, и он мне пообещал, что как только придут наряды на Украину за людьми для Биробиджана, он приедет к нам и поможет нам уехать.

Через короткое время присылает нам председатель письмо с государственным постановлением о Биробиджане и наряд на 20–25 человек. Уже через пару дней Карасик показал нам список людей, которые хотят поехать с нами в Биробиджан. Я тут же позвал к себе Кауфмана с Ханкиным, и мы принялись просматривать список. Он нам совсем не понравился. Тут были либо люди из больших семей, либо вообще калеки.

— Нет, такие нам не подходят. С таким сбродом мы в дикий край не поедem. А вдруг что-нибудь не так, нам же головы снесут! Почему бы нам не взять такого еврея,

как, скажем, Брэш, — здоровяк, да и семья — все здоровые работяги, которые просто пропадут без него. Вот без таких ничего не добиться. Правда, он торговец. Ну и что с того, чего бояться? Как только он какой-нибудь трюк выкинет, мы тут же ему крылья обрежем. Ханкин, а почему твой отец не едет?

— Мне он там не нужен! — подпрыгнул Ханкин. — Мало, что ли, он здесь наторговал, он и там себе магазин сделает. Мы должны создать коммуну из молодых комсомольцев. Я против того, что мы должны еще и спекулянтов тянуть.

— Тоже мне спекулянт — человек все годы был извозчиком. Только последние пару лет немного приторговывал. У него что, нет пары здоровых плечей? Есть. А работать он хочет? Да. Можем его взять. А если что, мы же комсомольцы... Будем за ним присматривать.

Так мы долго препирались, кого взять с собой, пока в конце концов не решили позвать нашего агитпрофа Монензона, умного парня, который и не думал о поездке, спросить его совета. Он вообще был за то, чтобы мы уехали из нашего местечка, но только чтобы ехали на производство, в большой город. Но когда он увидел, что вопрос, куда же нам ехать, уже решен, то поддержал мое мнение:

— Если уж брать, то только здоровых, трудолюбивых людей, независимо от того, кем они были. Здесь говорится о людях, которые хотят переехать на новое место жительства. И таким советское правительство поможет... Вы можете их включать в коммуну.

Наутро мы отдали Карасику его список и предложили хорошо «просеять» людей, которых он записал. Мы не хотели вырывать у него инициативу, но там, где он слаб, будем вести с ним политическую работу. Сами же мы приготовили другой список.

Стали подбирать подходящих людей. И по местечку сразу поползли слухи, что мы записываем людей. Слух

дошел до райкома комсомола, и секретарь Файнберг вызвал нас к себе:

— Товарищи, чем вы занимаетесь?

И мы ему честно рассказали.

— Хоть до неба тут пляшите, все равно вас не отпущу!

Я тут же подпрыгнул:

— Я в комсомоле с 1924 года и до сегодняшнего дня не уезжал из местечка даже на день. Дальше я так жить не могу. Если не отпустите меня, я сам уеду.

— Никуда не поедешь!

— А я говорю, что поеду!

— Сдай свой комсомольский билет.

Вот так я серьезно поругался с Файнбергом. А то, что мы собираем людей, то пусть его это не волнует.

— Ладно, мы не поедем, люди сами поедут. Но подготовить их к поездке в Биробиджан мы ведь можем!

Вышел я от Файнберга все равно вдохновленный.

Через 5 дней приехал начальник крайкома партии Лесин, старый партиец. Мы хорошо с ним посоветовались, объяснили всю ситуацию, и он уехал в райком. Через день он вернулся. Перед своим отъездом он попросил созвать комиссию по набору людей, которые поедут в Биробиджан, но о том, как мы вели себя в комсомоле, он ничего не говорил.

Мы создали комиссию, в которую вошли председатель земельного отдела района, я, Кауфман и Карасик. И стало к нам приходить много людей. Поднялась молодежь. Как только выдавалась свободная минутка, так сразу начинали говорить об отъезде. Старики испугались и отказывались. До апреля, когда мы узнали, что получили наряд на 20 человек, мы перебрали людей, но никому не отказали.

Только сейчас наступило время решать, кто же поедет. Но мы все еще не знали, что будет с нами. Тогда мы написали персональные обращения и отослали вместе с Ханкиным в крайком партии, однако крайком ему

отказал. Он обратился за помощью к Лесину. Тот приказал ехать обратно домой и снова пообещал нам чем-нибудь помочь.

Несколько дней мы были как несущки на насесте, не знали, на каком мы свете. Мы все еще надеялись на помощь Лесина. Нам сообщили, что 10 апреля бюро комсомола будет специально ставить вопрос о нас, и мы тут же отправились в комсомол. Теперь-то нам разрешили ехать. По-видимому, это крайком партии повлиял.

Но Файнберг, секретарь комсомола, сказал:

— То, что мы решили вас отпустить, ничего не меняет. Мы сами выберем, кто с вами поедет.

И он взял список людей, который мы составили, и выбрал из всего списка только 14 здоровых комсомольцев и еще пятерых средних лет, как Брэш и отец Ханкина.

28 апреля мы собрались на собрание, все 14 комсомольцев, и выбрали бюро. В бюро вошли Кауфман, Шифрин и я, а кандидатами — мой брат и Ковалев. Секретарем ячейки выбрали меня.

— Вот теперь, — сказал Файнберг, — можно ехать. Мы посылаем в Биробиджан целую комсомольскую ячейку. Нам бы хотелось услышать о вас теплые отзывы, что вы настоящие строители социализма на Дальнем Востоке, на границе с Бирой. Настоящие комсомольцы!

Потом, как полагалось, прощальный вечер, где были представители крайкома партии, райкома, райисполкома и комсомола. Нам принесли подарки. Произносили пламенные речи. Потом мы и сами отметили этот день, немного погуляли, а потом отправились в Биробиджан как вновь организованный коллектив «Первомай» — не коммуна, а коллектив, иначе нас даже не хотели и формировать. Но в дороге мы все равно собрали собрание и решили назваться коммуной «Первомай». Председателем выбрали Карасика, заместителем — меня.

В Иркутске нас встретил представитель ОЗЕТа Баскин. Под Байкалом нас обогнала Прилуцкая коммуна «Наш путь», которая ехала с почтовым составом. Поэтому мы послали Мэйшке Красовицкого с Ханкиным, чтобы они ехали вперед и подготовили нам как можно быстрее все, что нужно, даже палатку, где мы поселимся.

19 мая, когда мы прибыли на станцию Тихонькая, выяснилось, что Красовицкий с Ханкиным приготовили нам только палатку с сеном на полу. Рядом стояли два ряда палаток коммуны еврейского педтехникума, минской группы, на том самом месте, где сейчас стоит банк и где находится склад горпо, рядом с Бирой.

Когда мы узнали, что едем куда-то в Тиханов, или Тихань, или Тихонькую (каждый толковал это название, как ему хотелось), то и не предполагали, что нас там ждет. Но вот мы и здесь. Маленький полустанок, такой, где останавливаются проходящие товарные поезда. Похож на нашу Шолимовку, сказал кто-то, такой же полустанок. Деревня — не деревня.

Пара домиков налево в сторону Валдгейма, пара — на Раздольное, пара — напротив вокзала, рядом с переселенческим пунктом — барак и коричневое здание, дальше — избушка, где сейчас располагается контора заготзерна, направо, через улицу, пекарня, сейчас на этом месте двухэтажный дом облисполкома, почта напротив, где сейчас союз меховщиков. Еще пара домов, где жили и работали тов-щи Финкельштейн и Бейнфест. На месте кухни ИТР были китайский магазин и пара сараюшек, а на том месте, где сейчас контора автотранспорта, — еще дом.

Мы стали переносить свои вещи в палатку. Наступила ночь. За палаткой, на том месте, где сейчас рынок, рос лесок. Болот тогда было много. Мы слышали ржание лошадей. Хотели пойти посмотреть на лошадей, которые нам приготовил ОЗЕТ, но Карасик нас не пустил.

— Ложитесь спать, — сказал он, — сначала отдохните с дороги. А завтра с утра решим, что делать.

Все улеглись спать. Я и Ханкин остались дежурить. Везде вокруг палаток разожгли костры, смотрели за ними, это и было наше дежурство. Ночью мы ходили от одного костра к другому, знакомились с людьми. Около некоторых костров уже стояли лошади с повозками.

Утром Карасик ушел к Финкельштейну в ОЗЕТ и зарегистрировал нас. Позже Карасик рассказал, что можно выбирать лошадей и ехать выбирать место. Мы созвали собрание и решили не ждать и ехать в Опытное Поле. Нужно подготовиться к работе. Нужно не упустить ни одного дня. Только вечером пришли товщ Бейнфест с Финкельштейном и попросили нас побыть здесь еще пару дней. А мы пока стали готовиться в дорогу.

Я узнал, что Финкельштейн — партийный, и стал спрашивать его, как нам поступить с нашей комсомольской ячейкой. Все наши дела находятся у меня. Должен ли я их отвезти в Хабаровск? Он познакомил меня с Бялиным, которого выбрали руководить всеми комсомольцами, прибывшими сюда, он и забрал у меня все документы.

Вечером налетел ветер, стало порошить и намело много снега. Засыпало домишки, повозки, лошадей. Было очень холодно. В палатке сидеть мы не могли. Стали искать, где спрятаться от снега. Наконец забрались на чердак крестьянского дома, на этом месте сейчас стоит контора автотранспорта, и расположились там на ночь. Снег нас сильно испугал. В конце мая — такой снег! Мы такого никогда в жизни не видели. Но утром, когда мы встали и собрались запрягать лошадей, никакого снега уже не было. Светило солнце. На сердце снова стало веселее.

На площади, где стояли лошади, была суeta, как на ярмарке. Кричали, ругались... Одному нравилась

эта лошадь, подходит второй и говорит, что вчера он ее себе уже приметил. Крутили хвосты. Осматривали зубы лошадей, копыта. Больше всех в лошадях разбирались Ханкин и Карасик, они и выбирали лошадей, записывали, а мы их забирали.

На запись образовалась целая очередь. Ханкин уселся верхом на лошадь и свистом и криком хотел показать, что он умеет ездить, но лошадь сбросила его на землю, да так, что он едва поднялся. Все стали смеяться, лошади разбежались. Нам пришлось еще собирать их, бегать, хватать в спешке, так что весь день собирали лошадей. К тому же за лошадьми пришло так много людей, что мы не успевали их записывать и подписывать накладные. И лошадей было много, все хорошие. Одна лучше другой. Чем больше выбираешь, тем сложнее. Глаза разбегаются. Хочется забрать самого лучшего коня.

На следующий день снова выбирали лошадей, грузили повозки, собирали продукты, фураж. Потом уже и не знали, чем заняться. Принялись вязать канаты и расчищать небольшой отрезок дороги от палаток вплоть до парома. К вечеру чуть не разорвали Карасика на кусочки, уговаривая его ехать в Опытное Поле. Нам так хотелось попасть на место и что-то начать делать. Тут мы почувствовали, что здесь, на чужбине, как на шумном вокзале. Стали смазывать колеса, готовить упряжь, запрягать лошадей. Мы услышали, что тов-щ Рашкес с проф. Бруком приехали и наутро соберут общее собрание, после которого мы и поедем искать место. Мы остались ночевать.

Назавтра в полдень на то место, где сейчас стоят склад горпо и ОЗЕТ, привезли две телеги, покрытые досками, сделали своего рода трибуну, где тов-щ Рашкес держал речь. После него выступили проф. Брук, тов-щ Бейнфест. Они нам предлагали очень важную работу, которую мы собирались делать, сказали, что уже раз-

делены участки, говорили, что мы должны строить дома. Мы задавали им много вопросов. Собрание закончилось поздно ночью. На собрание пришли также местные жители — мужчины, женщины, дети. Потом молодежь собралась отдельно и начала петь. Разожгли большой костер и почти до утра танцевали вокруг него. Во всеобщем веселье участвовали и местные казаки.

Утром, когда еще было темно, целый палаточный лагерь, повозки и люди стали собираться в дорогу. Тут стали кричать на лошадей, которые не были запряжены. Послышался скрип телег. Тревожились те, кто хотел выехать во главе колонны, и те, кто не хотел плестись в конце. Когда подъехали к парому, который больше двух повозок сразу не мог разместить, шум усилился, начали ругаться.

Только поздно вечером подъехали на 12 километр. Мы бы и дальше поехали, да только дорогу перегородила небольшая речушка, да и темнело быстро. Мы побоялись перебираться через незнакомую речку, вокруг не было никаких мостов, поэтому и остановились на ночевку.

Трое суток ехали до Опытного Поля, дорога была очень плохая. Болота, ямы, забросанные деревьями и чурками. В Опытном Поле на огороженном проволокой месте стояли пара домиков и большое длинное здание, где раньше был загон для коров. В этом загоне уже жили Черноброд со своими товарищами из Смоленска и часть людей, которые одновременно с нами выехали из Тихонькой, но приехали раньше — они еще вечером оказались на этом месте. Мы разместились в пристройке, заставили двор повозками, продуктами, развели костры и начали готовить еду.

Утром Карасик с двумя парнями из нашей компании поехали искать участок. Оставшиеся с пилами и топорами отошли недалеко от Опытного Поля, чтобы рубить лес и вывозить его. Компания Чернобрда уже за-

готовила немного.

Вечером приехал Карасик и рассказал: он был на участке Озерного, на других, но они ему не понравились. Есть еще один участок — Алексеевка. На следующий день он вместе с Гуревичем из коммуны «Наш путь» и с ее председателем Айзманом поехал туда. Карасик вернулся из Алексеевки радостный — участок ему понравился.

Утром мы поехали в Алексеевку ставить палатки и сооружать нары. Для каждого нового человека — нары. Вокруг каждой палатки стоял небольшой лесок, кустарники, сопка — дикие заросли, в 4 километрах отсюда — река Бирушка. Карасик уехал в Опытное Поле и привез оттуда инструктора Ажакова с различным сельскохозяйственным инвентарем, чтобы мы засучили рукава. Решили приступить к рубке лозы и деревьев для устройства загона для лошадей, а также начать искать подходящий для строительства домов лес, так как рядом ничего подходящего не нашли.

Карасик с несколькими парнями уехал на лошадях искать лес. Остальные с помощью инструктора взялись запрягать лошадей, приделав к упряжи плуги и бороны. Так снарядили 6 лошадей, но они не смогли вспахать глубоко заросший слой грунта. Мы сильно измучились, пока вспахали 3 га земли. Так продолжалось пару недель. Карасик нашел на 5 километре от нашей палатки лес, но доехать туда на повозках и вывезти лес мы не смогли, так как сначала нам нужно было проложить дорогу: спилить деревья и отнести их в сторону. Мы проложили дорогу и принялись рубить лес. Только тогда, когда нарубили лес и должны были доставить его на место, увидели, что самый тяжелый участок работы еще впереди. Каждое бревно нужно было 4-5 раз снимать с повозки и на плечах переносить через болото, трясину, кочки.

К такой «хорошей дороге», к тяжелой непривычной

работе присоединились комары. Мы не могли избавиться от них. Они затмевали солнце. Налетали они на нас так, что мы не могли дышать. Лица расчесанны, ноги от сырости и укусов комаров все в ранах. Но все-таки мы молчали, так как знали, что нам нужно все это вытерпеть. Мы же приехали в дикий край! В июле, когда приехали косить сено, мы уже построили загон из лозы и стали его обмазывать. Работы было много: корчевать, косить сено, рубить и вывозить лес. Часто приезжали к нам тов-щи Финкельштейн, Бейнфест, Фейгин и Шемен посмотреть, как идут дела.

Полили дожди. Когда выдавался редкий солнечный день, мы сразу бежали собирать сено, сушили его и собирали в стога.

Мы накопили пару тысяч пудов сена, и хотя у нас был инструктор, который нас учил косить и собирать сено, мы так сложили стога, что дождь их пробил и сено стало портиться. Когда спохватились, было уже поздно — сено сгорело.

Несмотря на дожди, несмотря на все трудности, мы не прекращали работать. Я помню, как сейчас, 14 июля рано утром, когда мы должны были ехать в Опытное Поле выбирать первый еврейский сельсовет Биробиджана, мы сначала поехали в лес пилить бревна. Хотели потрудиться и поехать немного раньше на праздник. Но в лесу было так много комаров, что мы не видели ничего вокруг. Постоянно чесались, отмахивались от комаров, которые тучами кружились вокруг и ничего не давали делать. Лошади не могли стоять спокойно, стали вырываться, разбегаться. Дошло до того, что мы бросили работу, запрягли лошадей и галопом помчались из леса. Однако как только приехали в Опытное Поле, тут же все забыли. Здесь уже праздновали, да так весело!

Впервые в жизни люди искренне радовались, что у них есть избирательное право. Здесь закладывали фундамент будущего центра Биробиджана. На праздник

приехали представители края, жители окружающих деревень. Были Рашкес, Бейнфест. Телеграммы приходили со всего света — с Украины, из Москвы, Минска и Америки. Гуляли сутки, поставили спектакль «вокруг». Сцену устроили в коровнике. Получился настоящий большой праздник, с хорошей едой и пламенными энтузиастскими речами.

После этого утром, когда мы приехали домой, к палаткам, начали лить дожди, сплошные дожди. Тихо. Кажется, только капнуло, и начало лить не переставая ночью и днем. Мы уже не могли выйти на работу. Лежим в палатке и слушаем, как дождь барабанит по брезенту. Позже палатка уже полна воды. Лежим так день, два. Хотели разжечь огонь — не смогли, пока не показался луч солнца. Разложили костер как попало. Поели и снова заползли в палатку. Вскоре кончилась еда.

Карасик уехал с человеком из коммуны «Наш путь», который тоже поселился на этом участке, в Опытное Поле за едой, но пропал. Мы ждем, вечером должен был приехать. Уже и ночь настала, но Карасика нет. На рассвете видим, кто-то приближается к нам. Это был Карасик.

Он стал рассказывать: выехал из Опытного Поля на повозке, на реке Ушумун снесло мост, так как вода сильно разлилась. Поехал новой дорогой в Алексеевку и там обсушился. Короче, там он оставил повозку с хлебом, крупами, лошадьми, всем. И не только он, но и человек из коммуны «Наш путь» тоже. Поэтому мы должны были идти пешими. Оставили в палатках только девушек. Скоробогатов с Санькой Лифшицем и мы все поехали спасать продукты. Пока ходили за повозками и вытаскивали их, хлеб превратился в месиво. Мы запрягли 10 человек в повозку и, идя по горло в воде, тянули их.

Единственной едой, которая осталась целой, были рис и другие крупы, которых хватило на пару дней. Дальше

пришлось голодать, так как поехать в Опытное Поле мы уже не могли. Кроме того, в Опытном Поле уже нечего было брать, так как ничего не привезли из Тихонькой. Стали думать: может, начать искать что-нибудь в лесу, чтобы хоть как-то утолить голод? И нашли. Не так далеко от нас росли орехи. Правда, они еще не созрели, но это лучше, чем от голода умереть. По дождю с мешками на голове выходили мы с ведрами рвать орехи, потом целыми днями лежали в палатках, щелкали орехи и рассказывали анекдоты. Мы так сами себя поддерживали.

Услышали мы не совсем хорошие новости от коммуны «Наш путь». У них началась война. Оттуда стали разбегаться люди. Мало того, кто-то принес новости, что в Опытном Поле и Алексеевке начался падеж лошадей от сибирской язвы. Стали мы ухаживать за лошадьми. На травы их старались не выпускать, приносили им сено в конюшни, никуда на них не выезжали, но ничего не помогало, несчастье подбиралось все ближе.

Сначала погибли лошади в коммуне «Наш путь», а потом и у нас. Стали спасать лошадей. Как только видели, что набухает под горлом, начинали их поливать водой. Сами оборванные, с ранами на ногах, на руках, на плечах. Несмотря на сырость и грязь, с последними силами взялись за лошадей.

Но, несмотря на все наши усилия, лошади погибли. Теперь мы должны были вывезти их на сопку и там сжечь. Железные сердца нужно было иметь и нечеловеческие силы, чтобы выдержать все испытания. Но наша компания была не самая плохая, намного лучше, чем в коммуне «Наш путь». Все молчали, пока однажды утром не пали две молодые лошади, которых мы больше всего любили. Среди них — Колчак, самый любимый.

Когда мы узнали, что Колчак не ест и, кажется, нездоров (мы даже боялись об этом говорить), все побежали в конюшню. Колчак стоял и хрипел. Стали лечить

его всеми возможными способами, но через два часа все было кончено. Это была уже третья лошадь у нас. И тут уже никто не сдерживался. Старый Ханкин схватился за голову и стал плакать:

— Эх, Колчак... Если Колчак пал, то зачем мне нужна вся эта работа тут?.. Я не хочу! Мне уже ничего не надо!

Тем временем в Александровке (Бирофельд) от сибирской язвы умер один человек. Вскоре там умер еще один, старый крестьянин Кузьменко: он не смог закопать двух погибших лошадей, а просто засыпал их землей.

Брэш со старым Ханкиным стали жаловаться:

— Что с нами теперь будет? Мы все сгнием, как лошади!

Несчастье было таким большим, что шутки были ему подобны: «А кто же нас сожжет?»

— Лошадей у нас теперь нет. Да и других нам больше не дадут. Не к чему нам теперь приложить свои руки, и до каких пор мы будем тут сидеть?

— Домой. Мы должны ехать домой.

Обычно дядя Ханкина был хорошим работником. А сейчас не получается у него слезы не лить. Начал он тянуть печальную мелодию из «Инсанэ токеф»: «Ми вамаим уми ваейш» — да так, что страх напал на каждого. На сердце становится еще хуже, чем было. Садится он и причитает, а мы крепимся, но потом начинаем на него кричать:

— Что ты ведешь себя, как ребенок? Заткни горло кулаком и молчи! Мы не обязаны слушать твои всхлипывания!

— Нет, я не буду, — оправдывается он, но становится еще горше. И снова из глаз его текут слезы.

Тут же лежит Брэш, опухший, покрытый ранами, завернутый в одеяла: «Отпустите меня домой». Обычно он веселее всех, не обращает внимания на боль. А тут все время повторяет одно и то же: «Отпустите меня домой».

Когда становится еще хуже, к ним присоединяется Лакшин, комсомолец, но отсталый парень: «Что нам тут пропадать?» И начинает жалобно тянуть песню «Я умру, похоронят...».

Ковалев, больной парень, комсомолец, тоже стал вспоминать о доме, о семье, натянул на себя одеяло и лежит всхлипывает. Борька Ханкин не смог молчать, увидев, что Ковалев плачет. Стал он его утешать, говорить, что семья приедет за ним. Утешал, пока не разозлился:

— А если ты умрешь, и что?! Ты же знал, ради чего ехал сюда. Думаешь, ты единственный, с кем происходят эти несчастья? Взгляни на Тевла Закса, он лежит с простуженными легкими и молчит, а не плачет, как ты.

Тевл Закс, комсомолец, был действительно тяжело болен: кроме того, что у него были больные легкие, все тело его было просто усыпано чирьями. На ноге у него был такой нарыв, что все пугались — может, это начало сибирской язвы. Фельдшер Алексеевки сказал, что он должен делать прижигания. Он не стал ждать, когда фельдшер будет делать прижигания, сам накалил кусок железа на огне и приложил его к ноге, да так обжегся, что до сих пор лежит.

Короче, стало совсем плохо. Мы стали совещаться, что делать дальше. Многие говорят, что забрасывать работу совсем не нужно. Ехать домой стыдно, разве нет? Мы должны уехать отсюда, пока сибирская язва не отступит. А сейчас мы должны поехать куда-нибудь поработать. Но часть все равно кричит — домой! Черти нас сюда принесли!

Обратились к Карасику. Сначала он крепился, но потом заплакал. Нужно, сказал он, созвать собрание. Но прежде всего нам нужно было собрать комсомольцев. Нас было здесь 1(?) комсомольцев. Двое недавно поехали на курсы трактористов в Опытное Поле. Где же нам было созвать комсомольское собрание, если у нас только одна палатка? Тогда мы составили две повозки, сделали меж-

ду ними крышу из мешков, чтобы нам дождь не мешал, расселись и открыли собрание. Собрание длилось с 10 часов утра до самого позднего вечера. На повестке дня стоял один-единственный вопрос: может ли коммуна существовать дальше? И где выход из сложившегося положения?

Каждый говорил по несколько раз. По каждому вопросу возникали горячие дебаты. Было рассмотрено два предложения.

Предложение Шифрина: мы потратили много государственных денег. Лошади, дорожные расходы, то, что мы здесь съели, инвентарь. Взять и так уехать в Биробиджан мы не можем. Единственный совет — на время эпидемии, значит, до морозов, выехать организованно, как коммуна, в Хабаровск на работу. А потом сразу вернуться назад.

Второе предложение — от бюро: что касается беспартийных, кто чувствует себя больным — отпустить, пусть едут куда хотят. Мы их удерживать не станем. Что касается комсомольцев: запретить комсомольской ячейке двигаться с места. Если здесь плохо, то мы должны все это пережить. Мы — коммуна, где большинство — комсомольцы. Нельзя идти вслед за отсталыми элементами. Даже если это будет стоить многих жертв, мы не должны двигаться с места. Мы должны прекратить хныкать, мы должны петь.

Стали голосовать. Голоса распределились — 6 за постановление бюро. Но тут встал новый вопрос: что скажут наши двое комсомольцев, которые сейчас в Опытном Поле? За какое предложение они будут голосовать? Вопрос-то принципиальный. Мы должны вынести его на общее собрание всей коммуны. Шифрин снова выступил против предложения бюро, он утверждал:

- Это вопрос, который связан с жизнью 18 семей... Не можем мы так...

Мы вызвали к себе Абрашку Гуревича из коммуны

«Наш путь», старшего товарища, члена партии, который был прикреплен к нашей ячейке.

Спросили у него, что делать. Абрашка поддержал предложение бюро, сказал, что нам вовсе не надо ждать, что скажут те двое комсомольцев из Опытного Поля. Тогда мы созвали общее собрание в палатке под дождем. Собрание длилось пару дней, с перерывом только на еду и сон.

Сейчас на общем собрании мы поставили вопрос о том, что, как только прекратятся дожди, нужно начать строить дом, а также о положении в коммуне, т.е. о том, что есть трое человек, которые хотят уехать: Брэш, Ханкин Хаим и Берлин — можно ли их отпустить.

Они оправдывались тем, что дома у них очень тяжелое положение. Денег они не зарабатывают, а посылать что-то надо. К концу решили попросить ОЗЕТ выдать им небольшой кредит, чтобы они могли послать деньги своим семьям. Так мы немного развеяли грустные мысли об отъезде.

Через несколько дней после собрания к нам приехали тов-щи Бейнфест, Финкельштейн и Пайкин. Они нам рассказали, что из Тихонькой в Алексеевку трактор привез продукты. Он плелся 10 дней. Стало немного веселее.

Вскоре Карасик получил немного денег от ОЗЕТа. Отправили по 40—50 рублей семьям Ханкина и Берлина. Карасик привез бригаду строителей. И как только прекратили лить дожди, мы принялись снова возить лес для дома на 4 лошадях, единственных, которые у нас остались. В начале октября Брэш уехал домой.

Собрав лес для дома, мы поехали на 22 километр от Тихонькой. Мы торопились быстрее закончить дом, но морозы наступили гораздо раньше, чем мы рассчитывали. Стали подумывать о переезде куда-нибудь временно в деревню, как то сделала коммуна «Наш путь». Но мы боялись, что, как только двинемся с места, все разбе-

гутся. Бюро даже выпустило постановление, что мы должны жить в палатке, поторопиться с окончанием строительства дома, покрыть его и установить железную печку, чтобы можно было перебраться в новое жилье. Но на этот раз постановление бюро мы не выполнили — в начале ноября стало так холодно, что мы уже не могли спать в палатке. Никакой теплой одежды, кроме шуб и шапок, у нас не было. Тогда мы сняли квартиру в Алексеевке, у Маркьянчика. Жили все вместе в одной комнате. Каждое утро мы шли 6 верст к строящемуся дому, помогали его закончить.

Октябрьский праздник мы гуляли в Опытном Поле. Поставили сцену, стали говорить пламенные речи, танцевали и гуляли. Забыли все наши заботы.

После праздника снова поехали рубить лес и помогать в строительстве дома. Немного позже Ханкин с Карасиком уехали на Украину вслед за четырьмя первыми семьями, для которых мы готовили дом.

А партячейку из Опытного Поля и тов-ща Бейнфеста отправили на Зубарскую ветку рядом с Хабаровском, где наши переселенцы рубили лес. Там с ними не все было в порядке.

*Записал Гирш Добин
1935*

РИМСКИЙ АВРОМ ЯНКЛС

Родился в 1882 году в Бердичеве. С трех лет жил в сиротском доме. Там воспитывался, стал столяром. До 1929 года работал в столярной мастерской в Бердичеве подмастерьем. В этом же году приехал с семьей в Биробиджан. До 1931 года работал в Сталинфельде, с 1931 года — в стройконторе г. Биробиджана, где и работает до сих пор. Бригадир, ударник, премирован 8 раз.

Когда мне было три года, мой отец, который был носильщиком на мельнице в Бердичеве, умер. Моя мать осталась с тремя детьми. Она отдала меня в сиротский дом, где попечителями были Розенфельд и Шлоймэ Лихтенштат, большой богач. Там нас учили всем еврейским предметам и ремеслу. Там я и стал столяром. Когда мне исполнилось 12 лет, отдали меня столяру на работу на три года. Как только я стал зарабатывать деньги, начал задумываться о том, чтобы поехать куда-нибудь повысить свою квалификацию.

Я поехал в Киев и там устроился работать в мастерскую к русскому Костакову, где кроме меня работали еще 20 нелегальных рабочих за 6 рублей в неделю. Вскоре полиция пронюхала, что у меня нет права жительства, что я еврей, и меня по этапу отправили обратно в Бердичев. Шел я с этапом 2 месяца подряд, продал все, что было на мне, все до последней рубашки.

В Бердичеве я нанялся на работу к Мейеру Вайсборду за 5 рублей в неделю, лишь бы немного одеться. Я был так оборван и раздет, что меня и в дом не хотели пускать. В мастерской я познакомился с революционными рабочими. Мне доверяли разбрасывать прокламации в старой синагоге, пока все стояли на молитве «Шмонэ Эсрэ». Пару раз я распространял прокламации и в ста-

рой фельдшколе. Прыгал несколько раз в окно, когда нас чуть не схватили. Один раз я действительно попался. Меня и Янкла Мулера сразу отвели в полицию к приставу Салавильскому. Нас посадили. За нашу работу Янклу дали 5 лет, а мне, как несовершеннолетнему, за которого заступился Лихтенштат, 6 месяцев.

К 20 годам я женился, уже надоело питаться у чужих. Обычно я ел у Иосла-носильщика, бедного еврея, который с меня брал большие деньги, но еды почти и не давал. Взял я дочку столяра из семьи Клейманов. Через год у меня уже родился сын. Я работал в столярне у разных хозяев, на фабрике «Победа», и на Зеленой горе для Красной Армии до 1928 года.

Как и все, я пережил погромы, Гражданскую войну, остался совсем без работы. Не было места, где можно было заработать хотя бы на обед. Просто не было никакой работы, а если и могли работать, то не было материала — ни дерева, ни гвоздей. Много рабочих ходило без дела, как и я. Но никому не было так плохо, как мне.

К тому времени у меня, чтоб не сглазить, уже было 5 детей, кроме меня и жены, все хорошие едоки. В начале 1929 года стало так плохо, хоть вешайся. Хлеб стоил уже 3-4 рубля. Мы стали распродавать из дома вещи, все, что могли. Я крутился, искал, где подзаработать, бился как рыба об лед, но все равно не за что было ухватиться. Однажды, уже и не помню когда, услышал, что стали говорить о том, что люди едут в Биробиджан. Начал прислушиваться, расспрашивать, что за край-то такой. Рассказали мне, что Биробиджан — еврейский город, что там есть много работы, там идет большое строительство и что там сильно нуждаются в рабочих.

Собрались мы группой рабочих и пошли в ОЗЕТ. В ОЗЕТе тогда работал некто Табачников. Он нас принял и рассказал правду:

— Не думайте, товарищи, что в Биробиджане будут падать вареные голубки с неба. Биробиджан — дикий

край. Если поедете туда, то надо работать. И чтобы нам никаких претензий не предъявляли, если первое время будет тяжело. Там ничего нет, может быть, вы не найдете жилья, будете там тяжело трудиться. Помощь, однако, будет оказана большая. Если вы чувствуете себя здоровыми и не боитесь трудностей, вы все пройдете и сможете там жить.

«Ладно, я подумаю. К трудностям я уже привык. Чего бояться, руки у меня есть, работать я хочу! Заработаю на жизнь, чего мне еще нужно! Я там не пропаду!» — подумал я.

И я сказал, что поеду. После меня стали говорить и другие рабочие. Так и набралась группа из 10 человек. ОЗЕТ проверил у нас документы, так как не каждому разрешали ехать в Биробиджан. Потом послали нас и наши семьи на медосмотр. 22 апреля 1929 года мы выехали в Биробиджан. Выдали нам в дорогу воды и 20 рублей. Со мной поехали жена и дети. Среди 10 человек были Кисковецкий, Скакин, Рабинович, Березницкий, Шварцман, Лернер, Канторович.

Большого шума наш отъезд в Биробиджан в Бердичеве не вызвал. В Москве, наоборот, нас встретил представитель ОЗЕТа. Нас повели в баню, в дорогу выдали еды и талоны на горячую пищу, и мы поехали дальше.

В Биробиджан мы приехали 22 мая 1929 года вечером. Поезд остановился рядом с семафором. Было очень темно. Искали станцию, город, но никакого знака не нашли. Вдоль линии темно от деревьев и кустов. На нас напал страх. Дети расплакались и жена. Мужчины тоже едва сдерживались.

— Нас обманули. Как каторжников, нас забросили так далеко, за 13 000 верст. Мы пойдем утром в ОЗЕТ, и пусть нас посылают обратно. И пусть дадут денег на обратную дорогу!

Так мы долго бурчали, проклиная ОЗЕТ, пока не увидели, что к нам приближается огонек. Это приехал

агент с фонарем. Мы все пошли в барак, который стоял за линией напротив амбулатории, на том месте, где позже была, а потом сгорела швейная фабрика. Там были нары, и мы улеглись спать.

Утром пришел тов-щ Канторович и сказал нам, что мы должны ехать в Нагибово, по Амуру, и что он тоже поедет с нами. Он попросил нас немного отдохнуть. Нам выдадут на 5 дней продуктов, и мы поедем из Хабаровска на пароме в Нагибово.

В Хабаровске нам пришлось ждать парома 12 дней. Сошли с парома рядом с Нагибово поздно вечером. Тут лили сильные дожди. Вода по колено. Еще хуже, чем в Тихонькой. Пришлось пешком в темноте идти вместе с детьми версты две. Тов-щ Канторович все время нас успокаивал. Вдруг посреди поля нам попался небольшой барак с железной печкой. Мы затопили печку и стали сушиться. Мы промокли, устали, измучились. Тов-щ Канторович спросил, хотим ли мы есть. Есть? В горле ком, хочется только плакать, а не есть!

— Куда ты нас завел?

— Ничего, — говорит тов-щ Канторович, — к чему плакать? Утром вы выйдете и увидите место, немного осмотритесь. Я повезу вас в Бутылкино, туда, где будут строить целый завод для производства машин и тракторов. Говорю вам! Вы сами увидите!

Рано утром мы вышли осмотреть место, где будет завод — кругом одни болота, глушь. А тут мы еще бродим в туфлях и тулупах. В Бутылкино стоит небольшой барак. Здесь уже жили 10 мужчин-переселенцев, среди которых инженер с десятником. И больше ничего. Место просторное, около Амура, леса нет — одна степь. Кроме того, с десятков казачьих домов, которые стоят за версту один от второго. Да и в самом Нагибово тоже не больше чем пара домишек. Снова к нам приехал тов-щ Канторович.

— Прежде всего, — говорит он, — товарищи, нужно

поест. Потом вы дня три отдохнете, осмотритесь, пока не приметесь за работу. А пока, чтобы вам не было так грустно, я по пути купил сеть. Кто захочет, может идти рыбу половить. Также даю вам пару лошадей с телегами, чтобы у вас было на чем возить рыбу. Идет?

Мы все рассмеялись. На что нам повозки с лошадьми, если можно пойти и взять уже готовую рыбу? Еще в баню не вошел, а уже парится. И мы все еще сильнее засмеялись.

— Послушайте-ка, тов-щ Канторович, хватит насмехаться над нами, если вы нас завезли в такую глухомань. Хотите снова над нами посмеяться, когда кровь уже льется из наших глаз? Оставьте, просим мы вас, мы уже достаточно наказаны.

Канторович твердит свое, говорит он вполне серьезно:

— Если вы думаете, что я смеюсь над вами, то я могу подойти к местному казаку. Он с вами пойдет ловить рыбу. Тогда посмотрите, обманул ли я вас и смеялся ли я над вами. Что вы за люди! Вы же не знаете, что это за земля, а наговариваете. Если не будете лениться, то сможете тут стать счастливыми, сытыми, одетыми и радостными.

Он скоро до небес допрыгнет. Мы ему не верим. Мы стоим и ждем. Он привел казака. А казак привез с собой телегу с лошастью. Забросил сеть на повозку и попросил взять с собой пару ящиков, ложки, хлеб и топоры. Он везет с собой полмешка картошки. Мы следуем за ним молча, выполняем все, что бы он ни сказал. Наконец, мы выехали — шесть мужчин и казак седьмой. Остановились в верстах шести от Бутылкино у маленького озера.

— Вот здесь, в рыбном озерце, и будем ловить рыбу, — говорит наш казак.

Мы тихо засмеялись, чтобы казак не видел:

— Ему что, не ясно, или он сумасшедший? Что, вот

здесь мы наловим целую повозку рыбы? В этом озерце? Глядеть не на что!

Просит он нас раздеться, так как нужно зайти в воду. Но кто не может плавать, пусть скажет. Этим он даст другую работу — нарубить дров из молодых дубков и разложить костер, набрать воды и начистить картошку.

Вчетвером, кроме казака, мы разделись, взяли сеть и пошли на озеро. Он нам показал, как идти с сетью. Прошло около часа, прежде чем мы смогли натянуть сеть над водой. Сеть большая, 75 метров в длину. Казак стал кричать, чтобы мы быстрее ее натягивали, а потом соединили концы и вышли на берег, чтобы не упустить рыбу. Мы стали тащить сеть, а она не тянется. Начали кричать: тяжело! Может быть, сеть запуталась в бурьяне. Она же весит сто пудов, чтоб я так жил.

А он продолжает кричать:

— Тяни! А ну, тяни! Да быстрее, чтобы рыба не разбежалась. Рыба! Рыба!

А я стал успокаивать компанию:

— Молчите уж, какое вам дело? Он говорит — рыба, пусть будет рыба. Вам же не в магазине торговать. Тяните, и готово.

Вышли на берег. Взглянули — что-то шевелилось в сети, кипело, как в котле. Вдруг увидели — большая рыба начала подпрыгивать и тянуть сеть обратно в воду. Мы прыгнули, зашли в воду и поймали ее. Тут от радости все начали кричать, свистеть, хватать, бить рыбу, чтобы она не ушла в воду. Мы так вошли в раж, что не услышали, что казак кричит взять веревку и сделать залом, чтобы рыба, сазан, не выпрыгнула из сети.

И вот он кричит, чтобы ему быстрее подвели лошадь. Тут же подбежали двое, кто остался у костра варить картошку. Запрягли лошадей в сеть и отпустили ее. Нас аж ослепило — такая была рыба! 10 кило или больше! Чудище! За всю нашу жизнь мы не видели такой

рыбы. Мы даже боялись подойти к ней. Она же может укусить!

Короче, мы загрузили полную повозку такой рыбой, целый левиафан (маленьких рыбешек мы обратно в озеро выпустили). Вспомнили тов-ща Канторовича, который нас предупреждал. Оказалось, что он не солгал!

Мы вымылись, поели рыбы с картошкой – рыба оказалась сладкой, наваристой. Райское наслаждение! Тысячи вкусов в ней! Пальчики оближешь! Снова стали думать, что делать со вторым ящиком рыбы. Мы так наелись, что не можем с места сдвинуться!

Немного отдохнув, говорит нам казак, чтобы мы прошли по озерку, но мы не хотим:

– Зачем нам столько рыбы? Мы уже верим, что это озеро благословенное.

Однако все равно еще раз прошли с сетью и наполнили вторую повозку рыбой.

– Что за земля! Человек поехал на три часа и поймал 60–70 пудов рыбы!

– Вот бы привезти столько рыбы на рынок в Бердичев! – почесал кто-то голову.

– И не говори, озолотился бы!

Приехав домой, попросили казака взять рыбы, сколько ему хотелось, так как жара стояла сильная, а нам все это было не съесть. Подошли рабочие из Бутылкино – все разделили. Зачем жалеть? Захотим, пойдем и наловим еще. Казак научил нас сушить рыбу, солить. Но больше ловить рыбу с повозками мы не ездили. Нам было достаточно подойти к озеру с ведром и поймать пару пудов рыбы. А тов-щу Канторовичу было стыдно в глаза смотреть.

– Вы слышите, столько рыбы! Кто мог ожидать, что мы ее съесть всю не сможем?!

Теперь Канторович держался все выше и выше:

– Кто просил вас столько ловить? Наловили бы, сколько смогли съесть. Ну что, смеялся я над вами?

Я и не думал смеяться над вами. Нужно, товарищи, завтра браться за работу. Надо соорудить барак. Может, кто-то сюда семьи перевезет. Я дам вам три-четыре тысячи рублей, привозите семьи сюда. Потом дадим дома, коров. Только будьте людьми.

— Зачем вы нас покупаете, чтобы мы никогда не смогли отсюда уехать? — рассмеялись товарищи.

Мы были радостными и уверенными, что все, что говорит тов-щ Канторович, правда.

Наутро мы пошли строить барак, здесь, прямо в Нагибово. Делали барак 8 метров на 12, потом стали делать кровати, так как скоро в Бутылкино должны были приехать переселенцы из Тихонькой. Потом смастерили контору, пекарню, ящики для замеса теста, лопаты — все, что нас просили. А потом и столярню.

Вскоре нам заказали 500 палок для носилок, тачек, кирок, лопат. Из Тихонькой в Бутылкино приехали 40 мужчин-переселенцев. Нужно было приступить к строительству мехцеха. И действительно, спустя некоторое время там начали возводить стены для этого здания. Кирпич делали на месте.

Всю зиму 1930 года мы работали в столярне, делали окна, двери... Летом уехали в Бутылкино и не узнали это место. Там уже было большое крепкое хозяйство, большие дома, кухня, загон, магазин. Было уже 300 человек. Много тракторов. Уже засеяли поля. Это теперь был совхоз с клубом и школой. Построили электростанцию. Позже — молочную ферму.

Со временем из 10 человек, с которыми я приехал сюда, осталось только трое. Другие разбежались, кто в Биракан, кто в Хабаровск, а кто и домой вернулся. Причина их отъезда, во-первых, была в том, что часть людей были слесарями или монтерами водопровода. Они жаловались, что им не давали здесь работы, которую они могут делать. Кроме того, они просто испугались трудностей. Осенью Сталинфельд оказывался

отрезанным от остального мира до тех пор, пока не наступали морозы, то есть пока не высыхала дорога, так, что можно было проехать на машине по замерзшим рекам в Тихонькую. Сидели тут как на острове — ни писем, ни газет. А если кто заболел, доктора не было. Единственный фельдшер в Благословенном, в корейской деревне. Если, не дай Бог, и Самарка разольется, то туда и вовсе не попасть.

Собственного жилья не было. Некоторые были сыты по горло жизнью в бараках. Постоянно в сырости, в болоте, в грязи. В 1930 году произошел такой случай. После дождей прорвало р. Амур, и наш барак утонул так, что его начало бросать туда-сюда, пришлось привязать его веревкой, чтобы не уплыл. Не все могли выдержать такую жизнь.

Самое большое несчастье, самые горькие минуты нам принесли комары. Потом они стали проникать в бараки. У кого был чердак — забирались туда. Все кричали:

— Без головешек из дома выйти нельзя, чтоб их разорвало!

Но я все это пережил. Я видел, что здесь строят новый мир. Я знал, что чем больше здесь будут строить, тем быстрее мы избавимся от комаров и всякой мошкеры, что держится ближе к болотам.

Я пробыл здесь до лета 1931 года, пока меня не перевели на работу в стройконтору в г. Биробиджан, где я и работаю до сего дня.

Тихонькую я не узнал. Новые дома. На улицах машины, трактора, много людей. Бегут с портфелями, как в большом городе. Из окон слышится то тут, то там телефон. По сравнению с тем, что было раньше, идет большое строительство.

Но у меня не было квартиры. Пошел я в стройконтору, что стояла рядом с рынком, на том месте, где сейчас стоит здание педтехникума. Мне сказали идти в

ОЗЕТ, взять палатку и жить пока так, сейчас лето, тепло. Пошел в ОЗЕТ и выбрал двухместную палатку, поставил ее там, где сейчас находится почта. Сделал нары и перевез в нее семью. Потом пошел на работу. Летом 1931 года строили мы здание горсовета, сейчас на этом месте находятся детская консультация, 5-я кухня и дома.

Когда начались первые морозы, жить в палатке с детьми я не мог, выстроил небольшой барак, где сейчас находится пожарная станция, и жил в нем до 1932 года. Работал я бригадиром на строительстве бани и прачечной. Директором стройконторы у нас был Рафальский, а техником — Гринштейн.

Однажды вижу, бегут ко мне на строительство, рассказывают, что я горю. Я побежал домой. Жена и дети лежат на улице. От барака почти ничего не осталось. Нам было совсем некуда идти, хоть оставайся на улице. В педтехникуме тогда располагалось наше общежитие, меня послали туда, но я отказался. Чем идти туда в тесноту, так лучше жить на улице. Директор Рафальский сказал, чтобы я шел в барак у горсовета.

Всю зиму 1932 года я прожил в этом бараке. Зима была суровая, сутки напролет мы топили, но не могли согреться, на улице и то теплее! Барак сделали из досок, из тонких перекладин. К тому же зимой совсем не стало еды. Были перебои с хлебом. На рынке ничего нельзя было купить. Картошка стоила рубль. Хорошо, что ее было достаточно. Денег было много. Да и то беда. Начали зимовать без куска еды. Огорода у нас не было, как сейчас. Никому и в голову не приходило, что есть возможность, было бы что в рот положить. О том, что нужно сажать, никто и не думал.

Единственным местом, которое нас кормило, была кухня, где можно было получить немного воды с кусочком хлеба. Здесь ели рабочие и их дети. На всех обеда не хватало. За каждый кусок была битва, за добавкой —

толкотня. А еще столько работы. Если бы дома можно было после работы найти покой, и то нет. Дети голодные, жена злится, и 200 граммов хлеба на человека — это еще хорошо. Бывало, что и этого нет.

Тем не менее работать мы не бросили. Тогда работа шла изо всех сил. Строили глиноблочные дома в районе горсовета. Из этих блоков за день — дом. Построили почту, бараки вокруг пилорамы, выстроили здание кино, где сейчас общежитие для рабочих, рядом горнометаллургический техникум.

Несмотря ни на что, работали мы по 18 часов в сутки, пока нашу дирекцию и техников не посадили, и Рафальского и Гринштейна. Все строительство встало, темпы резко упали. Остановилась вся работа. Начатые дома остались стоять вокруг, будто после разрушения. Куда ни повернись — заложенный фундамент, валяются тачки, пустые ведра, ямы залиты водой, где мы обычно копали глину. Нигде ни человека. Вот так. Как будто все рабочие вымерли. Дома нет еды, да и делать нечего. Дров на растопку и то не стало — единственное место, где мы собирались, была кухня, там было не так холодно. Заброшенность и бесхозяйственность чувствовались во всем: и в снабжении продуктами, и в отношении к человеку.

Нам прислали нового директора, Дратвэ. Он сразу поставил у двери кабинета швейцара и никого не пускал. Ходишь, собираешь свои тяжело заработанные гроши — уже пару месяцев не платят зарплату. Он в ответ только кричит, дает только расчетки, но без денег, понятно. Позже стали выдавать карточки на хлеб, немного на суп, который получали на кухне.

От страха, что мы так все умрем, многие стали убежать со стройконторы. Кто на другую работу, кто вообще из Биробиджана, обратно на Украину и в Белоруссию. Из 200 рабочих, что были в конторе, едва осталось 50. И когда новый директор тов-щ Вигдорчик пришел на ме-

сто Дратвэ, не было уже с кем работать.

Летом 1933 года стало веселее. Вновь стали вызывать на работу. Начали выплачивать зарплату рабочим. Я сразу получил деньги за 6 месяцев. То же и с моими двумя сыновьями, рабочими (один — столяр, который работал со мной, а другой — штукатур).

Партийный комитет начал барабанить в газетах, на собраниях о том, что нельзя полагаться на то, что нам пришлют пищу из центра, нам нужно взяться и садить огороды. Тем летом все принялись за огороды. Каждый посадил огород рядом с домом. Огороды были разные — личные, коллективные, фабричные и за городом, куда приезжали после работы в выходные сеять и полоть. Насаждали столько огородов, что не могли обойти их все.

Во второй раз принялись восстанавливать горсовет, который зимой 1933 года сгорел. И когда новое партийное руководство с тов-щем Хавкиным сюда приехало, Биробиджан стал областью. Только тогда впервые началась настоящая работа, настоящее строительство. Сейчас уже и не узнать, что было когда-то в городе.

Как только появился тов-щ Хавкин, сразу построили целую улицу больших двухэтажных домов на Октябрьской улице, театр, горсовет, еврейскую школу, которую мы и окончили, новое здание педтехникума, дома для банка, для ОЗЕТа, для врачей и артистов, еще с десятков больших и малых домов и зданий, магазины, ларьки. Совсем другая жизнь настала. Построили мы все с новым директором тов-щем Морозовым.

Уже в 1934 году я стал думать о строительстве своего дома. У меня, чтоб не сглазить, целый дом детей, а ждать, пока я получу квартиру, где ребенок сможет уроки делать, я знал, что не могу. Биробиджан растет, люди постоянно приезжают. Их больше, чем квартир. Единственное, что остается, самому строить дом. Пошел в

горсовет. Горсовет выдал мне 7500 рублей, и я отнес их в строительную контору.

— Зачем тебе отрываться от работы? — сказали мне. — Давай сюда деньги, а мы дадим тебе материалы и бригаду плотников. Построим тебе дом.

Мне действительно привезли материалы на то место, которое мне выделил горсовет, и мы приступили к строительству большого дома, 12 метров, три комнаты, кухня. Целый дом для себя! Я сам с детьми его оштукатурил, построил печку, все столярные работы сделал, двери, окна, цоколь вокруг дома, веранду. Все покрасил, отлично выбелил стены. Построил настоящий дом.

Вот здесь через какое-то время мы и отпраздновали настоящее новоселье. У меня были тов-щи Хавкин, Либерберг, Аншин — около 50 человек дорогих гостей. Я открыл двери зала во вторую комнату и поставил столы.

Для этого случая зарезал собственного поросенка. Мне дали 500 рублей от дирекции на водку. Я же бригадир, ударник, который премировался 8 раз за хорошую работу и получил много грамот. Мы отметили все, хорошо погуляли, выпили за то, что пережили, за все хорошее, до которого еще бы дожить. По-настоящему погуляли.

Тов-щ Благой, секретарь областного комсомола, играл на своем баяне. «Этот вечер я никогда не забуду», — сказал тов-щ Либерберг.

«Этот вечер показал нам всем, чего рабочий, серьезный рабочий, ударник, может добиться в Биробиджане», — упомянул в своем слове тов-щ Хавкин. И он был прав.

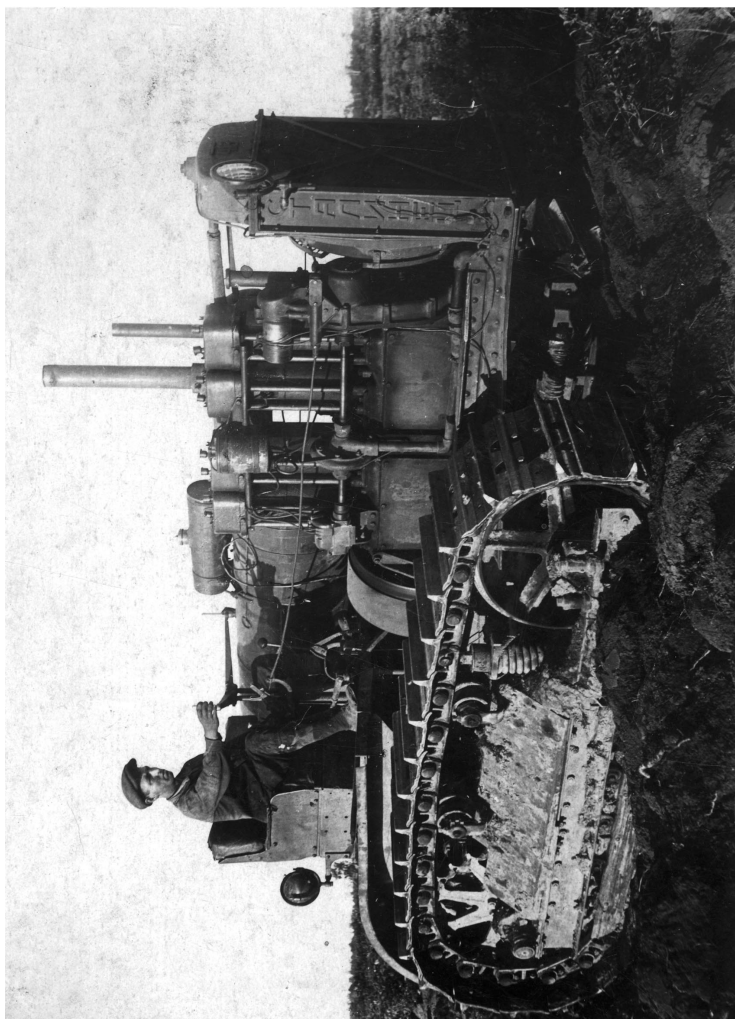
Сейчас у меня дворец — не изба. 8 здоровых детей, 5 девочек и 3 мальчика. Двое сыновей работают вместе со мной на стройке. Оба ударники. Каждый вечер они ходят играть в духовой оркестр. Репетируют к 18-й годовщине Октябрьской революции. 4 девочки ходят в

Гирш Добин

еврейскую школу. Скоро пошлю одну дочь в Москву, учиться на танцовщицу. У нас в Биробиджане должны быть свои танцовщицы. Тов-щи Хавкин и Либерберг пообещали мне помочь.

Мне не на что жаловаться. Имущество уже какое-ни-какое есть — корова, два поросенка, 40 кур, с десятков уток и 10 кроликов. Моя жизнь в Биробиджане — это лучший пример того, чего серьезный рабочий, ударник может достичь.

*Рассказал А. Римский
Записал Г. Добин
20.11.1935*

Стахановец Эля Эйгаль (переселенец с
1930 г.). Колхоз «Валдгейм».
Фотограф Х. Гринберг.
(Из собрания РЭМ)

Мастер тов. Петрош обучает шлифовке
мрамора переселенку Гигу Гонарцкую.
Биракан. Фотограф Х. Гринберг. 1936 г.
(Из собрания РЭМ)

Стахановец Давыдмис с выловленной
рыбой. Теплоозерский рыбоперерабатывающий
завод. Фотограф Х. Гринберг.
(Из фондов Областного краеведческого музея ЕАО)

Переселенцы бьют щебень для строительства Бирского комбината стандартного домостроения. Станция Бира. 1932 г.
(Из собрания РЭМ)

СОДЕРЖАНИЕ

А. Лейбман (Лев) Коммуна «Икор» <i>(Перевод с идиша Елены Сарашевской)</i>	7
Леон Тальми Коммуна «Икор» (Глава из книги «На целине») <i>(Перевод с идиша Елены Сарашевской)</i>	77
Ин. Ин корейский. Урми. Глава из книги «На целине» <i>(Перевод с идиша Елены Сарашевской)</i>	90
Тихонькая (Глава из книги «На целине») <i>(Перевод с идиша Елены Сарашевской)</i>	102
Гирш Добин На Амуре <i>(Перевод с идиша Валерия Фоменко)</i>	114
Воспоминания первых переселенцев <i>(Перевод с идиша Елены Беляевой)</i>	160

Сдано в набор 03.07.2019. Подписано к печати 31.08.2019.
Формат 60х90^{1/16}. Бумага КМА. Печать ризографская.
Гарнитура “Таймс”. Тираж 300 экз. Объем 230. Заказ № 1376.
ОГАУ “Издательский дом “Биробиджан”,
г. Биробиджан, ул. Ленина, д. 32. 2019 г. (И19)